

Владимир Поселягин

ПРОРЫВ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Анатолий Суворов умеет вести за собой людей. И продолжает бить противника в его тылу. Отчаянные бои, но на этот раз Анатолий командует не моторизованной мангруппой, где основной силой были танки, а диверсантами в тылу врага. Теперь он использует другую тактику и совсем другую технику, которая на голову выше его любимых танков и самоходок. В прямом смысле этого слова – выше.

- [Владимир Поселягин](#)

-
-

Владимир Поселягин

Танкист: Прорыв

© Владимир Поселягин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Мотоцикл пылил, скатываясь по склону к ложному посту внизу. Было заметно, что если поначалу ложные фельджандармы забеспокоились, то потом расслабились. Опознали-таки Лосева. Тем более тот был в форме красноармейца, сидел сразу за старшим сержантом Минским. Лейтенант Казанцев, что и командовал этой группой, вышел вперёд, когда мотоцикл с моими бойцами подъехал вплотную и остановился. Разговор долго не продлился, не только мы, но и Казанцев со своими видел огромную толпу пленных, которых сотня немцев вела в свой глубокий тыл. Кстати, а вели к ближайшей железнодорожной станции, судя по карте. Эта дорога именно туда и пролегала.

Видимо, всё, что нужно, Лосев выяснил достаточно быстро, потому как снова занял сиденье позади Минского, и мотоцикл, развернувшись, ревя мотором, стал подниматься на холм, где стояли мой бронетранспортёр, грузовик и второй мотоцикл с Майским. Причём группа Казанцева, быстро собравшись и устроившись на своих транспортных средствах, последовала за ними. Видимо, лейтенант хотел лично со мной поговорить. Пока не знаю зачем, но мало ли что, отложив ревизию мин и детонаторов к ним, сами запалы хранились у меня в планшетке, я открыл скрипнувшую петлями дверцу с водительской стороны бронетранспортёра и покинул кабину, поправляя складки своей формы фельдфебеля вермахта. Встав, я спокойно ожидал возвращения Лосева и прибытия группы Казанцева. Было их шесть человек по количеству транспорта. На двух тяжёлых «БМВ» сидели хорошо знакомые мне бойцы, всех их я знал в лицо, с Казанцевым так тем более, не раз ставил ему задачи по той или иной боевой операции.

Минский, проехав мимо, лихо развернулся и встал на обочине так,

чтобы пулемётчик держал дорогу, где вдали уже хорошо виднелась колонна пленных, под контролем пулемёта. Тут и оба мотоцикла Казанцева подкатили. Сам лейтенант, лихо соскочив с передового мотоцикла, молодцевато отдал честь, рассматривая меня радостно блестевшими глазами, и, немного запинаясь от волнения, доложил:

– Товарищ майор, группа под моим командованием занимается добычей припасов по приказу старшего лейтенанта Михайлова. Один из приказов гласил: найти вас и вывести вас на стоянку нашей основной группы. Товарищ старший лейтенант хочет, чтобы вы снова взяли командование над нами.

– Так тяжело? – осмотрев лейтенанта с ног до головы, уточнил я.

Бойцы уже были опытные. И хотя они не такое и долгое время пробыли под моим командованием, но успели вкусить радость побед и получили некоторый опыт. То есть как организовывать ложные посты фельдджандармов и как носить трофейную форму знали, хотя в основном этим занимались пограничники Волохова, даже благодаря мне имели представление об уставе вермахта, чтобы не засыпаться по мелочам. В этой группе погранцов не было, четверо миномётчиков из взвода Подгорного и двое танкистов, тут я и самого Казанцева считаю. Тот был одет в форму рядового, но форма подогнана отлично, всё правильно в амуниции располагалось, карабин на плече. В общем, с виду настоящий пост, но никто из ложных жандармов по-немецки не говорил. Решили на шару действовать, так как группа Михайлова остро нуждалась в припасах, тут не только топливо и боепитание, но и продовольствие, второй день не ели. После того как те позавчера покинули лагерь, ничего добыть им не удалось, не везло. Решили пропускать крупные колонны и брать одиночные грузовики, ну или небольшие группы из двух-трёх машин. Требовалось добыть продовольствие и топливо. Группа Казанцева у Михайлова была одна, сначала пытались работать в другом месте, но слишком оживлённая трасса, сегодня перебрались сюда, и вот результат, встретились с нами. Пока ничего подходящего им не попалось. Уже часа три тут стоят, но ничего из интересного. Тут тоже ясно, мы же на этой дороге фактически и работали и все небольшие колонны перехватили, вот Казанцеву ничего и не досталось.

А то, что о моём побеге те знали, Казанцев сам сообщил. Да, они покинули лагерь, когда я ещё в подвале сидел. Тут Михайлов как поступил, увёл исправную технику докуда остатков топлива хватило и отправил шестерых надёжных парней обратно, с приказом по-тихому освободить меня. Вот те и выяснили, что я уже сам бежал со своими людьми, и

вернулись ни с чем. Старлей, прекрасно представляя, что я на месте не усижу и найти меня можно будет только случайно, встретить где на дороге, отрядил группу Казанцева, и тем действительно повезло. Правда, как доложил лейтенант, таких групп, отправленных на мои поиски, было разослано ещё четыре, пешими, но только у Казанцева была трофейная форма, у него основная задача – добыча нужных трофеев, остальные искали меня в красноармейской, стараясь не выходить на дороги.

Задумавшись, я посмотрел на лейтенанта и сказал:

– Стремления Михайлова мне понятны, у него слишком мало опыта, чтобы командовать мангруппой, и моя помощь будет кстати, и я не против, в ближайшие пару дней мне будут нужны танки и танкисты, в которых я уверен. Для миномётчиков тоже работа найдётся. Рейд у меня продолжается. Нужно поговорить с Михайловым, он далеко?

– В восемнадцати километрах наша стоянка. Укрылись в овраге, натянув сверху маскировочные сети, оттого нас пока и не обнаружили. Следы гусениц замаскировали. Маскировка очень хороша, вы бы остались довольны.

– Возможно, – так же задумчиво покивал я, внимательно слушая лейтенанта. – Отправляться к группе с пустыми руками не стоит, значит, придётся поискать всё, что требуется. Перечисли, что вы увезли из общего лагеря?

– Да всё, кроме двух немецких бронетранспортёров, КВ капитана Якушева и двух танков на последнем издыхании. Того, у которого проблемы с коробкой, и у другого, где двигатель греется. Мы с них всё сняли и ушли. Бойцы Волохова пытались задержать нас, но мы на них пушки повернули, и они отступили. Злые были. Ещё взяли три грузовика, остальное пограничники не дали. Ваш внедорожник с зениткой тоже себе остали, его старший лейтенант Волохов себе забрал. Эти два мотоцикла – всё, что у нас есть. Вот кухню увести не дали, интендант и часть хоззвода остались в общем лагере, а ремонтный взвод в полном составе и бойцы Погорелова – все с нами. Экипаж и часть танкистов, что пришли с Якушевым, тоже остались с ним. Мы с ними плохо знакомы были. В общем, весь наш старый состав с нами. Те, кто ещё сомневался, ушли следом за нами уже после того, как вы сбежали, их наши разведчики привели, которые должны были вас освободить.

– Понятно. Значит, так, лейтенант. К своим двинем, как стемнеет, а сейчас у нас есть срочное задание. Мы с моими новыми бойцами взяли в плен ещё одного немецкого генерала, в кузове с адъютантом и полковником сидит. При них были карты и все документы по местонахождению

немецких войск ближайших армий в настоящее время. Думаю, ты понимаешь всю важность этих бумаг. Они в срочном порядке должны оказаться в Генштабе в Москве. Даже не в штабе фронта, который тут стоит, потому как Павлов, не знаю, арестовали его или ещё нет, доверия у меня не вызывает. Он или дурак, или предатель. Поэтому идём к аэродрому, отбиваем самолёт, пилоты у меня есть, и отправляем их прямиком в Москву. Если возьмём транспортный «юнкерс», дальности у него хватит. Медлить не будем, у нас мало времени. По пути будем работать под посты, добывать всё то, что нужно Михайлову. Всё ясно?

– Так точно, товарищ майор, – по-старорежимному, как я и учил, козырнул тот. – Разрешите доложить?

– Что у вас?

– Баки пустые, мы сюда на последних каплях приехали, последнее с грузовиков сливали, решили, что без трофеев этот перекрёсток не покинем.

– Вон канистры на борту бронетранспортёра. Заправляйтесь, а я пока посмотрю, что там с колонной пленных. Хочу освободить их. Постреляем конвой.

– Так мы только за, – широко улыбнулся лейтенант.

Пока Казанцев командовал заправкой, он и в наш французский грузовик заглянул, на пленных немцев посмотреть, заодно перекинулся парой слов с лётчиками, а я отошёл к капоту бронетранспортёра и достал из планшета карту. Минский её рукой прижимал, иначе ветерок края трепал. Изредка задумчиво кидая взгляд на приближающуюся колонну пленных, я стал планировать дальнейшие шаги. До наступления темноты осталось не так и долго, фактически меньше часа, и нужно многое успеть. Пока я занимался делом, все старались не шуметь, понимая, что отвлекать меня сейчас не стоит, Лосев тоже не сидел без дела. Бойцы Казанцева, как и остальные из группы Михайлова, голодны, а запасы продовольствия в грузовике у нас были, так что Михайлов, забравшись в кузов, распределил их на пайки и выдал бойцам. Поэтому, когда я уже мысленно спланировал операцию, те как раз заканчивали ужинать, жадно хватая всё, что им выдали. Да уж, двое суток без еды, фактически на одной воде, это серьёзно. Если так протянуть, у всех бойцов и командиров мангруппы будет резкий упадок сил.

К этому моменту пленные уже совсем приблизились, их стало видно невооружённым глазом, и стоило бы поторопиться. Насчёт некоторых из пленных в колонне у меня были серьёзные планы. Мне одна интересная идея пришла в голову, я и решил: а почему бы не попробовать? Можно оперировать и подобными силами. Если проще, то мне был нужен

технический состав ВВС и сами лётчики. В этот раз нужны все, кто относится к авиации: техники, оружейники, летчики, да даже зенитчики или те же командиры, способные управлять авиаподразделением. Да, я решил изменить себе и создать новый основной боевой состав. Михайлова я тоже планировал держать при себе и устраивать рейды, но не так, как мы делали до этого. Новая боевая группа станет авиационной. Вот тут могут открыться шикарные возможности для совместных действий авиации и танков в тылу врага. Да мы такой террор сможем навести, что полностью блокируем транспортные артерии вермахта.

К сожалению, пленным в колонне не повезло, наблюдатель подал сигнал, на дороге появилось облако пыли и показалась длинная моторизованная колонна, что двигалась в сторону передовой. Зло ударив по капоту бронетранспортёра и слегка отбив кулак, я свернул карту и убрал её в планшет, после чего сухо скомандовал:

– По машинам.

Ставить задачу немедленно я не стал, отъедем чуть дальше, соберу всех своих и тогда сообщу, что спланировал. Я никогда не работал, как другие командиры в РККА, то есть не действовал шаблонно. Также я старался ставить в известность по плану всех, начиная от командиров, заканчивая обычными бойцами, чтобы каждый знал, что делать, и операция шла как швейцарские часики. А то командир поставит приказ, а что кому делать, в подразделениях не знают, как сержанты надумают, так и поступают, что не всегда приводит к нужным результатам, я же обычно всё разжёзываю, что именно нужно делать. Именно это и обеспечивало нашу высокую мобильность и высокие показатели в действиях в тылу противника, с нанесением ударов по уязвимым точкам в местах концентрации их войск. Вот и сейчас не собирался отступать от своих привычек.

Выстроившись в колонну – Минский всё так же возглавлял нашу группу – и двигаясь вперёди, мы успели спуститься с холма к перекрёстку, где до этого стоял пост Казанцева, и выехали на дорогу прежде, чем подъехала колонна немцев. В общем, мы свернули в тыл немцев. Ха, несмотря на то что нам помешали освободить часть пленных, уничтожив конвой, я не передумал проводить эту боевую операцию. Мне нужны были люди, причём высокомотивированные, коих в этой колонне должно было успеть скопиться немало. Пока мы стояли на холме, то слышали далёкие одиночные хлопки выстрелов немецких карабинов. Их три было, если быть точным, Казанцев специально смотрел в бинокль, чтобы подтвердить мои слова о происхождении этих выстрелов, и с белым от бешенства лицом

подтвердил: немцы добивали раненых и уставших, которые не могли идти дальше. В принципе, бойцам это и так было известно, но одно дело слова, другое – когда они сами всё это видят. Так что пока гнали этих пленных, успевших нахлебаться гостеприимства немцев по самое не балуйся, вот таких я и хотел набрать. Остальных, что не захотят к нам, неволить не буду. Это моим бойцам известно, что их ждёт, а те пусть на своей шкуре прочувствуют.

Отъехали мы на километр, найдя просто отличное место для атаки, а точнее, расстрела конвоя. Открытое со всех сторон поле с ровной дорогой, спрятаться просто негде. Конечно, и нас видно, но мы изображали усиленный пост, так что место для него вполне подходит, тут был перекрёсток нескольких второстепенных полевых дорог. Бойцы так развернули мотоциклы, чтобы держать обе обочины дороги, по которой к нам шла колонна, под прицелом. Немцы как раз по обочинам и шли, выдерживая дистанцию, чтобы пленные не успели в рывке добраться и напасть, поэтому у нас была фактически идеальная позиция для стрельбы. Для того я это место и выбрал. Вот так и поставил задачу, когда позиции были подготовлены, а это не сложно, требовалось лишь развернуть мотоциклы и бронетранспортёр с пулемётами, чтобы можно было стрелять. Да ещё снайпер наш в стороне занял позицию. Его задача – отстреливать тех из немцев, что уцелеют и будут самыми активными. Ну, и офицера первым делом снять, а потом унтеров, если они уцелеют, конечно.

Распределив роли каждого, кто откуда стреляет и что потом делать группе, я устроился в бронетранспортёре и стал ожидать, изредка поглядывая на свежую карту, добытую у фельджандармов. Генерал-майору Кротову для уничтожения аэродрома и выхода к нашим я дал другую. Неподалёку имелся пункт сбора трофейного вооружения, всего в четырёх километрах, и вот я планировал захватить его. Тут и пленных вооружу, и возможно, добуду топлива для Михайлова. О продовольствии я помнил, добудем тоже, но уже у немцев. Сомневаюсь, что тут вблизи были склады со столь нужным нам продовольствием.

Спохватившись, я перебрался в десантный отсек и забрал у Лосева свою форму, переоделся, снова став майором РККА. Когда нужно будет говорить с освобождёнными пленными, это может пригодиться. Когда я вернулся на сиденье водителя, то сразу запустил двигатель, наблюдая за совсем приблизившейся колонной пленных. Когда до передних осталось метров пятьдесят, я скомандовал:

– Огонь!

Из-за того, что до железнодорожной станции осталось километра

четыре, а уже начало темнеть, видя, что они не успевают, конвойные подгоняли и так выдохшихся пленных как могли. Выстрелы в конце колонны звучали всё чаще, однако нам это всё играло на руку. Ну, кроме того, что добивали совсем обессилевших. Из-за наступления сумерек дороги опустели, немцы вставали на постой где могли, в деревнях или в чистом поле, готовясь к ночёвке. К счастью, вокруг никого и ничего не было. Пользоваться мы собирались немецким оружием, опытные ветераны вермахта легко различают, где работают «свои» пулемёты, так что если кто и услышит быстро стихшую перестрелку, то не думаю, что уделят этому много внимания. Не обеспокоятся. Бойцы ждали этого приказа, а сигнал к открытию огня – первый выстрел из пулемёта, стоявшего на бронетранспортере, и как только пулемётчик дал длинную, в двадцать патронов очередь, скосив дальних немцев в конvoe, то остальные четыре пулемёта, установленные в колясках, открыли шквальный огонь. Да и трое разведчиков, у которых не было трофейной формы – точнее, теперь была, но я приказал пока не переодеваться, нужно, чтобы пленные видели, что это свои, – высипали из десантного отсека и, встав на одно колено, открыли огонь из своих СВТ. Бабочкин, который и стоял за пулемётом в бронетранспортёре, короткими очередями гасил любые очаги сопротивления на своей стороне обочины, Лосев у него за второй номер был, готовился подать следующую банку, чтобы перезарядиться, как только отстреляются. К счастью, этого шквального огня, практически в упор, хватило. Немцев мы положили, и пока шла спешная перезарядка пулемётов, надо было один в резерве оставить, разведчики со своими СВТ нас страховали. Да и лётчики, что выглядывали из кузова вездеходного грузовика, тоже держали трофейные карабины наготове. Правда они как раз огня не открывали, у них своя задача была, охранять пленных офицеров.

Как только перезарядка закончилась, я скомандовал:

– Пулемётчики в прикрытие, остальные вперёд, не дать пленным разбежаться.

Пулемётчики короткими очередями поперёк бега, а некоторые всё же рванули в безнадёжный рывок, остановили их. А куда? Открытое поле вокруг со снятым урожаем, укрыться негде, от пули не спрячешься. Так что этими очередями бойцы показали пленным, что шутить с нами не стоит, следующая уже может и на поражение прилететь, пока же только предупреждаем.

Открыв дверцу, я прихватил ППД и, в сопровождении Лосева и трёх бойцов в красноармейской форме, направился к огромной толпе пленных. Два мотоцикла отъехали в сторону в поле, чтобы и конец колонны

контролировать. А водители спешились и, держа автоматы наготове, с пулемётчиками подстраховывали нас. Вот так придерживая висевший на плече автомат, я шёл мимо колонны уставших пленных – некоторые уже вооружились за счёт перебитых конвойных, надо сказать, третью можно смело записать на их счёт – и, рассматривая их, только качал головой. Многие ранены, повязки видны, возможно легко, раз такой путь смогли выдержать, но всё же это не очень хорошо. Судя по петлицам и нарукавным нашивкам, командиров вели вместе с рядовым составом. То есть просто собрали в одну общую кучу и гнали к ближайшему сортировочному центру, что и находился как раз в четырёх километрах от нас, в селе у железнодорожной станции. Забыл, как она называется.

Дойдя так до середины колонны, по примерным данным тут было около двух тысяч человек, я посмотрел в обе стороны и громко приказал:

– Построиться в колонну по трое. – И пока ближайшие пленные нехотя выполняли приказ, я повернулся и велел двум бойцам, чтобы те отбежали в сторону и передавали мои приказы тем, кто их не слышит. Раненых этот приказ не касался, они могут отдыхать сидя или лёжа.

Бойцы разбежались, и дело двинулось быстрее. Дальше, закончив строить освобождённых, я приказал: те, кто хочет биться с захватчиками дальше, два шага вперёд; те, кто устал и ему этого не нужно, остаться на месте. Как я и думал, два шага вперёд сделали практически все командиры, из бойцов две трети, остальные остались стоять на месте. Правда и среди них встречались командиры вплоть до капитана. У каждого могут быть свои причины, однако никаких огневых действий делать я не стал и приказал своим мотоциклистам гнать их прочь. Пусть к станции идут, немцы их там примут. Те и пошли, командовал там тот самый пехотный капитан.

Уже окончательно стемнело, и пришлось зажечь фары мотоциклов и бронетранспортёра. Понятно, что нужно уходить, но просто так это делать не стоит, я, конечно, не из политотдела, но толкнуть речь было просто необходимо.

– Товарищи командиры и красноармейцы. Я майор Корнев, командир моторизованной группы, которая вот уже как несколько недель воюет в тылу немцев, проводя диверсионные мероприятия. Нами были уничтожены аэродром с сотней самолётов, танки, штаб пехотного корпуса, где мы уничтикли пять немецких генералов… – рассказал о боевом пути отряда, бойцы-глашатаи передавали дальше, и закончил я вот какой фразой: – Все вы считаетесь неблагонадёжными как попавшие в плен. Неважно, случайно это произошло или нет, но у вас есть шанс искупить этот проступок, вступив в мою часть. Могу обещать, что атак на пулемёты не будет, мы

действуем по-другому, воюем из засад, и никогда до последнего. Всегда ударили – убежал, из-за чего потери в моих подразделениях минимальны, а у противника просто огромны. Формирование подразделений начнётся завтра, сейчас же вам нужно пройти на прямую по полю три километра, так будет ближе, чем по дороге, там за рощей находится небольшой сборочный пункт советского вооружения, собираемого немецкими трофеистами. За этот счёт вы и вооружитесь. Питания пока не обещаю, похоже, это тоже до завтра, но раненых и ослабевших возьму в кузов грузовика и бронетранспортёра. Места мало, поэтому берём тех, кто уже не может идти. Потерпите, парни, рывок тяжёлый, но он нужный. Старшие командиры, подойдите ко мне, остальным готовиться к выходу.

Среди пленных действительно было несколько командиров в довольно высоком звании. Генералов я не заметил, видимо их как-то по-другому перевозят, а вот полковников оказалось аж трое. Точнее, два полковника и один бригadier, только у него в петлицах было не по четыре шпаги, как у полковников, а по одному ромбу, хотя в званиях они были фактически равны. Были ещё один подполковник, один военврач первого ранга и заинтересовавший меня специалист-военинженер первого ранга. Также было четыре майора, один из которых танкист в явно повреждённом огнём френче, видимо горевший комбинезон он сбросил. На шее были видны пятна ожогов, на голове бинт. Среди командиров также было несколько раненых. Ещё были командиры и в капитанских званиях, но их больше десятка.

Ещё раз представившись, остановил командиров, которые также хотели представиться, и пояснил:

– У нас очень мало времени. В кузове того грузовика находится пленный немецкий генерал, которого нужно срочно доставить к нашим, он имеет очень важные сведения. Которые могут помочь выстроить оборону. Думаю, теперь вы понимаете, как нам важно отправить его как можно быстрее в тыл. Это не ваша задача, а моя. Я же поставлю вам такую задачу. Кто из вас, товарищи полковники, боевой командир, а кто работал на штабной работе?

Выяснилось, что оба боевые. Один, тот, что имел артиллерийские эмблемы, был начарта стрелкового корпуса, а второй – командир стрелковой дивизии, окружённой немцами и этим утром окончательно разбитой. Вот с того времени и гонят в тыл. Не кормили, не поили. Попить только однажды довелось, когда вброд реку переходили. Так что обезвоживание тоже царило среди пленных ещё то. В общем, я подумал и, как представитель Генштаба, уж брать на себя полномочия так брать, иначе

эти полковники мне подчиняться не будут, я стал ставить задачи:

– Держите карту, можете оставить её себе, у меня ещё есть. Значит, так, товарищ полковник, вы становитесь командиром, а вы, товарищ комдив, заместителем. Ваша задача – довести всех освобождённых вот сюда к пункту сбора трофеиной техники. Пока вы идёте, я со своими бойцами уже уничтожу охрану. На месте сразу вооружайтесь. Потом от вас потребуется ночной марш-бросок вот к этому лесному массиву. Там вас будет ждать питание. Полевые кухни я подгоню. Что-то перехватить можете на пункте сбора вооружения, это поддержит ваши силы. Там в лесу вы уже перейдёте под моё командование. У меня есть на вас планы...

– Вот что, майор, – остановил меня полковник. – За то, что освободил, спасибо, но мы всё же старше по званию. Мы уходим к нашим. Думаю, имеющие боевой опыт бойцы и командиры пригодятся на передовой больше, чем тут.

– Что ж, неволить не буду, – мысленно зло ругнувшись на этих дуболомов, я тут же попросил полковника-артиллериста: – Разрешите хотя бы поговорить с бойцами и командирами, мне нужны определённые специалисты в разных родах войск.

– Только после меня.

Полковник оказался прекрасным оратором, из тех, что могут зажигать сердца и поднимать в атаку, поэтому я не удивился, что, когда после него вышел вперёд и взял слово, отправиться под мою руку согласились едва ли сотня человек. Я даже по профессиям их не проверял. Да всё равно все пригодятся. Среди согласившихся уйти под мою руку оказался всего один капитан, да и то из ВВС. Начштаба бомбардировочного полка. Он вызвался, когда узнал, что мне и летуны нужны. Именно его я и поставил командовать своей группой, показал на своей карте, куда нужно идти, и велел, временно сформировав из бойцов роту, немедленно отправляться в путь. Лишь шестеро остались с нами, сил двинуться дальше у них не было. Рота уже ушла, а тут подошёл полковник-артиллерист.

– Вот что, майор, технику мы у тебя забираем...

– Что? – Я даже несколько растерялся от такой наглости. – Может, вам ещё вареньем морду намазать? Всё, полковник, кто не с нами, тот против нас. Теперь сами всё добывайте. Прощаемся.

– Да как ты смее... – договорить тот не успел, от моего мощного удара под дых сложился пополам, жадно хватая воздух, а оба бойца и Лосев, что продолжали страховать меня, вскинули винтовки и автомат, мой ординарец был вооружён таким же ППД, как и у меня.

Схватив полковника за ухо и выкрутив, я зашипел ему:

– Вот что, полковник, о твоём самоуправстве я доложу товарищу Сталину, так как работаю под его личным руководством, так что, будущий майор, готовь задницу и вазелин по возвращении к нашим. Понижение в звании – это минимум, что тебя ждёт, мудак.

Оттолкнув его в сторону, я скомандовал бойцам:

– Грузимся и уходим.

Недовольные моими действиями были, так как всё происходило на свету, выдаваемом узкими щелями защитных кожухов фар бронетранспортёра, поэтому под недовольный ропот мы ушли к машинам под прикрытием пулемётчиков, погрузились, не забыв ослабленных бойцов, и, развернувшись, укатили по той дороге, что вела к ближайшей деревне, у которой и организовали склад собранного вооружения. Там три больших амбара было, в них всё и хранили. Ну, и рядом. Амбары успели окружить колючей проволокой на шестах, на забор у немецких трофеищиков пока времени не было, да и пункт хранения временный, в скором времени всё это вывезут. Откуда я знаю? Так от одного из фельдjanдarmов. Их предупредили, что скоро будут гонять колонны с этих пунктов. Причём не авто, в основном на телегах к станции будут вывозить. Транспорт для других дел нужен, более важных. Хотя если грузовики для этого и будут использовать, то советские, трофейные, их тоже изрядно взяли, и пленные, что согласились сотрудничать, будут на них работать под присмотром немецких хозяев. Именно так тот жандарм и сказал, пока от меня в зубы рукояткой пистолета не получил. Нужно выбирать слова, когда со мной говоришь, раса господ хренова. Кстати, это был водитель этого самого бронетранспортёра, которым я сейчас управлял.

Что мне больше всего не нравилось, так это атаковать объект, который не известен. Количество немцев известно примерно, вроде как отделение охраны плюс сами трофеищики. Но они в деревне проживают, что находилась в километре от амбаров. Да и те принадлежали ранее местному колхозу. Здание управления, один склад и конюшня сгорели во время скоротечного боя у деревни, а то, что уцелело, немцы и использовали. Для начала нужно бы разведчиков туда заслать, чтобы там всё обнюхали, но из-за лимита времени пришлось действовать наудачу. Поэтому я остановился на попутки и, собрав бойцов вокруг, переоделся снова под фельдфебеля и поставил задачу по охране. Кстати, прившая восьмёрка вовсю жадно насыщалась, им и еды дали, и воды во флягах. У нас, вон, канистра воды ещё на бронетранспортёре имелась, всего наполовину опустошённая. Двое бойцов, не доев, просто вырубились, настолько устали. При инструктаже в большинстве я просил импровизировать, сразу реагируя на неожиданности

и накладки. Ну, и направил Казанцева блокировать немцев в деревне. Пусть поставит два пулемёта в укрытии и не даст им подойти. Точнее, те молчать должны до последнего, пусть немцы покинут деревню, направляясь к складам, и когда они подойдут поближе, неожиданно ударить в упор. Я приказал их уничтожить, постараться всех. Двух «мясорубок», как называли бойцы МГ-34, должно хватить. Не думаю, что в деревне кто-то ещё есть, от дорог та далеко, да и находится у песчаного карьера, фактически тупик, так что если и есть немцы на постое, то в основном как раз те же трофеищики. Опять-таки это предположение, точно мне известно не было, жандармы тоже не знали, я уточнял.

Закончив с постановкой задачи – описал практически каждому бойцу его действия, нажимая на то, что в случае нештатной ситуации требуется переходить на импровизацию, то есть думать самим, – я вернулся в бронетранспортёр и дал сигнал к продолжению движения. Мы внаглу подъехали прямо к воротам, опутанным колючей проволокой. Причём Казанцев со своими бойцами, сразу обогнав нас, уже проехал в сторону деревни, где искал позиции для засады. Я же остановил машину у ворот, остальные остановились по бокам от бронетранспортёра, а грузовика вообще не было, позади остались на дороге. Пассажиры в этом захвате не участвовали.

Как только машина остановилась, я распахнул дверцу и громко скомандовал:

– Часовой, срочно начальника караула сюда. Русские окружены близко, мне нужно организовать тут оборону, чтобы они не ушли в леса.

Тот, уже собирающийся меня окрикнуть, тут же заметался. Раз фельдджандармы так беспокоятся, а бляху на груди у меня он рассмотрел, значит, дело серьёзное. Да и слухи ходили о танковых отрядах русских, что бродили по тылам вермахта. Вон, дикая в своей жестокости акция с аэродромом или штабом корпуса до сих пор на слуху. Подбежавший на шум обер-ефрейтор, начальник караула, торопливо доложил мне, что у него два часовых в караулах, ещё девять спят в двух трофейных палатках. Уточнив о русских окруженацах, он забеспокоился и тут же побежал выполнять мой приказ, поднимать и вооружать солдат. Даже часового снял с дальнего поста и привёл сюда. Дальше объявив, кто мы, под дулами пулемётов разоружили охрану и рассыпались по территории пункта хранения трофеиного вооружения. Ну и ещё глазастый Бабочкин доложил, что наша рота на подходе, двое дозорных, что шли впереди, показались и торопились к нам, остальные, видимо, идут следом. Или ожидают, что эти двое проверят, действительно мы это мы или кто другие. Всё же повезло,

что удалось обойтись без стрельбы, но снимать Казанцева я не торопился. Будем уходить, подам сигнал фонариком, как и договорились, чтобы те снимались.

Пока бойцы изучали амбары, сбивая замки с дверей, я общался с обер-ефрейтором, благо тот вполне охотно отвечал на мои вопросы, продолжая находиться в ошеломлении, и вполне знал, что тут имелось. В общих чертах, но знал. Как оказалось, сюда свозили всё, что находили неподалёку, а не чисто одно только вооружение. Что мне больше всего понравилось, на огороженной стоянке находилось около полусотни советских грузовиков. Правда, обер-ефрейтор сообщил, что там только две трети на ходу, остальные нужно ремонтировать. Отдельно в ряд стояла техника немецких трофеев: четыре грузовика, специализированный тягач и ремонтная мастерская в железном кунге на базе дизельного «Мерседеса». Мне такие уже встречались, однозначно берём. Также он меня порадовал тем, что среди трофеев имеются и бочки с топливом, нашли их в брошенных или захваченных машинах, или на разных небольших полевых складах, как бензин, так и солярка. Они находились под самодельным навесом за третьим амбаром. Точнее количества топлива тот не знал, но говорил, что бочек шестьдесят, а то и семьдесят там. Точно сказать не мог, он из охраны, а не трофеевщик. Это к интендантам нужно, что учётные записи вели.

На вопрос о продовольствии тот тоже юлить не стал – есть, но по мелочам. На одном из складов хранили то, что нашли в брошенных машинах, и использовали для личных нужд. Узнав, где хранится продовольствие, я тут же отправил Лосева изучать запасы. Фонарик выдавать не стал, у того свой был. А вообще у бойцов, что всё осматривали, их было пять из последних трофеев, плюс два получили с охраны амбаров, так что было чем подсвечивать. Поэтому, когда рота с капитаном Зверевым подошла полностью, всё уже было прикинуто, и я стал заниматься сортировкой бойцов. Выяснив, есть ли водители – вперёд сразу вышло одиннадцать бойцов, из них было два младших командира, ещё с десяток командиров тоже могли водить, – сначала отправил их на склад к Лосеву. Тот там уже вскрывал банки с консервами, галеты и сухари подготавливал, на стеллажах раскладывал порциями, сделав нечто вроде столов. Там десять минут на быстрый перекус, и дальше кто к машинам, изучать и заправлять из бочек, кто на склады за оружием – ручными пулемётами, из тех, что исправны, карабины Мосина. Винтовки я брать запретил, слишком длинные. Ну, кроме двух, с оптическими прицелами. Эти пригодятся. Кстати, было два десятка исправных ДТ, видимо снятых с танков, у нас их был недостаток, приказал забрать все, как и диски.

Патронов было не так и много, но бойцы, что оживились, напившись воды и наевшись, работали с огоньком. Зверев составлял списки того, что грузим, чтобы передать их Михайлову, так тот быстрее всё это освоит. Подгоняли машины к складам или к навесу с бочками и по доскам закатывали или затачивали в кузова.

Всего на сто двадцать шесть бойцов, что согласились уйти под мою руку, было двадцать шесть командиров, остальные рядовой состав. Я сразу, можно сказать с ходу, сформировал два стрелковых взвода, назначив командиров, в том числе на отделения. Взводы в тридцать бойцов каждый, по десять в отделении. Остальные пока в ожидании назначения по специальностям. Отдельно я держал летунов. Кстати, майор Тонин тоже подъехал, когда до него добежал посыльный, сообщив, что сборочный пункт захвачен. Да, среди освобождённых пленных оказался профессиональный повар в звании сержанта, что заканчивал армейскую школу поваров в Харькове. А у нас среди трофеев как раз обнаружилось две из трёх исправных полевых армейских кухни образца сорок первого года. Третья повреждена была, расстрелял кто-то. Вот ему я и передал обе кухни под командование и двух бойцов в помощники, сразу приказав начать готовку из расчёта на триста семьдесят человек – и группу Михайлова, и роту Зверева учел. Тот и воду залил в котлы обеих кухонь, предварительно помыв их, рядом колодец был, и уже готовить начал.

Среди пленных было четверо зенитчиков во главе со старшим сержантом. А на двух полуторках стояли зачехлённые счетверённые «максимы». Вот те приняли их, благо обе машины на ходу, а зенитки в порядке, искали нужные патроны, снаряжали ленты. Готовили оружие к бою, также подыскивая среди освобождённых пленных, людей в расчёты. Там этот старший сержант и командовал. Снарядов было совсем мало, но подобрали те, что подходят к нашим танкам. Примерно триста снарядов, три боекомплекта, но хоть что-то. Среди разной техники обнаружилось аж три бензовоза, Зверев их признал своими, то есть те из какого-то авиационного полка, и эмблемы были. Цистерны пустые, но тот сообщил, что в нескольких бочках имеется авиационный бензин, у него запах специфичный, и вот стали его переливать в эти топливозаправщики. Авиационное топливо мне тоже было нужно.

Почти три часа шли работы. Ревели моторы, и только сейчас в деревне забеспокоились, отправив трёх солдат приunterе к складам. Тревоги же не было, выстрелов тоже, чего торопиться. Мне о них посыльный от Казанцева доложил, в ножи их взяли втихую, чтобы дать нам побольше времени. А мы брали всё, что пригодится. Из оружия – только чтобы

вооружить всех безоружных. Продовольствие всё забрали. В общем, двадцать девять грузовиков, по числу водителей, покинули территорию поста и под командованием Казанцева колонна двинула к месту стоянки мангруппы старшего лейтенанта Михайлова. В конце колонны дымили трубами обе прицепленные к грузовикам кухни. Я сообщил лейтенанту, где буду их ждать завтра к обеду, там и встретимся, а пока всё, что так остро необходимо танкистам, я им отправил. Главное, чтобы дождались и не сожгли с отчаянья технику и не отправились пёхом к нашим. Хотя это вряд ли, все такие паникёры остались с Волоховым, должны дождаться.

Колонна ушла, а мы, сопроводив их до перекрёстка, повернули в другую сторону. К одному небольшому аэродрому, точнее площадке неподалёку от штаба одной из немецких армий, где стояли транспортные самолёты, используемые штабистами. Идея их использовать на грани наглости, но тем и живём. По поводу ушедшей колонны: конечно, ставить Казанцева на командование, когда есть командир в звании капитана, да ещё среди освобождённых было двое старших лейтенантов, один артиллерист-гаубичник, неправильно, не соответствует уставу, но мне на это было как-то наплевать. А Звереву я пояснил, будет авиа часть, будет командовать, а сейчас не его специфика. Кстати, те немногие из артиллеристов, что были среди освобождённых, нацелились на десяток пушек, что хранились тут же, подготовленные к вывозу, но я не дал их забрать. Да просто не нужны, танков вполне хватает, а терять мобильность я не хотел, тем более некоторые пушки можно было буксировать только используя лошадей, что-то там с рессорами связано, или передком. В общем, не моя специфика, но машины их буксировать не могли. Так что я с лёгкой душой отказался. А вот два стодвадцатимиллиметровых миномёта и три восьмидесятидвухмиллиметровых мы забрали с запасами мин, три машины ими загружены были. Из миномётов в порядке были только эти, остальные или на переплавку, или в ремонтные мастерские на серьёзный ремонт. Ничего, Погорелов разберётся, всё же профессиональный миномётчик, да и расширит свой взвод до усиленной батареи, я на это дал добро.

Михайлову я отправил несколько листов с приказами на ближайшее время, Казанцев передаст, когда доложится. Там подробно расписаны его действия на ближайшие неполные сутки. По пути, по выполнении одного из заданий, тот и мою группу подхватит, между прочим, заметно уменьшившуюся. Пришлось отдать всех парней из разведчиков Минского, что умели водить. Остро требовались водители. Это временно, соединимся, бойцы вернутся к сержанту. Конечно, бесила дуболомность обоих полковников, что так неожиданно упёрлись рогом и решили действовать

по-своему, когда я их освободил, а у меня уже такие планы на них были, но ладно, чем мог, помог, отбив особо обнаглевшего. Об этом я обязательно доложу в следующем рапорте на Большую землю, но не воспользоваться информацией, полученной из бумаг, взятых с полковником-штабистом, я просто не мог. А там настолько свежая информация, чтобы нанести по ним удары, что слюнки текли. Естественно, всё охватить я не мог, сил мало, но хоть мизерную часть раскатать поручил в тех приказах Михайлову. Пусть самостоятельно повоюет, а дальше разберёмся, уже можно решать более серьёзные задачи. Только к тому времени у нас должна быть своя авиация, наша или трофейная – не важно, но решить некоторые задачи без неё будет не только сложно, но и практически невозможно. А совместными ударами авиации, тех же штурмовиков, и танков можно выполнить любую задачу. И я не шучу. Практика покажет, прав я или нет.

Несмотря на то что часть бойцов пришлось отдать, моя колонна в технике не уменьшилась, так же пылит Минский метрах в пятидесяти впереди, осуществляя передовую разведку. За ним мой бронетранспортёр ревёт мотором и лязгает гусеницами. Заправленный советским бензином, он вполне бодро двигался вперёд, да и канистры были пополнены. Этим Бабочкин занимался, выбирал тот бензин, что нужно, советуясь с опытными водителями. За нами катил грузовик с пленными и летчиками, ну и замыкал мотоцикл Майского. Все, конечно, устали, но остался последний рывок в тридцать два километра до нужной площадки, где имеются транспортные самолёты, отправим груз на Большую землю, и отдохнём. Найдём безопасное место, высшимся. Я и сам чувствовал сильную усталость.

Рванули мы напрямки, но постов не встретили, мы их объехали благодаря золотой карте, добытой у фельджандармов, так что уже через полтора часа были на месте. Встали километрах в двух от того места, где находилась площадка с самолётами. Два бойца, что отсыпались в десантном отсеке бронетранспортёра, поправив амуницию, выслушали мои инструкции и скрылись в темноте по направлению к аэродрому. На них непосредственная разведка местности, а мы все легли спать, пользуясь свободной минуткой. Но выставили двух часовых – самого часового и подчасика. Встали-то на дороге, прямо в поле неподалёку от двух разбитых советских грузовиков. Майский уже туда бегал, ничего интересного. Вычищены. То ли наши, то ли немцы постарались.

Проснулся я от прикосновения к плечу. Меня Майский тормошил, который бодрствовал на часах. Разведка вернулась. Подсветив циферблат, я

определил, что спал почти три часа. Столько же осталось до рассвета. Непозволительно долго, и слишком мало. В смысле долго разведка возилась и мало спал. Скрипнув петлями водительской дверцы, я выбрался наружу, застегнул ослабленный ремень и, дождавшись, когда Майский плеснёт на ладони водицы из фляжки, омылся, освежаясь и приходя в себя. Трудно было просыпаться, однако холодная вода помогла.

Благодаря тому, что я со своей мангрупой ушёл за зону поисков, сделав рывок за сто километров – это уже потом меня арестовали, – поиски велись достаточно далеко, и здесь было тихо. Да и из-за перехваченных сегодня колонн пока тревоги не подняли. Вполне возможно, о том, что они не прибыли в пункт назначения, уже известно, и машина поисков началась раскручиваться, но не думаю, что тела водителей и сопровождающих этих колонн найдут так быстро. Если только местные помогут. Пограничники оттаскивали тела подальше от опушки, и эту гору закидали ветками. Сгоревшую технику также хорошо спрятали. Так что места, где пропали колонны, хоть и можно будет обнаружить, обычным опросом свидетелей и постов, но это всё не быстрое дело. За это время мы будем ой как далеко. С другой стороны, пропажа генерала и чина, имевших при себе столь важные бумаги, всколыхнёт всех, и я так думаю, поиски будут вестись даже ночью, и наверняка ведутся. Надо снова эфир послушать. Прежде чем лечь спать, когда отправил разведчиков, я уже слушал, по разным каналам ходил, шифровки шли, но открытой речи по интересующей меня теме не было. Может, сейчас в эфире оживление будет? Тот же генерал Кротов должен был напасть на аэродром, если послушал, конечно, меня. Посмотрим.

– Докладывайте, – отряхивая руки и вытирая их поданным бойцом полотенцем, велел я разведчикам.

– Нашли, – первым нарушил тишину один из бойцов, второй немного смешался, этот побойчее будет. – Три самолёта. Два большие, трёхмоторные и один маленький, как те, что мы у немцев угнали. Палаток восемь, две из них наши, большие. Там технический персонал, наверное, спит. Их охраны четверо часовых, и две зенитки. Двустрельные, мешками обложены. Автоматические. Со стороны дороги пост с пулемётом, ещё одна пулемётная позиция со стороны болота. Не знаю, почему там пулемёт поставили. Ещё провод с консервными банками натянули, мы чуть не наскочили на него.

– Ага, понятно, – задумчиво прокомментировал я. – С пяток техников, летуны и взвод охраны. Охрана не усиленная, штаб недалеко, а там немцев как грязи. Пулемёт со стороны болота – это понятно, скорее всего кто-то из окружёнцев охрану напугал, сунувшись с той стороны, вот и организовали

ещё одну точку обороны. Что по связи скажете?

– Две полёвки нашли, – кивнул тот же боец. – Над дорогой они на шестах подняты, видимо, чтобы танки не порвали, ещё у одной палатки антенна на шесте поднята, видимо радиостанция там.

– Ясно. Значит, так... – мельком глянув на часы, я приказал: – Через сорок минут режете обе полёвки. Ясно?

– Часы трофейные имеем, товарищ майор. Срежем, – подтвердил боец, сверив свои часы с моими.

– Отлично. Работаем.

Дальше бойцы снова скрылись в темноте, а я стал поднимать остальных, объявив побудку. У меня было несколько планов дальнейших действий, включая налёт на аэродром и под огнём увести «юнкерс», однако с теми силами что у меня есть сейчас, это не удастся. Жаль, Михайлова мне до рассвета не дождаться, тот бы смог помочь, но утро – это поздно, отправить самолёт с грузом нужно было до наступления рассвета. Придётся снова маскироваться под немцев и работать нахрапом. Наглость и везение наше всё.

Уже через полчаса наша колонна двинула дальше, и к моменту, когда должны были перерезать связь, мы подкатили к пулемётному гнезду на въезде на этот небольшой полевой аэродром. Правда, колонна была слегка сокращена, бронетранспортёр остался на дороге. Причём без охраны, только один боец сидел с наушниками на голове у радиостанции. Остальные бойцы были задействованы в деле. Я ехал на передовом мотоцикле с Минским, из-за того «ганомаг» и оставили, что я должен был изображать старшего, а они обычно на передовых машинах сидят. Да и планы были насчёт использования штатной бортовой радиостанции бронетранспортёра. В самом грузовике уже наши лётчики были, переодевшиеся в немецкую форму и изображавшие конвой для трёх немецких офицеров.

Когда мы подъехали к посту, тут даже шлагбаум был, раскрашенный белыми и чёрными полосами. Педанты, однако, эти немцы: временная стоянка, но порядок во всём.

– Стой, – поднял руку старший поста в звании унтера.

Колонна, порыкивая двигателем грузовика и звеня моторами мотоциклов, остановилась. Соскочив с заднего сиденья, а я сразу за Минским сидел, вскинул руку в нацистском приветствии – меня с двух фонариков освещали, да ещё фары мотоцикла давали подсветку, – представился:

– Фельдфебель Ланке, конвойная группа СД. У нас груз. Троє

арестованных офицеров вермахта, их взяли на передаче информации русским. Слышали про налёт с полным уничтожением аэродрома и одного из штабов? Это результаты их предательства.

– Скоты, – скрипнув зубами, зло сказал унтер. – У меня в штабе брат погиб, в охране служил... Ладно, документы на перевоз преступников.

– Прошу.

Достав из планшета, тоже немецкого, нужные бумаги, передал их унтеру, а тот чуть позже спешившему к нам офицеру в звании оберлейтенанта, видимо тот был дежурным на аэродроме. Сонный на вид тот был. Быстро изучив документы – ещё бы, их тот полковник немецкий писал, убедили сделать это, благо пустые бланки были среди бумаг, – офицер кивнул, всё в порядке. Приказ доставить предателей в Берлин за подписью начальника СД их армии. Ещё офицер попросил предъявить отличительный знак сотрудника СД, раз я командую конвоем, он должен быть, форма фельджандарма – это может быть часть прикрытия. Ничуть не чинясь, я предъявил жетон сотрудника СД, среди трофеев их три было. На этом всё, офицер кивнул и сообщил, что самолёт будет подготовлен за пять минут, сам самолёт готов, экипаж поднять нужно. Предупредив, что посадка будет проходить под нашим контролем, я выставлю бойцов в оцепление, получил заверения, что тот всё понимает. После этого нас пропустили на аэродром. Я в шоке, дежурный даже не позвонил в штаб армии, да и к радио не пошёл. Зря линии резали, и боец в бронетранспортёре сейчас частоты глушит, на которых работают радиостанции люфтваффе. Да, я понимаю, что не заглушит уходящий сигнал, мощности радиостанций разные, но заглушить приём подобием морзянки вполне в состоянии.

Сам офицер оседлал одиночку, что стоял у поста на въезде на аэродром, и возглавил колонну к одному из «юнкерсов». Перед этим по телефону с того же поста приказал поднимать экипаж дежурной машины. Именно поэтому, когда мы подъехали, от палаток, на ходу поправляя комбинезоны, уже потянулся экипаж этого воздушного судна. Что делать, бойцы знали прекрасно, я уже предупредил, что с охраной и пленными общаться запрещено. Следствие ещё идёт, утечка информации недопустима. Более того, с солдат поста, самого дежурного и экипажа «юнкера» будет взята подписка о неразглашении. Стандартная процедура. Только ее будут проводить другие сотрудники, что подъедут утром, а с экипажем побеседуют уже в Берлине.

Тот это воспринял как должное, но я всё равно был настороже, проверил, как выставлена цепь, и, убедившись, что экипаж «юнкера» уже

внутри, готовит машину, подал сигнал, и водитель подогнал грузовик задом поближе ко входу в салон, дальше, покинув кузов, наши переодетые лётчики стали высаживать пленных и заводить их в салон самолёта. Пленные и рады бы крикнуть или как по-другому поднять тревогу, но тут и руки им связали сзади, и кляпсы во рту. Да и мелькали они снаружи не так и долго. Что мог увидеть обер-лейтенант, что стоял рядом со мной у одного из мотоциклов? Только тени, света мало было. Причём я был напряжён куда сильнее его, ведь сейчас там в самолёте летчики брали экипаж в плен, наставляя на них пистолеты, разоружая и связывая. Их подстраховывали Майский с напарником, они хорошо ножами умеют работать. Так что всё время, пока шла посадка, я был изрядно напряжён, не скажу, что на нервах, но ожидал, что вдруг что-то пойдёт не так. Но нет, вот из люка показались двое моих бойцов, одетых, как и все, в трофейную форму. Они махнули мне рукой, этот знак означал, что всё в норме, экипаж взят и связан. Изнутри люк закрыли, и грузовик, ревя мотором, отъехал, а самолёт, который стоял у деревьев, стал разгоняться для взлёта. Его морда уже была направлена на укатанную полосу. Через минуту он оторвался от взлётной площадки и, продолжая натужно гудеть, скрылся в темноте. Майор Тонин вполне неплохо знал эту машину, хотя и имел небольшой опыт управления ею, вот и сейчас он показал класс, совершенно спокойно взлетел и отправился на Большую землю. Мешки с их формой были при них, чтобы в полёте по очереди переодеться, не в немецкой же форме своих встречать после посадки. А дальше разберутся. Рапорт я с ними отправил, как и все ценные бумаги. К рассвету должны быть над нашими территориями. А дальше как повезёт, успеют до Москвы добраться или раньше перехватят.

Официально поблагодарив обер-лейтенанта за помощь СД, я приказал грузиться на технику, тот нас также сопроводил до выезда с территории этого аэродрома, и мы добрались до бронетранспортёра. Оба бойца, что должны были перерезать полёвки, уже были тут, так что, вернувшись в кабину «ганомага», я скомандовал продолжить движение. Сейчас надо убраться как можно дальше, потому как когда немцы узнают, как их кинули, визгу и поисков будет много. Тут я как раз на Михайлова и надеялся, с его ударами по тылам вермахта для отвлечения внимания от нас. Уже первый должен нанести, по моим прикидкам.

Разбудил меня шум, кто-то звонко ударил металлом по металлу. Дёрнувшись, я открыл слипающиеся от сна глаза и первым делом посмотрел на часы, машинально подзаводя их. Шум шёл снаружи, а я спал в палатке, мы две затрофеили на сборном пункте советского вооружения,

организованном немцами, в них охрана спала, вот хозяйственный Лосев и прибрал нужное имущество. В одной я лично расположился, в другой Бабочкин с Лосевым и Минским, остальные кто где. Уже под утром мы совершили рывок от аэродрома в пятьдесят километров, после чего загнали технику на опушку достаточно крупного лесного массива и вот, замаскировав лагерь, поставили палатки и выставили часовых и отсыпались. Время побудки я назначил на одиннадцать часов, за час до этого должен был встать Лосев, чтобы приготовить на всех завтрак. Благо десятилитровый котёл мы позаимствовали у тех же немцев, стоявших на охране сборочного пункта трофейного вооружения. Супчику хотелось, а от ручья, где можно набрать воду, до нашей стоянки было метров триста. Видимо, Лосев металлом и звенел, тем более я рассыпал, как тот матюгнулся.

По времени было без двадцати одиннадцать утра. Спал шесть часов, но в принципе хватило, чтобы нормально высаться, отдохнуть. Потянувшись, я выбрался наружу и босиком, сапоги в палатке остались, прошёлся до ближайших кустов и окропил их. Потом пробежался, сильно задирая колени – лёгкая разминка у меня такая, и, упав на траву, стал делать отжимания, а потом и другие приёмы, чтобы прийти в себя. Лосев уже стоял наготове с ковшиком, полным воды, и полотенцем на сгибе локтя. Стоял я в одних галифе и нательной рубахе. Умывшись и приведя себя в порядок, я осмотрелся и уточнил:

- Как там с ручьём, глубина подходящая?
- Так точно, товарищ майор, я сам поплескаться успел.
- Отлично, поднимай бойцов и отправляй следом за мной. Не жмись, выдай им мыло, пусть себя в порядок приведут и трофейную форму от пыли почистят, щётки вроде тоже есть. Потом и позавтракаем.
- Сделаем, товарищ командир, – кивнул тот.
- Вот что, я решил назначить тебя на должность ротного старшины, так что как выйдем к своим, получишь по четыре треугольника в петлицы. Имей это в виду.
- Есть, – козырнул тот, поставив перед этим ковшик на капот бронетранспортёра. – Спасибо, товарищ майор.

Потом он стал поднимать остальных, появился шум множества людей, голоса и остальное, а я, подхватив МП, так же босиком направился к речушке, когда меня окликнул Лосев:

- Товарищ майор, мыло и полотенце забыли.
- Подбежав, тот передал мне указанное и отправился обратно, на нём ещё готовка, котёл ароматно булькал на костре, ну а я, закинув полотенце

на плечо, направился было дальше, как вдруг от неожиданности подскочил, когда из кустарника, шурша листвой, ко мне влезло чудо-юдо.

– Стой! – направив на него ствол автомата, приказал я, укрываясь за ближайшим деревом. – Кто такой?!

Мой крик всполошил всех в лагере, часовой повернул в нашу сторону ствол пулемёта, остальные тоже похватали оружие, и ко мне рванула тревожная группа из трёх бойцов во главе с Минским. Ну, а то чудо-юдо, что шуршало в кустарнике, превратилось в мужчину в форме политработника, а точнее – политрука. На это указывали по три кубаря в петлицах и золотые звёзды, нашитые на рукавах. Причём, судя по шуршанию, в кустарнике ещё кто-то оставался.

– Извините, я слышал, как вас окликнул тот боец красноармейской форме, вы действительно имеете звание майора РККА? – уточнил тот.

– Танкист, – кивнул я, с заметным скепсисом разглядывая политрука. Какой-то вид у него бы не армейский. Как будто на гражданина надели военную форму. Кстати, а кобура, явно не пустая, у него всё же была открыта. – Вы кто такой, представьтесь, как положено. И кто ещё там у вас в кустах прячется?

Подбежавшим бойцам я велел проверить кустарник, и они вытащили из него точно такого же политрука, но уже с круглыми очками на носу. Наган у того забрали. Так что передо мной стояло два политработника, которые по очереди и представились. Оказалось, те были военными корреспондентами «Комсомольской правды», возвращались на редакционной машине с набранным материалом, и машина сломалась. Пока чинились, оказались в окружении. Сидели почти неделю в этом лесу, пока водитель чинил машину, он запчасти искал на дорогах и снимал с разбитых или брошенных машин. Смелый парень. Когда закончили ремонт, дёрнулись в разные стороны, везде немцы. Решили переждать, три дня на опушке сидели, а тут мы. Они уже собирались, бросив машину, пешком уходить, тем более еды не осталось, ещё вчера последние крохи доели, но вот встретились с нами.

– Понятно, – выслушав их доклад, кивнул я. – Пока останетесь с нами, у нас диверсионный отряд, при возможности отправим вас к нашим. Сейчас отправляйтесь за водителем и присоединяйтесь к нам. Как будет готов завтрак, поедим и двинем дальше. У нас большие планы, и времени задерживаться лишний час нет.

Приказав Минскому, как прибудет водитель, ещё раз всех троих опросить, ну и документы проверить, я отправился дальше к ручью, где чуть позже появились бойцы. Причём один стоял на часах, охраняя нас.

Водица была прохладной, хорошо бодрила, набрызгавшись, я намылился и продолжил водные процедуры. После чего воспользовался полотенцем, к этому моменту Бабочкин закончил чистить мою форму фельдфебеля, поэтому я оделся, ремни и начищенные сапоги тот тоже принёс. Так что в лагерь вернулся я в полной форме фельджандарма, с бляхой на груди. Только каска осталась висеть на спинке сиденья бронетранспортёра.

Оба корреспондента даже не дёрнулись, когда я появился, уже видели, что бойцы ходят в трофейной форме, да и о том, что мы диверсанты, они в курсе, я им сам сказал. Кроме них был ещё молодой белобрысый парень в форме красноармейца с карабином руках, водитель служебной машины редакции. Они сидели на траве неподалёку от грузовика и встали, когда я подошёл ближе.

– Закончил? – уточнил я у Минского.

Тот кивнул. Мы отошли в сторону, и тот доложил по этой тройке. Похоже, действительно нам повезло встретиться с настоящими военными корреспондентами. Те прожили в лесу больше недели, а так никого и не встретили, ни немцев, ни окружёнцев. Точнее, издали видели, но не встречались. В общем, норма, можно будет забрать с собой, не бросать же их. Полуторка их редакционная мне была не нужна, внимание привлекать будет, да и топлива в баке мало, у нас, конечно, есть в канистрах, но я не хотел рисковать. Так что велел подобрать водителю трофейную форму, научить её носить, и решил посадить его за руль бронетранспортёра, а то не дело: командир группы – и сам шоферит. Минский перепоручил это одному из своих бойцов, те уже возвращались с речки, и сам двинул, он ещё умыться не успел.

Завтрак оказался чудо как хороший, Лосев снова превзошёл себя в искусстве приготовления пищи. Вон, корреспонденты и их водитель так наворачивали похлёбку, причём вприкуску с трофейными галетами, что за ушами трещало. Выдавать им посуду и ложки не требовалось, своё имели, советские круглые котелки без крышек. Под конец, когда мы уже чай из кружек пили – всё трофеи, – один из бойцов, не удержавшись, задал волнующий его вопрос корреспонденту. Тот, что вышел ко мне, был Зиновьевым, а второй, с очками, Потаповым. Кстати, открыв клапан нагрудного кармана, я достал чехол, из него извлёк круглые очки и надел их. Это был трофей с того полковника-штабиста. Я сам сперва не понял, в чём фишка с ними. А оказалось, стёкла в очках были с простыми линзами. Очень удобно. Если человек курит, то, чтобы выдержать паузу, например, для обдумывания, он хлопает рассеянно по карманам, достаёт пачку и прикуривает. Этого обычно хватает подумать, а что делать тем, кто не

курит, как я, а такая пауза необходима? Идут на хитрость, носят такие простые очки и протирают линзы, беря эту самую паузу. Если что, платок у меня в кармане лежал, а я понял по вопросу бойца, что и ко мне обратятся, так что взять паузу мне тоже будет необходимо. Именно поэтому я, когда изучал трофеи, снятые с полковника, рассматривал очки и сообразил, что у них за линзы, оставил себе. Полковник обойдётся, ему больше они не нужны, а мне могут пригодиться, вот как сейчас. Тем более внешность человека в таких очках изменяется, он становится менее воинственным, что ли? Очкариков не опасаются.

Мы собрались, погрузились и покинули опушку, выехали на полевую дорогу. Очки, что так и не понадобились, я аккуратно убрал в чехол, а тот в карман. Ещё пригодятся.

Поначалу новый водитель, его звали Иваном, неуверенно вёл машину, а потом ничего, я дал на ходу несколько подсказок, и тот освоился. Поглядывая на карту, я крутил головой, изучая окрестности. Вот и река, вот нужный нам мост, сейчас переедем и через сорок километров соединимся с мангруппой.

— Товарищ майор, — привлёк к себе внимание водитель. — Мост сожжён. Недавно, дымится ещё. И передовой дозор остановился на обочине.

— Остановись за ним, — приказал я. — Двигатель не глуши.

Как только бронетранспортёр замер, я откинул бронешитки и осмотрелся. Мне не нравился этот сожжённый мост. Немцам его жечь нет никакого смысла, а вот для каких-нибудь окружёнцев или сброшенных парашютистов, у которых стоит задача замедлить продвижение противника любыми путями, этот мостик вполне лакомая добыча. Хотя речка тут и не широкая, метров пятьдесят, но берега топкие, сам мост деревянный и двухпролётный. Плеснулся бензину, а дальше огонь всё доделает. Я так прикинулся, утром подожгли, на рассвете. К обеду и сгорело как раз всё, мы уже к углем подъехали. Не думаю, что эти диверсанты хреновы ещё тут, кто же будет ждать ответки, но рисковать выходить наружу я не стал, лишь приказал пулемётчику, в этот раз был один из бойцов Минского, усилить бдительность, а сам стал изучать карту. Есть ли тут ещё какой мост или брод.

Минский остановил мотоцикл за двести метров до моста. Это он правильно поступил, так и нужно. Изучив угли в бинокль, тот слез с седла и направился к нам, я опустил бронешторку сбоку, и подошедший старший сержант сообщил:

— Похоже, наши поработали. Там охрана была. Побитая на берегу

лежит, я два тела рассмотрел в немецкой форме. Без сапог.

— Окруженцы, — согласно кивнул я на намёк. — Наверняка уже далеко... У нас тут интересов нет, разворачиваемся. Тут в восемнадцати километрах брод на карте указан, проходимый для техники, направляемся туда. Смотри, каким путём пойдём.

— Ага, — взяв карту, Минский стал изучать её, не особо обращая внимания на обозначении, не разбираясь в них, но всё же поинтересовался, что это за знак на броде.

— Пост фельджандармов, — нехотя поморщился я. — Наверняка укреплённый. Но без этого брода нам не обойтись, иначе не успеем к месту встречи. Ничего, время есть до брода, чего-нибудь придумаю, чтобы или спокойно проехать, как свои, или использовать силу. Пока ничего по этому поводу не скажу. Я даже не знаю, какими силами те там располагают. Пулемётное гнездо, во всяком случае, точно должно быть. Это тут на посту простые зольдатики стояли, они бы и пикнуть не посмели грозному фельдфебелю в моём лице, а с «коллегами» такое не пройдёт. Думать надо. Ладно, разворачиваемся и двигаемся до ближайшего перекрёстка, там уходим направо.

Сержант убежал к своему транспортному средству, и мы, развернувшись, попытали — действительно было много пыли, особенно от бронетранспортёра — обратно к перекрёстку. Когда мы повернули, меня потряс за плечо подсевший ближе Лосев. Общаться можно только крича в ухо, так ревел двигателем и лязгал на ходу «ганомаг». Лосев, приблизившись к моему уху и время от времени щекоча усами, сообщил:

— Командир, продовольствие есть, но немецкое всё, как сухпай. Консервы ещё остались для похлёбок, концентраты для горохового супа, но нужны овощи, лук или та же картошка. Может, в деревню какую завернём? Купить есть на что.

— Не купить! — прокричал я в ответ. — Немцы только забирают и не платят. Идея мне нравится. Самому эти консервы надоели, а суп сегодня утром у тебя чудо как был хорош.

— С овощами было бы лучше.

— Это точно. Сейчас чего-нибудь придумаю.

Снова достав карту, я стал задумчиво изучать её, изредка поглядывая по сторонам. Впереди показалась небольшая автоколонна немцев, видно, что транспортная, но мы спокойно её пропустили, она нас пока не интересовала. Да и дороги тут не особо были загружены, это всего девятая колонна, не считая одиночек, что нам встретилась с момента, как мы покинули лагерь. Бойцы Минского со мной были третий день, а уже вполне

начали осваиваться. Нагло катили по дороге, и если им приветливо сигналили встречные машины, отвечали, так же махая руками и сигналя в ответ. Молодцы, я объяснил им, что такое основы маскировки. Не нужно дёргаться от любого шороха, пусть противник дёргается, это наша земля.

Закончив обдумывать разные варианты, я приказал Ивану:

– Посигналь нашим и вставай. Нужно поговорить.

– Хорошо, – кивнул тот.

Иван привлёк внимание наших и остановился на обочине, заглушив хорошо потрудившийся мотор. Пока водители осматривали свои машины, где нужно подтягивая, если требовалось, дозаправляли из канистр, у нас оставалось топлива ещё примерно на сто километров, я собрал вокруг себя всех, кто с нами был, включая политруков. Можно было, вокруг никого, чистое поле.

– Товарищи командиры и бойцы, мной было принято решение посетить одну из небольших деревень. В село соваться не будем. Там наверняка уже комендатура имеется, можем привлечь внимание, а вот в деревнях вряд ли встретим немцев. Да даже если встретим, не страшно. В общем, наша задача – добыть продовольствия и загрузить его в грузовик. Будем брать по максимуму.

– Скажем, что мы свои, русские? – оживился Зиновьев.

– О нет, будем изображать немцев, поэтому вы двое, с теми бойцами, что в красноармейской форме, спрячетесь в десантном отсеке бронетранспортёра. Каски немецкие наденете, будет изображать десант, только сидите спокойно. Это позволит без проблем погрузить в грузовик всё необходимое. Повару в группе Михайлова овощи тоже понадобятся, но и мы будем использовать добытое. Хочу дополнительно сообщить, что в деревнях наподобие той, куда мы заедем, немцы ставят своих людей. Не показывать вида, что вы ими недовольны, и не смотреть с ненавистью. Играйте типичных немцев, что не понимают местных, я буду и за старшего, и за поминающего русский язык. Такие старосты, ставленники немцев, собирают отряды самообороны из отщепенцев. В деревне, вроде той, куда мы заедем, на двадцать домов, таких может быть четверо-пятеро. Не хотелось бы повторять. Мы немцы, приехали, забрали, точнее реквизировали продовольствие и уехали. Возможно, староста со своими помощниками захватили кого из окруженцев. Это обычное сейчас дело, вы должен с шутками и прибаутками, на немецком или чем-то похожем на него, забрать пленных, которых нам передадут как представителям новой власти, и погрузить в машину с продовольствием. Потом уедем. Это всё, что мы сделаем. Информация о нас не должна разойтись. Если кто нарушит

мой приказ и сорвёт маскировку, я лично расстреляю по законам военного времени. Усвоили?

– Так точно, товарищ майор, – вздохнул Минский. – Постараемся с ребятами выдержать.

– Кстати, товарищ майор, а к чему эти «так точно» и «никак нет»? Не кажется, что это по-старорежимному? – влез с вопросом Потапов.

– Генерал армии Жуков предложил товарищу Сталину вернуть в армию погоны и офицерские традиции, называть командиров офицерами, а бойцов солдатами. Товарищ Stalin обещал подумать, отложив эту докладную записку Жукова, но не отказался. Так что думаю, когда пойдут победы, это всё вернут, включая погоны. Не скоро, но введут. А то, что сейчас используем по моему приказу, это просто удобно. Надоели мне эти нейтральные «да» или «нет». Ладно, давайте распишем, кто чем занимается, когда мы заедем в деревню. Значит, действовать будем так...

То, как деревня рада новой власти, мы увидели на въезде. Я заметил, как напрягся Иван за рулём бронетранспортёра, увидев красный транспарант на въезде и повешенного мужчину в форме командира РККА. Давно висит, пара деревенских мальчишек вороньё от него гоняют длинными хворостинами, мухи там летали. Видимо, староста запрещал снимать это свидетельство их лояльности к новой власти.

– Как же так, товарищ майор? – растерялся Иван.

– Ничего, боец, только злее будем. Вернёмся, со всеми поквитаемся. Ты внимательно смотри, запоминай, вернёмся, будем давить этих тварей.

– Запомню, – сказал тот и, как будто давая себе клятву, повторил: – Не забуду.

У въезда, где был транспарант, стоял невысокий мужичок лет пятидесяти в комсоставских сапогах, обычных деревенских штанах, гимнастёрке и засаленной кепке на голове, которая, казалось, приклеилась к темечку. На плече на ремне висела винтовка, были подсумки для боепитания – тот самый боец самообороны, про которых я говорил. Быстро тут немцы развернулись, навербовав помощников. Наше появление заметили, это было видно, один из мальчишек рванул куда-то в деревню, явно предупреждать старших о появлении хозяев. Деревня находилась на берегу той самой речки, которую мы не смогли пересечь из-за сожжённого моста. Находилась она в стороне от основных дорог, потому я и надеялся не встретить тут «коллег» из вермахта, и похоже, мои предположения подтвердились. Если бы тут были немцы, мы бы это заметили. Кстати, а на транспаранте было написано, со всеми знаками препинания:

«*Освободителям слава!*» Причём на немецком языке, видимо полиглот в деревеньке имелся. Фигово.

Проехав мимо попытавшегося вытянуться полицая – получилось у того это смешно, карикатурно, – мы попытали по единственной улице ближе к пристани, где стоял каменный дом, по виду ранее это была лавка, потом здание сельсовета, а сейчас управа старосты. Именно там и висел флаг новой власти, и из него выходили к нам как староста с повязкой на рукаве, так и его помощники. Их оказалось несколько больше, чем я предполагал, почти десяток. Причём двое в форме красноармейцев со споротыми знаками различия, судя по выправке и тому, как держали оружие, не ряженые, а действительно перешедшие на другую сторону предатели. Все вооружены винтовками, лишь у старосты висела на животе кобура, причём немецкая, явно с «парабеллумом» внутри. Пулемётов, ничего подобного не было.

– Не останавливайся, – быстро скомандовал я Ивану, лишь мельком посмотрев на встречающих. – Давай к тому амбару на берегу реки.

То, что заставило меня так возбудиться, стояло у амбара в такой родной зелёной окраске 4БО. Это был трёхглавый дракон, «Т-28». Неплохой танк, я бы даже сказал отличный, но со своей спецификой применения. Против пехоты он просто великолепен, но если у противника имеются противотанковые пушки и уж тем более танки, то это гроб для экипажа. Только вот я и не собираюсь применять подобную технику на передовой. Наша война в тылу, где встретить танк или пушку очень большая редкость, а вот автоколонны или пеших солдат вермахта куда проще и легче. Да в принципе и против танков он хорош, особенно если из засады. Интересно, откуда у местных этот танк и на ходу ли он?

Мои действия, конечно, удивили Минского, который было остановился у встречающих, если бы те заранее знали, что мы приедем, уверен, что хлебом-солью бы встречали, но ничуть не смутившись, дождался, когда колонна проедет мимо, и пристроился в конце. Местные тоже заторопились к амбару, да тут и недалеко было, метров сто. На их мнение насчёт наших поступков мне ещё сильнее наплевать было, мы тут хозяева, пусть и играем их, что хотим, то и творим. Захотим, перестреляем всех тут к чёрту. Я хоть и не Иван, но и на меня произвёл гнетущее впечатление тот повешенный на въезде. Я уже решил, что можно и наплевать на маскировку, постреляем всех к чёрту и рванём дальше. Против этого было две причины. Тот брод, к которому мы ехали, находился чуть дальше по реке, в двух километрах. Могут услышать. Ну, и то, что можем спалиться, пойдёт информация по всем сёлам и деревням, что, мол, такая-то группа находится в розыске,

требуется сообщать, где и что. Однако главная причина в том, что когда мы соединимся с Михайловым, то направимся к одному объекту не так и далеко отсюда, и не хотелось бы поднять панику, а то могут и ужесточить охрану. В общем, в ближайшие часы стоит вести себятише воды ниже травы. На кону успех всей операции. А наша цель – это штаб группы армий «Центр». Да-да, именно этот штаб наша цель, и пока сведенья по нему свежи, стоит ударить по сердцу этой гидры под названием вермахт. Эх, попробовать бы перехватить новых фельджандармов, хотя бы обновить информацию по тому же штабу. Надо подумать, ближайший пост на броде, может, что и получится, тем более теперь даже танк есть, если он на ходу, конечно. Оставлять его тут я не планировал. Прихватим. Сделаем вид, что трофей. Пара бойцов в трофеиной форме поедут на броне, чтобы все видели это.

Ха, танк ещё не мой, а я уже планы строю. Да и непонятно, как у него с топливом, боеприпасами, на ходу ли он? Действительно, в каком состоянии? Много вопросов, но пока нет ответов. Пока мы, неторопливо покачиваясь, катили к амбару, я повернулся и, придиличко осмотрев десантный отсек, указал Лосеву на свой сидор.

– Достань ключ.

О чём я говорю, тот прекрасно понял и, кивнув, стал развязывать горловину. Дело в том, что башенные люки у танков запирались, можно изнутри, можно снаружи с помощью такого вот танкового ключа. Они универсальны, подходят к любому танковому люку, и я специально держал один такой при себе. У танка, что стоял у амбара, все люки были закрыты. Понятно, что если закрыли, то есть чем открыть, но воспользуемся своим. Пока Лосев возился, я ещё раз мельком осмотрел танк. Ну да, командирский, поручни-антенны вокруг башни на это ясно указывали. Однако то, что я засёк ещё на подъезде к управе, и заставило меня пускать слюнки по этому танку. Длинный ствол ЗИС-2, торчащий из главной башни, явно намекал, что машина экспериментальная, и вполне возможно, усовершенствованная. Эти пушки ставили также и на «тридцатьчетвёрки». К сожалению, у нас таких не было, и, несмотря на вроде как небольшой калибр, пятьдесят семь миллиметров, машины с такими пушками считались истребителями танков. Бронепробиваемость куда больше по сравнению даже со штатными пушками «тридцатьчетвёрок». Если я и преувеличиваю, то не сильно. Вот орудие такое, жаль в серию не пошло. То есть не давали нормально запустить эти пушки.

Когда мы остановились метрах в десяти от амбара, я не спешил выбираться, сейчас работа парней, как и договаривались заранее. Так вот,

трое покинули кузов грузовика, остальные – сёдла мотоциклов, ну кроме пулемётчиков, и разбежались, беря территорию под контроль, двое, подбежав к и так полуоткрытым дверям амбара, с ходу, как будто всю жизнь тренировались этому, одновременно ударили ногами по створкам, заставив их распахнуться, хотя щель, чтобы войти, и так была достаточная, и забежали внутрь. Чуть позже те вывели двоих, по виду один конюх, в руках тот держал ремонтируемую упряжь, второй была или дочь, или внучка лет десяти. Думаю, последнее.

Только после того как бойцы убедились, что вокруг безопасно, подскочивший Минский, угодливо изогнувшись, открыл дверь, помогая мне выбраться. Мы это на дороге раза три репетировали, пока у того не начало получаться. Выбравшись, я внимательно и грозно осмотрелся и передал сержанту ключ, махнув в сторону танка, чтобы проверили и взяли его под охрану. Подошедшие местные, включая старосту, сразу раскланялись. Невысокий парнишка в очках, лет пятнадцати, на откровенно плохом немецком пытался переводить то, что говорил староста, но я остановил его, сообщив:

– Не нужно, я карашё говорю по-русски.

Лёгкий акцент я всё же оставил, главное, чтобы понимали. Этот переводчик малолетний заставил изрядно напрячься, теперь парням нельзя выкрикивать на чём-то похожем на немецкий, этот очкарик может это и понять. Пока сержант и двое бойцов осматривали танк, открыв верхний люк, – один спустился внутрь, – заложив руки за спину, я прошёлся немного вперёд, из-за чего староста вынужден был последовать рядом. Специально так сделал, чтобы тот чувствовал себя в роли просителя или подчинённого.

– Фельдфебель Ланке, дорожная охрана. У нас приказ обереста Шмульке собрать продовольствие. Прикажите своим людям погрузить в нашу машину свежие овощи и фляги со свежим молоком. Ещё штук пять мешков с мукой. Бумагу мы вам выдадим. Нужно шесть мешков картошки, капусты, моркови, лука, чеснока и остального.

Староста отвлёкся, быстро отдал распоряжения своим, чтобы доставили к нашему грузовику всё, что я перечислил, видимо резерв нужного у них имелся, раз тот сразу и охотно стал выполнять распоряжения, что не могло не радовать. Более того, приказал добавить свежего сала – недавно хрюшку забили. Хм, неплохо, молодец, любит новую власть, это хорошо. Да и фляги с молоком приказал доставить две, а не одну. Вернувшись, сразу же сообщил:

– Всё будет сделано, господин фельдфебель. Недавно мы уже

отправляли продовольствие в Антиповку, в комендатуру. Туда же свезли и всех русских бандитов, что пробирались к своим.

– Всех?

– Именно всех. К сожалению, больше не попадалось.

– А тот, что висит на въезде?

– О, это фанатик, отстреливался до последнего патрона, потом застрелился. Мы его решили повестить в назидание, так сказать.

– Мне всё ясно. Мне не нравится, что вы так поступили, снимите его и похороните, он достоин этого, если сам не сдался... – пройдясь ещё немнога, я остановился у танка и поинтересовался: – Откуда у вас этот танк? Унтерменшам запрещено владеть бронетехникой.

– Простите, кому?

– Неполноценным людям, славяне все неполноценные и годятся только на роль рабов и прислуги. Вам запрещено владеть танками, откуда он у вас?

– О, это интересная история, господин фельдфебель. Когда из Минска эвакуировались разные предприятия и заводы, то в одной из колонн был этот танк. Там что-то случилось, и он встал, водитель, который один был в танке, занимался ремонтом, вот когда он закончил, мои парни и захватили его. Водителя там и прикопали, а один из наших, раньше на тракторах работал, пригнал танк сюда. Сначала мы его в амбаре прятали, а сейчас выгнали. К сожалению, пулемётов у него не было, как и снарядов. Пустой. Мы его не применяли. Помыли, чтобы передать доблестной непобедимой Германской армии с лучшими пожеланиями.

– Это хорошо, мы его заберём, – задумчиво кивнул я.

То, что танк разоружён, я и так видел, пулемётные башни пусты были, снято всё, кроме пушки, лишь подобие пробок было вставлено. Видимо, чтобы на ходу через проёмы не попадала внутрь пыль. Танк блестел свежей краской и явно в боях не принимал участия, никаких следов не было. Я больше скажу, похоже, танк проходил модернизацию на одном из заводов в Минске, однако дополнительного экранирования не имелось, двигатель был тот же, авиационный танкового типа М-17Т. Вполне неплохой по части скорости при движении, и доработанный. Все детские болезни уже убраны. Правда, горят они в случае подбития ещё как, но что есть, то есть.

– Господин фельдфебель, сейчас всё доставят, не согласитесь ли вы поподничать с нами? Стол уже накрыт, – угодливо изогнувшись, явно копируя движения Минского, когда тот мне двери открывал, пригласил староста. Такие же угодливые выражения были и на лицах его людей. Смотреть противно.

Мельком глянув на часы, я лишь покачал отрицательно головой, мол, и

рад бы, да времени нет. Рисковать принимать приглашение я не хотел, мало ли на чём засыплемся, да и задерживаться в этой деревне не хотелось. Чем дальше, тем сильнее хотелось перебить тут всех. Тем более, вон, подъехало две телеги, нагруженных мешками, и полицаи стали под присмотром моих бойцов загружать продукты. Отдельно принесли корзины со свежим хлебом, разным свежим продовольствием, включая копчёности и пару пирогов, ну и две фляги с молоком. Откуда молоко, я даже спрашивать не стал, в стороне на окраине находился коровник, оттуда, вестимо. Вот так, пока мы общались, один из красноармейцев, Берёзов, ходил с фотоаппаратом в руках – это Потапова, – а оба корреспондента, поглядывая, что происходит вокруг, через бойницы, записывали, как предатели встречали немцев. Именно поэтому Берёзов и делал фотографии, он один посещал в юности фотокружок и умел пользоваться «лейкой», а политрукам были нужны фото. Так что отличный кадр получился, когда староста угодливо изогнулся, да и остальные предатели в кадры попали. Правда, Потапов слёзно просил делать только лучшие кадры. Всего пять снимков было выделено на это, плёнки было очень мало. Да и я тоже с бойцом побеседовал, когда Потапов закончил инструктаж проводить, приказав делать снимки со мной в кадре, только если я стою спиной к ним. Не хочу светить своё лицо. Боец выполнял мой приказ на все сто, молодец.

Под конец, когда я уточнял по поводу топлива к танку – было половина баков, то староста всё же решился уточнить, что я имел в виду насчёт унтерменшней и что вообще это значит. Вот и пояснил, что в планах у «нас» уничтожить девяносто процентов населения Союза, остальные пойдут к нам в прислугу. Потрепав старосту по щеке, я «успокоил» его, мол, мне его хозяйственность понравилась, вполне возможно, возьму его к себе в поместье помощником управляющего, будет за рабами следить. Также велел подготовить списки всех деревенских, которых нужно будет уничтожить в первую очередь, и отправить их в комендатуру. Там посмотрят и выберут, кого первым отправить на удобрения. Ликвидировать большую часть населения будут такие вот отряды самообороны, мы, мол, руки брезгует марать.

Старосту так перекосило, когда он слушал меня, я ёщё высокомерно на него поглядывал, хотя тот был на голову выше меня ростом, но я с мог сделать так, что поглядывал на него свысока. Умею это делать. Правда, сам староста никак особо не показал, как его шокировали мои откровения, однако ясно, что сдавать назад ему поздно, слишком глубоко увяз в помощи новой власти, поэтому пообещал похлопотать, чтобы его тоже на удобрение не пустили. Я же надел на нос очки и, достав блокнот, прошёл к кузову, где

нудно и тщательно записал всё, что нам выдали. Даже три бутыли с самогоном в одной из корзин, после чего на всё это выдал бумагу старосте. Про ключ к танку, что был у них, тоже не забыл. Да и всё, что сняли с того танкиста. Мне вернули комбинезон, шлемофон находился и так внутри машины.

Только после этого объявил всем, что благодарю старосту и его людей за помощь представителям новой власти, и направился к танку, известив всех зрителей, что давно мечтал поуправлять такой техникой. Устроившись на месте механика-водителя, положил рядом автомат, который постоянно носил на плече, надел шлемофон, он висел на спинке сиденья и, видимо, был единственным, больше не имелось, после чего провел некоторые манипуляции и запустил двигатель. Погоняв его на разных оборотах, работал тот как часики, сдвинул танк с места и направился следом за мотоциклом Минского к выезду из деревни. Остальные двинули за мной. На выезде колонна встала, Берёзов сделал снимок с повешенным командиром, чтобы лицо попало в кадр, с полицаем на заднем фоне, тот всё тянулся, лучась радостью. Урод.

Вот так отъехав от деревни подальше и уйдя за небольшую рощу, я остановил танк и, заглушив двигатель, выбрался наружу. Минуту я просто не мог говорить нормально, а изъяснялся одним только матом. Подошедшие к нам бойцы, включая обоих политруков, внимали мне со всем восхищением, похоже, я смог поразить их познаниями в разнообразии русского матя. Да и сами тоже чувствовали в душе то же, что и я.

– На руки полей, – хмуро велел я бойцу, что сидел на броне танка, наконец, выпустив словесный пар, добавил: – После общения с этими падалью помыться хочется.

– Да-а, командир, никак не могу поверить, как вы смогли выдержать, – сбив кепи на затылок, сообщил Минский. – Играли так, что даже я поверил, что вы настоящий немец, а уж когда этого предателя по щеке потрепали, отчего тот умилился, так вообще...

Отфыркиваясь, я умылся и, взяв поданное Лосевым полотенце, вытерся, после чего вернул полотенце и сказал:

– Вы тоже молодцы, пара огрехов в поведении были, но к счастью, это не привлекло внимания местных. Ладно, полчаса в деревне потеряли, нужно навёрстывать упущенное время. До брода меньше километра, сейчас выедем из рощи и покажемся на виду. Спокойно едем к броду, пересекаем его. Если попробуют остановить, там по ситуации. Переговоры буду вести я. Отслеживать все мои движения, если подам знак, значит, берём пост, если всё нормально будет – проезжаем и движемся дальше. В общем, всё

как обычно, уже несколько раз оговаривали.

– Товарищ майор, – подбежал Бабочкин, он ходил ближе к роще и осматривался в бинокль. – Там наш танк брошенный стоит. Глянуть?

Тут тоже была такая тема, когда мы остановились тут, я велел посматривать по сторонам, выглядывать наши брошенные танки. Была надежда сбить хотя бы часть вооружения, сняв ДТ с других танков. Хотя бы чтобы пулемёты были. А то ведь совсем голый. Найти снаряды к этой редкой пушке я совсем уж не надеялся. И вот мой боец усмотрел-таки первую брошенную машину. Уточнил, что за танк, это оказался «двадцать шестой», я отдал насколько приказов:

– Значит, так, колонной мы выезжаем из-за рощи и сворачиваем на перекрёстке к броду, там колонна встаёт, все делают вид, что встали для естественных нужд, а я на танке с бойцами, что едут на броне, скатаюсь к брошенной бронемашине, лично осмотрю её. Всем всё ясно? Тогда по машинам.

Так мы и сделали, двинули дальше и, повернув на перекрёстке, вскоре встали. Точнее, колонна встала, а я, вырулив в поле, покачиваясь на неровностях луга, покатил к танку Т-26.

В этот раз шлемофон я не надевал, в каске сидел, выглядывая из люка. Остановив технику у брошенной бронемашины, пока бойцы заглядывали в открытые люки, спокойно выбрался на броню и, поставив одну ногу на левую пулемётную башню, стал изучать брод. О, так там ещё три наших танка брошено, у двух только башни торчат из воды, третий наполовину на берегу находился. Два Т-26 и один был вроде БТ-5 точно не скажу. Он кормой ко мне был, а башню из-за сильного наклона не видно, чтобы определиться точнее. Вот немцы на броде были, я отметил, что сам стал предметом такого изучения, фельдфебель рассматривал меня в бинокль, встав у пулемётного гнезда. Я больше скажу. Там были позиции двух противотанковых пушек. Правда, стояли там простые армейцы, а не наши «коллеги» фельдджандармы. Уже проще будет. Пусть армейцев целый взвод, видимо брод немцам важен, но теперь с новыми обстоятельствами можно планировать дальнейшие наши шаги.

В танке пулемёта не оказалось, нашли только шестнадцать пустых дисков к нему. Тут или сами танкисты сняли, по виду танк хоть и побывал в бою, стреляных гильз на днище много, но не подбит, экипаж бросил, или трофеищики поработали. Диски я всё же приказал сбить и, вернувшись внутрь танка, принимал подаваемые мне через люк стрелка левой пулемётной башни тяжёлые круглые диски, укладывал их на полки боеукладки этой башни. Нормально сложил. Кстати, у нас в кузове

грузовика початый ящик с двумя цинками патронов, можно будет снарядить часть дисков на будущее. Надо, а у нас есть.

Вернувшись на дорогу, мы так в составе колонны и двинули дальше. На три брошенных танка я посмотрел с интересом, но не более, видно, что и тут пулемёты сняты, всё же вблизи у довольно активно эксплуатируемой дороги находились, вот и сняли. Технику нужно искать подальше от действий трофеищиков, может и найду пулемёты, а то и снаряды. Я помню, что с два десятка танковых пулемётов отправил Михайлову, может и мне что останется, когда соединимся. А может, и нет, тут поди угадай. В общем, нужно использовать любую возможность для усиления вооружения танка, точнее его восстановления.

Немцы останавливать нас не стали, проводили любопытными взглядами, что-то весело крикнули парням, что на броне сидели, я не рассыпал из-за рёва мотора, что именно, те, похоже, тоже, однако преодолев брод и поднявшись по более высокому склону другого берега, мы направились дальше. Я даже вздохнул с некоторым облечением. Чуть позже мы свернули на малоезженую полевую дорогу, что вела к одной из деревенек, и покатили по ней. Вскоре один из бойцов постучал по броне прикладом, и я остановился.

– Там в кустах танк стоит, – сообщил тот, указывая рукой на что-то массивное за кустарником, росшим с правой стороны дороги, где была река. До неё тут с пару километров было.

Остановив бронемашину, колонна тоже встала, я велел обоим бойцам сбегать, посмотреть, что там. Только осторожно, мало ли засада, какие дикие окруженыцы работают. Оказалось, машина была брошенная, сломана, капоты открыты, да и не танк это был, а Ба-10, оставленный своим же экипажем. Трофеищиков тут не было, и наконец у нас появился свой пулемёт. Один был явно снят экипажем, а тот, что находился в башне, стоял на месте. Дисков к нему набралось двадцать шесть, но все пустые. Похоже, броневику пришлось изрядно повоевать, на броне нашли два отверстия от пробития, да и следов от пуль хватало. Приказав водителям пока обслужить технику, похоже мы тут задержимся минут на десять, выставил двух часовых, остальным велел снаряжать диски, пяти-шести хватит, а сам прихватил инструмент – прошлый механик-водитель у моего трёхбашенного дракона был справным, всё имел в наличии – и направился к броневику снимать пулемёт. Бойцы уже заканчивали собирать диски и переносили их к танку, поэтому я спущу всё вниз и уложу в боекладках.

Пулемёт оказался в порядке, более того, имелась половина боезапаса в диске, я это узнал, когда снял его, после этого перенёс в танк и после

быстрой чистки – пулемёт был сильно пострелявший, нагара хватало – установил на место, проверив, как поворачивается башня. Слегка поднял ствол пушки, ну и пулемёт проверил. Короткая очередь сбила ветки и листву с кустарника. Потом вставил свежий диск, набитый патронами, остальные уложил тут же на полку. Пустые разложил в обеих башнях. В общем, постепенно приводил танк к боевому состоянию. После этого мы покатили дальше, оставили деревеньку в стороне и выехали на другую дорогу, проследовав дальше за транспортной колонной немцев. Пришлось немного подождать, пока концевая машина не проедет, после чего последовали за ними до ближайшего перекрёстка, где и свернули. Сразу увеличив тут скорость движения, благо качество дороги это позволяло. Не сильно убитая была. Нам не раз встречалась брошенная советская техника, и мы всегда останавливались. Я втайной надежде мечтал, что мы найдём-таки снаряды к моей пушке. Раньше дважды в грузовиках такие снаряды находили, но пока не везло, не было. Конечно, находки были, например, шесть ящиков с винтовочными патронами, два из которых были с пулемётными, Лосев, Бабочкин и оба политрука, сидя в десантном отсеке бронетранспортёра, не спеша набивали диски патронами. Теперь есть чем снаряжать. Да и воевать тоже. С брошенных танков мы сняли ещё два ДТ. Один я установил на шаровую опору в башню, так сказать кормовой пулемёт, и второй установил в левую пулемётную башню. Найти ещё один пулемёт, и всё, это вооружение будет по штату.

Как бы то ни было, но мы добрались до назначенного места встречи, и похоже, прибыли первыми. Бойцы посмотрели, дорога свежих следов прошедшей тут тяжёлой техники не имела. Ладно, подождём. Причём ждать я собирался не укрываясь, а под видом поста. Мы встали прямо на дороге, развернув технику так, чтобы держать все стороны под контролем, и пока Лосев с помощником занимался приготовлением обеда, а у нас его ещё не было, и воду нашли, и костёр развели, да и корзины с подарками от деревенских достали, хотя бойцы и плевались, брать у предателей не хотели, но голод не тётка, тем более пахло одуряюще вкусно. Пироги во время прошлой стоянки с молоком съели. Вон, ополовинили двадцатилитровую флягу, да на остальное явно нацелились. Вкусное молоко, свежее, я и сам две кружки выпил. Есть особо не хотелось после такого перекуса, поэтому я велел Лосеву пока вскипятить воду для чая, а мы бутербродов поедим, свежего хлеба с не менее свежим салом. Да и других деревенских яств хватало, взять тот же копчёный окорок.

Так вот, пока Лосев творил, мы тоже делом занимались. Пара бойцов изображали постовых, остальные кто отдыхал, кто наблюдал за

окрестностями. Если появлялась какая машина или колонна, выходил я, останавливал и проверял, особенно одиночек. Лосев и политруки – да все, кто был в нашей форме, на этот момент прятались, чтобы их не увидели. Кстати, один из тех бойцов путешествовал на броне моего танка – когда пулемёты были установлены, осваивался в башне, а передвигался свесив ноги вниз, чтобы сразу нырнуть в башню и, если что, поддержать пулемётным огнём. Вот и сейчас он на башне сидел, пытался изобразить что-то на трофейной губной гармошке.

Останавливая разные машины, я искал продовольствие, это сейчас то, что нам необходимо. Тех запасов, что мы взяли на сборном пункте, хватит дня на два-три, если нормы не уменьшить, значит нужно постоянно выискивать и пополнять запасы за счёт немцев. Один раз повезло, остановили два «опеля», загруженных мукой, но было и несколько мешков с горохом. Водителей и сопровождающего взяли в ножи, а технику Иван с водителем нашего вездеходного грузовика отогнали к дальнему лесу, замаскировав в глубине опушки. Там их один из бойцов охраняет. Вернулись те на мотоцикле Майского, что их сопровождал при перегоне.

Я пребывал в отличном расположении духа, новости были просто великолепные. А как же, я не только радиостанцию в танке проверил, работала штатно, но изредка в наушниках и в бронетранспортёре сидел, ловил передачи немцев. Генерал так всё же поработал ночью на аэродроме, полностью его сжёг, правда потерял половину танков и людей, атакуя в лоб, немцы сообщили, что даже пленных смогли взять, но все самолёты и большую часть лётного и технического персонала уничтожил. Лишь малой части удалось спастись бегством. Про дела Михайлова тоже узнал тем же путём, например, крупный железнодорожный мост он уничтожил, как я и приказывал. Захватил, используя танки, а потом сапёры взрывчаткой, взятой мной на том же сборочном пункте трофейного вооружения, подорвали быки. Ухнуло всё вниз. Немцы истерики устраивали в эфире, искали виноватых и кто будет восстанавливать мост. Ну и тоже – кто искать этих наглых русских будет. Похоже, разозлили мы немцев изрядно. Мост был целью для утреннего удара, специально для отвлечения внимания, да и парни должны сделать вид, что уходят в другом направлении, потом развернуться, путая следы, и будут идти весь день – да, именно весь день – в сторону штаба армий «Центр». При этом соблюдая всю возможную маскировку. Вся техника должна напоминать двигающиеся кусты, при любой опасности смыкаться, как будто сплошной ковёр кустарника, и замирать. Это на случай появления воздушных наблюдателей или разведчиков. Если обнаружат, то огонь из всех стволов. Это же касалось

тех, кого встретят по пути. В основном должны всех, кого встретят на дорогах, с ходу уничтожать, организуя подвижные засады.

По времени тот уже час как должны быть здесь, уничтожив перед этим ещё два моста, оба автомобильные. Однако группы не было, да и эфир был пуст, только немцы общались.

Тут как раз подходила очередная колонна с набитыми солдатами кузовами, когда меня окликнул Минский, что сидел в бронетранспортёре и слушал эфир. Он встал, подзываая меня и протягивая наушники. Снова пошёл активный радиообмен, вот тот и решил, что это важно. Так что, подойдя к борту, я надел наушники и стал внимательно слушать. Минский хорошо встал на волну, шорохов не было, отлично всё было слышно. Действительно, тема касалась и нас тоже. Тут говорили и про сожжённый мост, и про неизвестную группу, что рядилась под фельджандармов, давая наше достаточно точное описание. Даже про вездеходный грузовик сообщили. Чёрт, это плохо, где-то мы попались на глаза кому не нужно. Может, кто из пленных из группы генерала проговорился. Хотя мы там в основном с погранцами контактировали, но могли от них узнать, слухами земля полнится. Нужно менять технику, или уходить вообще подальше. На ту же Украину, как я и планировал ранее. Сбросить с хвоста возможных ищиков.

Колонна уже давно прошла, а когда я с задумчивым видом вернулся Минскому наушники, то меня окликнул один из наблюдателей:

– Товарищ майор, смотрите, кто от дальнего леса к нам идёт.

Обернувшись и посмотрев, куда указывает наблюдатель, я тоже поднял бинокль, он у меня на уровне груди висел, и присмотрелся. Отличная цейсовская оптика приблизила картинку, которую я совсем не ожидал увидеть. От леса к нам шла группа бойцов и командиров. Верховодили там трое красноармейцев. Один шёл впереди и помахивал винтовкой, к которой была привязана белая тряпица. За ним гурьбой шло семеро человек, трое в лётных комбинезонах. Охраняли их по бокам с примкнутыми штыками ещё двое красноармейцев, увешанных оружием. Те, кого они вели к нам, были явно разоружены. Минский, что тоже рассматривал эту группу в свой бинокль, разобравшись, в чём дело, только зло сплюнул.

– Суки. Своих же к немцам ведут.

– Ну не к немцам, а к нам, о чём они, к счастью, не подозревают, потому тройку в ножи, пленных освободить и в наш грузовик. Нужно его отогнать к тем двум. Противник уже о нас знает, что именно такой группой мы передвигаемся. Вскоре опросив сопровождающих разных колонн, узнают, где мы, поймут, что поста тут нет и мы ложные, и вышлют к нам

боевую группу для захвата. Грузовик приметный, убрать его нужно.

– Пыль с севера! – услышали мы крик наблюдателя и, повернувшись, стали изучать дорогу, по которой двигалась какая-то техника.

– Мотоциклисты, – сообщил я почти сразу, у меня оптика получше была.

– Да, – чуть позже добавил сержант. – Вроде наши, вон тот знакомый, этого здоровьяка я уже видел.

– Согласен, похоже, это группа Казанцева. Добрались наконец. Нужно опознаться.

Всё же это оказался именно лейтенант Казанцев со своими. Та группа окружёнцев от леса ещё шла по полю, поэтому было время пообщаться.

– Здорово, чертяка, – обняв лейтенанта, похлопал я его по спине. – Насыщен о ваших делах, насыщен. Слушал, как немцы в эфире ругаются, матом вас за мосты кроют.

– Спасибо, товарищ майор, – смущённо улыбнулся тот и, скосив глаза на заметно приблизившуюся группу, осмотрел её в бинокль, и, всё поняв, удивлённо спросил: – Это как?

– А так, придут, отблагодарим этих добровольных помощников. Ножом в печень. Ладно, не обращай внимания, их бойцы встретят, нужные инструкции они уже получили, тем ещё с полчаса по пашне идти. Докладывай, как дела.

– У нас пока норма, продолжаем движение в сторону немецкого штаба, но для вас всё очень плохо. Товарищ старший лейтенант срочно отправил нас к вам. Сегодня под утро над нашей группой были выброшены парашютисты с транспортного самолёта, причём с немецкого «юнкерса». Трофей наш вроде как. При них такие документы были... Говорят, за подписью самого... В общем, у них приказ арестовать вас, там настоящие зубры, скрутят, и не заметишь. Пытались отдавать свои приказы, там майор госбезопасности командует, но не смогли, Михайлов угёрся рогом, не их специфика, да и задачи, поставленные вами, были очень серьёзные. Чекисты только наблюдали и записывали, как мы воюем, как мосты уничтожаем и небольшие группы немцев. Как эшелон остановили и полностью уничтожили. На платформах гаубицы были, полный дивизион с усилением. Ни один артиллерист не уцелел. Про основной план уничтожения штаба группы армий «Центр» они тоже в курсе. При них радиостанции, связались со своими, и нам дали добро. Правильное дело делаем. А вот вас арестуют, самолёт наготове стоит, чтобы за вами вылететь. Постоянно контролируют Михайлова, мне с трудом удалось с ним пообщаться и незаметно покинуть группу. Иначе бы не отпустили, чтобы

vas не предупредили. Наши тут, в шести километрах, недалеко уже.

– Да. Новости неприятные. Значит, соединяться с Михайловым мне не стоит. Есть ещё какие новости?

– Есть. Мы связного перехватили, чекисты его допросили, там двое знающих немецкий язык есть. Штаб начал перебазироваться в другое место, в Борисов, ближе к продвинувшейся передовой. Мы надеемся хотя бы часть на месте застать.

– Не стоит, – сразу ответил я. – План по атаке и так был самоубийственным, а тут может закончиться пшиком. В город тоже не сунешься, потеряем все танки и большую часть людей. Нужно узнать, каким путём перебазируется штаб, и бить его в колоннах при движении. Они по дорогам идут или по железке?

– И автотранспортом, и по железной дороге.

– Отлично, если взять информированного офицера, а под видом поста фельдъяндармов это вполне возможно, то, узнав систему движения, можно нанести удары так, чтобы нанести серьёзные потери штабу, если не уничтожить, то хорошенько потрепать. Из танков расстреливать вагоны на железной дороге и гусеницами давить автотранспорт. Тут придётся разделиться на несколько ударных группы, чтобы нанести удары одновременно. На мой взгляд, тут удачи на успех будет куда больше. Так, дай мне с полчаса, пока всё обдумаю, а сам займись делом. Мы два грузовика с мукой захватили, отправь людей забрать из отстойника и перегнать их сюда. Это ещё не всё, раз меня так серьёзно ищут, а в тыл, я считаю, мне рано, то планирую сменить место своих действий. Всю группу, что сейчас работает со мной, заберёшь, возвращаясь к Михайлову. При мне останутся только Лосев и Бабочкин. Ординарец и, скажем так, личный водитель. Я напишу приказы на дальнейшие действия группе Михайлова, передашь их ему. Он будет знать, что делать дальше. Ещё рапорт по своим дальнейшим действиям подготовлю.

– Хорошо.

Тут мы прервались, так как наконец подошли окружёнцы. Пара моих бойцов, переодетых под немцев, с МП наготове, уже встретили их на подходе и разоружили тех, что добровольно шли сдаваться. Те с охоткой сдали всё оружие, убеждая парней, что они рады немцам, да и вообще за германскую власть. Даёшь новую власть. Наши бойцы, слушая их, только ухмылялись, и мстительные улыбки стали шире, когда задние дверцы десантного отсека бронетранспортёра распахнулись, и пользуясь тем, что дорога была пуста, наружу выбрались оба корреспондента и Лосев. Вот это вызвало всеобщий шок у окружёнцев. И если те, кого вели в плен, явно

обрадовались, с надеждой рассматривая нас, то тройка красноармейцев поначалу застыла в ступоре. Потом те чуть ли не взывали, один так натурально выл от отчаянья и безысходности, катаясь по земле и хватая бойцов за ноги. А вот командиры и летуны, которых к нам вели, оживились. Бойцы переждали радость встречи, мы представились подвижной диверсионной группой, радостные объятия тоже были, после чего я велел Лосеву накормить оголодавших бойцов и командиров, а тройку расстрелять. Это уже Минскому отдал приказ. И расстреляли, рука не дрогнула.

Дальше, пока Казанцев занимался делами, отправил мотоцикл с водителями за грузовиками, Лосев кормил окруженцев, отвечая на их вопросы, тех уже и вооружить успели, вернув то, что с них эти трое сняли. С ними также и корреспонденты общались, которые, кстати, удивили своим присутствием у нас Казанцева, он о них ничего не знал. Укрыли мы их за техникой, чтобы с дороги не видно было, вот те спокойно сидели на примятой траве и быстро, фактически жадно, насыщались. Так вот, пока все занимались делами, я так и стоял у капота с картой и, делая пометки на ней,ставил задачи Михайлову, эту карту я планировал отправить старлею, как и всю технику, кроме одного мотоцикла. Его сейчас Бабочкин осматривал, заправлял с помощью Майского, это его, бывшая теперь, техника. В общем, он наши вещи убирал в коляску, три ППД с боеприпасами, сидора с формой. Да всё, что могло пригодиться. Конечно, жаль расставаться с парнями, прикипел я к ним, но надо. Да и Минский всё понимал, к тому же с основной группой часть его бойцов находилась, с которыми тот не хотел терять связь, всё же подчинённые. Так что тот спокойно воспринял то, что переходит под командование лейтенанта Казанцева, а дальше как уже Михайлов решит. Опытные разведчики ему точно пригодятся.

А приказы я составил таким образом. Сегодня состоится одновременный удар по железной дороге, по которой перебрасывают подразделения штаба, и по шоссейным дорогам. Потом, уничтожив за собой ещё один железнодорожный мост, уйти в сторону и уходить к нашим, уничтожая по пути всё что только можно. После соединения с нашими перейти в подчинение командиров на передовой. Там дальше решат, кого и куда, да и рейд мангруппы пора заканчивать. Немцев мы серьёзно зацепили, разозлили, охотиться на нас будут тщательно, поэтому я и решил мангруппу вывести к нашим, а самому перебраться на Украину. Там тихо, можно спокойно работать, собрав новую мангруппу из окруженцев, освобождённых военнопленных и техники со складов сборных пунктов

трофейного вооружения. Ещё повоюем.

Среди только что освобождённых пленных был один танкист, механик-водитель с Т-26, но Т-28 ему тоже знакомая машина, так что я выдал ему шлемофон и комбинезон, приказав осваиваться в машине. В башне устроился лейтенант-артиллерист, сетуя, что снарядов нет, и ещё два бойца за пулемёты встали. Перегнать смогут, дальше Михайлов найдёт применение и людям, и танку. Подозвав Казанцева, я довольно долго его инструктировал, что передать Михайлову, выдал также и листы с письменными приказами за моей подписью, и последний рапорт по действиям моей группы. На этом мы стали прощаться, тем более от дальнего леса, переваливаясь на ямах и кочках, двигались к нам оба грузовика с мукой, в сопровождении мотоцикла.

После трогательного прощания мы наконец расстались. Колонна под командованием Казанцева направилась на соединение с группой Михайлова, у них было обговорено место встречи, а я, оседлав мотоцикл и запустив движок, погнал в другую сторону. Бабочкин сидел за мной, а Лосев, накинув сверху мотоциклетный плащ, в коляске, прикрывал, что одет в красноармейскую форму. На глазах у него очки, каска сверху, внимания не привлекал. Усами если только.

Вот и закончен один этап нашей войны в тылу противника, пора переворачивать страницу и переходить к новому этапу и новой войне. Кстати, а бляхи фельджандармов мы сняли, превратившись в обычных солдат вермахта. Ищут жандармов? Ну и пусть ищут.

Бак у мотоцикла был полный, плюс канистра, тоже не пустая, на коляске в держателе закреплена. Километров на сто влётную хватит, несмотря на то что эта техника довольно прожорливой была. Ещё бы, даже у коляски было ведущее колесо, особенно в грязи хорошо, застрять – это ещё постараться нужно. Ладно хоть можно отключать привод на коляске, когда он не нужен, да и расход меньше при этом. Все вещи мы никак не могли сложить в коляску и в багажный отсек. Тем более Лосев и Бабочкин, узнав, что поедем на мотоцикле, побегали, пока смогли что-то загрузить. Автоматы сложены в ногах у Лосева, там же два сидора. Продовольствие в багажном отсеке, плюс часть боеприпаса. Также при этом у нас с Бабочкиным были солдатские ранцы за спинами. Там и хранилась наша форма. Всё взяли, что могли, включая посуду и ложки.

Когда мы удалились от места расставания с Казанцевым километров на двадцать, благополучно избежав интереса к себе, то, припомнив карту, я свернул на перекрёстке дорог на полевую, в открытое поле. Если память мне не изменяет, где-то тут должен быть бывший наш полевой фронтовой

аэродром, захваченный немцами. Посмотрим, что там есть. Поднимаясь на довольно высокий холм, тут так дорога, петляя, на него взбиралась, я стал переключаться на более низкую передачу, когда вдруг раздался хруст, и, дёрнувшись несколько раз, мотоцикл заглох, встав намертво. Выключить скорость у меня так и не получилось. Несколько секунд мы сидели в тишине, переваривая случившееся, после чего я недовольно буркнул:

– Приехали.

– Что-то случилось, командир? – слезая с заднего сиденья и отходя в сторону, поинтересовался Бабочкин.

Однако ответил ему не я, а ворчливый Лосев, с трудом выбираясь из перегруженной вещами коляски:

– Сломались мы, что тут ещё может случиться? Кстати, командир, серьёзная поломка?

– Звук знакомый был, да и встали сразу, – также слезая с транспортного средства, задумчивым голосом ответил я. – Похоже, повреждения в коробке, и я даже могу угадать, что понижающий редуктор накрылся. В сорок шестом, когда я проводил инспекцию на Урале, некоторые заводы посещал, то мне дирекция одного из заводов для разъездов выдала служебный транспорт. Как раз такой мотоцикл, трофейный, «БМВ Р семьдесят пять». Причём произведён тот был, кажется, даже в начале сороковых. Всю войну проездил, сыпался только так. Я больше его ремонтом занимался, чем проводил ту работу, ради которой меня послали. Правда, и дело сделал, и мотоцикл этот изучил от и до. У меня была такая же поломка. Тогда запасной редуктор на складах нашёлся, а где тут его искать? Ладно, посмотрим. Там в багажнике коляски чехол должен быть с инструментом, доставайте.

Бойцы переглянулись, и Лосев нехотя сообщил:

– Командир, мы это, в общем, он место занимал, вот мы его и выкинули.

– Ну и ладно, – легко ответил я. – Не особо и хотелось копаться. Проще что-то другое добыть.

Осмотревшись, я велел Бабочкину брать жезл, ими обычно фельдджандармы пользовались, надевать бляху и изображать пост. Судя по следам, тут хоть и редко, но машины появлялись. Старые следы от полуторок, и более свежие, уже от немецких машин. Дождя бы, зной такой стоит, что всё высушивает, вон, даже следы недельной давности хорошо сохранились, разобрать можно.

– Надо было мотоцикл старшего сержанта Минского брать, – вздохнув и тоскливо осмотрев пустую дорогу в обе стороны, сказал Бабочкин. – Он у

него поновее был.

– У Минского зажигание полетело, сам видел, как с толкача заводили, – устроившись на сиденье, я сделал глоток из фляги, поясняя некоторые моменты на озвученные Бабочкиным мысли.

– А у лейтенанта?

– А у Казанцева машины имели эмблемы другого подразделения. Как ты себе представляешь солдат полевой жандармерии, имеющих знаки на форме одного подразделения, а продвигающихся на технике из другого, да вообще другой части. На мой взгляд, это сильно подозрительно, можно подумать, что едут не настоящие жандармы, что так и было. Поэтому как тактические знаки на технике, так и на петлицах – всё это должно совпадать. Я тебе больше скажу, нужно знать фамилии всего руководства этого подразделения от лейтенантов смежных подразделений, и так далее выше по вертикали власти, вплоть до генерала. Знать боевой путь полка и своей роты.

– А мы-то не знаем, стали бы расспрашивать, и поняли, что мы поддельные, – вздохнул Лосев.

– Почему не знаем? Я же не зря столько времени допрашивал того водителя бронетранспортёра. Всё он мне выложил, а на память я не жалуюсь. Легко бы отбрехался. Правда, пока не пригодилось, но учитывать нужно всё.

– Танк, жалко, бросили, мне на нём понравилось. Ход такой мягкий, почти не трясёт, – вздохнув, сказал Бабочкин с мечтательной улыбкой. – Да и вам он явно понравился, вон как обхаживали его, подготавливали, да и расставались явно с сожалением.

– Это точно. Хотя танк и имеет противопульную броню, снаряды противотанковых пушек его насквозь бьют, всё же это отличный танк. Пока дорога пуста, думаю, можно рассказать вам одну историю памятного и легендарного сражения, которое произошло не так и далеко от нас. В Минске.

История действительно была интересной, старший сержант Дмитрий Малько, заведующий складом запчастей к авто и бронетехнике, получил приказ эвакуировать склад. Он слёзно умолял командира завести один из танков Т-28, стоявших на хранении после капитального ремонта, всего там было шестьдесят три танка этого типа, немцам досталось шестьдесят два, часть в сожжённом виде. В конце концов командир разрешил, и Дмитрий в сопровождении колонны направился в тылы. В пути танк заглох, вроде бы причиной был авианалёт, и Дмитрий с разрешения командира стал его ремонтировать, пообещав догнать колонну. Когда смог завести, колонна

уже ушла. Наступила ночь, и он решил переночевать на опушке леса, где к нему вышли четверо, майор-танкист Васечкин и трое курсантов. Запомнил я только одного – Николая Педана. Они и стали экипажем для танка Дмитрия. Когда наступило утро, выяснилось, что вокруг немцы и к своим не прорвались, тогда Николай Педан предложил прорываться через Минск. Дмитрий Малько горячо одобрил его, так как знал Минск очень хорошо и был способен провести танк на другой конец города хоть с закрытыми глазами. Майор, подумав, дал согласие. Вполне дерзко, может и получится. Тогда они полевыми дорогами направились на брошенный склад сержанта Малько, загрузились снарядами и патронами, дозаправив машину, после чего, подойдя к окраине и подготовившись, на полной скорости ворвались в город. К тому моменту танки генерала Гудериана уже ушли километров на девяносто от города и остановить «бешеный танк», как прозвали его немцы, было попусту нечем. Слишком внезапно он появился на очередной улице, ведя пушечно-пулемётный огонь. Майор выпускал снаряд за снарядом по технике противника, уничтожая грузовики и штабные машины. Пулемёты работали не переставая. Малько давил часть техники, что попадалась по пути. Как ни странно, нанеся большие потери немцам, танк смог прорваться к противоположной окраине города, пройдя его нас kvозь, оставляя за собой множество дымов горящей техники. Однако на окраине Минска их уже ждали, они наткнулись на спешно готовившуюся к бою зенитную батарею. Первый снаряд рванул не долетая, и Дмитрий свернул в сторону, стараясь увести танк из-под огня. У него этого не получилось, машина содрогнулась от страшного удара, и в боевом отделении появился дым. Майор Васечкин скомандовал покинуть машину. Дмитрий, по голове которого чиркнул осколок, был на грани бессознательного состояния, но выполнил приказ командира, он также видел, как машину, мелькая в дыму, покинули два курсанта, один был тут же сражён из пулемёта, и сам майор. Раненым тот, отстреливаясь из пистолета, приказал уходить огородами. Танк горел, дым укрывал Дмитрия, и, уйдя через огороды, тот спрятался в ботве, закопавшись в ней. Это его и спасло. Тут грохнул взрыв, и Дмитрий понял, что танк взорвался. На второй день он встретил укрывающихся в городе окруженцев и с ними вышел к своим. Воевал тот хорошо и закончил войну старшим лейтенантом, заместителем командира танковой роты. Причём именно его полк брал Минск в сорок четвёртом, и тот плакал, когда обнаружил свой танк Т-28 стоящим на том месте, где их подбили, ржавый от огня, с лежавшей рядом башней после детонации остатков боекомплекта. После войны он искал информацию по остальным из экипажа, в газеты писал, и

откликнулся тот самый Николай Педан. После того боя он был взят в плен, и освобождён из него только в сорок пятом году. Потом уже выяснили, что майор Васечкин и один из курсантов погибли у танка, их похоронили минчане, а судьба третьего курсанта стала известна чуть позже. Плен, побег, партизанский отряд, и гибель во время одной из операций. Вот такая история, братцы. И это единственный случай, когда эта машина показала себя хорошо. С необученным экипажем, часть из которого впервые сидела в танке, но так повоевать не каждому повезло. Заполучив такой «двадцать восьмой», я хотел превзойти подвиг этих ребят, а теперь уж что говорить. Если повезёт, найдём ещё одну такую машину.

– Да, хватили лиха ребята, – вздохнув, сказал Лосев. – А те танки, что сейчас на складе стоят? Угнать можно?

– А чёрт его знает. Немцы, конечно, эпизодически их использовали, в основном в охранных дивизиях, а так, думаю, на переплавку отправили. Металл им нужен. Около железных дорог всё вычистили.

– Ничего, ещё найдём что интересное.

– Я тоже на это надеюсь. Ладно, похоже, тут совсем редко ездят, дорога ведёт на аэродром и к двум деревням, что находятся неподалеку от него. Если на аэродроме и есть охрана, что занимается сортировкой трофеев – того, что уцелело, то немного. Меня «Чайки» интересуют, есть ли там такой тип самолётов. Их пилоты исхаяли, насколько я знаю, эти истребители-бипланы не могут соревноваться с «мессерами», горят как спички, но если использовать их как штурмовики, да ещё в тылу противника, это будет такой Армагеддон, что немцы взводят. Мне бы хотя бы четыре машины с запасом ракет, бомб и топлива, это тот минимум, что нужен. Поэтому я и завернул сюда, хотел разведку провести.

– А что такое Армагеддон? – поинтересовался любопытный Бабочкин.

– Конец света.

– Тогда мы уже несколько раз некоторым немцам его устраивали. Вспомнить тот штаб, фронтовой аэродром или артиллеристов, два дивизиона уничтожили. Да и вообще, правильно вы говорите, взводят.

Пока покидать место поломки мотоцикла мы не спешили, при нём мы вроде как при деле, а понесём вещи, причём всё взять вряд ли получится, уже станем привлекать внимание. Это как шапка-невидимка, с мотоциклом мы сливаемся с остальными ордами вермахта, без него – пешие туристы, загруженные с головой. Да ещё Лосев, у которого не было своей трофейной формы, вечно у него отговорки, так и не подобрали. Если только как пленного поведём, типа добровольного помощника. Только для этого нужно сначала с него всё снять, и нагрузить больше всех, вроде как

дармовая сила.

Делать было нечего, покидать место поломки нам действительно не было смысла, так что, пользуясь свободным временем, я стал записывать Бабочкину тексты некоторых песен и даже пару раз пытался напеть, чтобы тот уловил ритм. Снова обещал больше так не делать. Лосев отдыхал, устроившись на коляске, закинул ноги на пулёмёт да изредка поглядывал обе стороны дороги, изучая местность в бинокль. Записав тексты трёх песен, мы начали с первой – «Эх, дороги». Сначала тот заучивал текст, потом пытался наигрывать, а я слушал и подсказывал, где взять выше, а где ниже. После тридцатого повторения одной и той же песни даже Лосеву она осточертела, поэтому, решив, что некоторый опыт имеется, принялись за вторую, но тут нас прервали.

– О, а вот и транспорт, – садясь и свешивая ноги, сообщил мой ординарец, глядя куда-то мне за спину, откуда мы приехали.

Обернувшись, я поднял бинокль и, присмотревшись, пробормотал:

– Деревенские на телеге катят. Хм, почему бы и нет? Значит, так, быстро раздевайся, сапоги, ремни, звёздочку из пилотки вытащи, будешь изображать военнопленного – сядешь вон там, метрах в пяти от нас, с унылым видом, ну а ты остановишь телегу, потом уже я подойду и возьму слово. Всё, занимайтесь делом.

Лосев быстро снял всё, что я велел, по-хозяйски убрав в свой сидор, и, отойдя в сторону, сел, положив ладони на колени, и слегка раскачивался взад-вперёд. Да типичный пленный. Осмотрев его придирчивым взглядом, пробурчал:

– Ещё бы карманы вывернуть, совсем бы хорошо было?

– У меня там махорка и зажигалка трофейная, – не открывая глаз, известил тот. – Ещё нож складной, пистолет, фонарик. Да много что...

– Ну ладно, так сиди.

Деревенские до нас не спеша добирались, то есть достаточно долго. Поскольку никто в округе так из немцев и не появился, придётся использовать то, что есть.

– Хальт! – как я научил, поднял руку Бабочкин, придерживая висевший на груди автомат.

Его руки, загоревшие до черноты, были видны до локтей, рукава, как и у меня, подёрнуты. Красуясь, он направился к телеге. Я же, также спрыгнув с седла мотоцикла, с громким лязгом взвёл затвор, обходя телегу с другой стороны. Мне не понравилось, как слегка шевельнулось сено, как будто под ним кто-то был. Может, и собака, но проверить нужно.

Рядом с телегой шёл босой старик с шикарной седой бородой. Он

ступил на землю, когда начался подъём, чтобы лошади было легче. Вот мальчишка лет двенадцати, что сидел на телеге, слезать не спешил и так и ехал сидя. Сейчас он бросал на нас быстрые опаслиевые и слегка настороженные взгляды. Мне показался какой-то диссонанс между ним и стариком, но я никак не мог понять, что царапает мой взгляд, что не так, поэтому решил проанализировать этот момент ещё раз, но чуть позже, а сейчас важна была сама телега. Указав на сено пальцем, я взял наизготовку автомат, Бабочкин, видимо, это шевеление не заметил, но тоже быстро привёл оружие к действию. Он держал на прицеле старика и парнишку, а я откинул сено. Хм, старик вёз раненого лётчика. На меня смотрело дуло ТТ. В слегка дрожавшей, явно ослабленной руке, но оружие боевое и выстрелить могло в любую секунду.

– Советую отдать пистолет мне, – протянув руку, сказал я на чистом русском языке. – Кстати, к вашему сведению, если бы мы были настоящими немцами, старика и парня ждало бы одно. За укрывательство всегда расстрел.

Тот слегка растерялся, так что я успел кинуть руку вперёд и перехватить пистолет пальцами, сунув указательный между спусковым крючком и скобой. Теперь он выстрелить не сможет, мой палец мешает. Рисковал, конечно, но что поделать, стоять под прицелом мне понравилось ещё меньше.

– Кто вы? – выдохнул раненый младший лейтенант.

– Майор Корнев, провожу в этом районе диверсионную деятельность, – спокойно пояснил я и, подняв голову, крикнул ординарцу: – Лосев, хватай медикаменты и сюда! У нас тут раненый. Похоже, серьёзно.

– Это я мигом, – подскочив к мотоциклу и открыв багажный отсек, тот подбежал к нам и захлопотал над раненым.

Пока он работал, всё же некоторые знания по медицине имел, два года работал помощником сельского фельдшера, я прошёл к хозяину транспортного средства.

– Что же вы так неаккуратно-то? А если бы настоящие немцы были?

– Да тут их никогда и не бывало, – досадливо поморщившись, ответил тот, с интересом изучая нас. – Ездят редко, да и то те, что на бывшем военном аэродроме стоят, и всё.

– Кстати, по подводу аэродрома, нас он и интересует. Особенно исправные самолёты. Есть такие?

Задав этот вопрос, я покосился на мальчишку, что активно грел уши, уничтожая шоколадку, которую ему дал Бабочкин, и внезапно понял, что меня так в нём цепляло. Да городской он, а старик явно деревенский

житель, вот и диссонанс, что привлёк моё внимание раннее. Правда, заострять на этом внимание не стал, их дело.

– Да вроде есть какие-то. Давеча третьего дня приезжали инженеры германские, осмотрели всё и уехали. Вроде ничего интересного для них. Оставили вот охрану, вроде бы куда-то всё вывозить собираются.

– Понятно.

Тут подошёл Лосев, который доложился по раненому:

– Товарищ майор, сбили его, ещё когда тут только немцы появились. Пилот связного самолёта. Ноги прострелены, но им занимался опытный хирург, всё зашито, повязки наложены грамотно, моего вмешательства не требуется. Время тут может только вылечить. Кости не задеты, парню повезло.

– Это ты по повязкам узнал?

– Почему? Расспросил командира, и всё, да повязки осмотрел.

– Понятно.

– Вот что, товарищ?..

– Еремеем Ильичом меня звать, – сразу откликнулся старик.

– Хорошо. Вот что, Еремей Ильич, нужно мотоцикл спрятать, отбуксировать и замаскировать, вещи наши перевезти в укромное место. Найдётся такое?

– Подыщем. А с машиной что?

– Сломалось, колесо заднее заклинило, только волоком тащить, а на дороге оставлять опасно, немцы по номерам определят, что она в угоне. Оно вам надо, обыски в деревнях? Всех собак постреляют, кур наворуют и уедут. Повезёт, если живыми останетесь.

– Спрячем, – теперь уже более уверенно ответил тот. – Прямо сейчас и спрячем. Тут недалеко овражек есть, с кустарником.

– Отлично. Вещи пока к вам в телегу покидаем, потом на ходу определимся, как кому себя вести.

Старик отстегнул часть упряжи и повёл коня к мотоциклу. Там ему Бабочкин помогал, привязали всё что нужно, Лосев уже заканчивал пулемёт снимать, остальные вещи он уже перетащил, замаскировав в сене, в том числе полную бензина запасную канистру. Потом конь потащил мотоцикл в известное одному старику место, а мы остались ждать. Не успели те скрыться, как раздалось отчётливое тарахтение мотора. Ещё этого не хватало.

Хотя нет, возможно, как раз и хватало. Транспорт нам понадобится. Раз нас уже ищут, то нужно сменить маскировку. Технику, знаки различия, возможно форму, а то у меня кровавый след на рукаве, неудачно ножом

поработал, и никак не смыается. Так что станем связистами, авиаторами, танкистами или мотострелками. Большое поле выбора, кто попадётся, теми и станем. Нужно будет почаще менять личность, это позволит нам стать в тылу противника невидимками. Однако взять в ножи пару постов фельдшандармерии не просто нужно, а жизненно необходимо. Мы так и посты обходить сможем, и маскироваться, пристроившись к какой-нибудь колонне, куда та идёт и во сколько, мы будем знать заранее, благодаря этим жандармам. В общем, информация от них по тылам противника нам действительно нужна. Причём срочно, мы не так далеко от штаба группы армий «Центр» находимся, и если Михайлов вот-вот нанесёт удар, то мы окажемся в эпицентре поисков, что мне совсем не надо. Да, кстати, что стоит упомянуть. Как я уже ранее говорил, знание немецкого у меня на довольно низком уровне, из-за чего часто приходится ловить, например, платком губы закрывать, вроде как зубы болят, и другие схожие ухищрения, чтобы акцент был незаметен за глухотой голоса. Однако за последние дни у меня было столько практики в нём с настоящими носителями языка Гёте и Ницше, что даже я стал замечать, что бойче и увереннее лопочу на нём. И акцент стал мягче, не так явно проявлялся. Вот что значит активная и богатая практика, сам не ожидал. Да и в прошлом мире я изучил язык просто для самообразования, но практики было мало, с фронтовиками общался да с немногими представителями из Германии, в основном инженерами и конструкторами. Я всегда старался говорить на их родном языке, мне нужна была практика, наработать опыт, а сейчас я его получил столько, что сам удивился рывку вперёд в освоении этого языка. Так же и с письменностью.

Прислушавшись, постарался определить, откуда идет звук. Я повесил автомат поудобнее и поправил бляху жандарма на груди, которую также вернул на место. Хотя чего гадать, машины не слышно, а рёв мотора – явно что-то грузовое движется, уже отчётливо слышно. Если бы неизвестные ехали с той стороны, откуда мы появились, мы бы их увидели раньше, чем появился звук мотора, но холм скрывает от нас немцев, но звук лишь делает чуть гуще.

– Превратись снова в военнопленного, – велел я Лосеву, отходя от телеги, перед этим поправил сено, чтобы летёху не было видно.

Пока ординарец снова садился на траву, делая вид, что он уже со всем смирился, с плёнкой в том числе, я осмотрелся и довольно кивнул. Пока всё в норме. Вот пистолет лейтенанту я не вернул, ещё не хватало, чтобы тот вмешался и поломал нам игру. Мальчишка настороженно на нас поглядывал, его Эдиком звали, но снова устроился на телеге, я велел ему

успокоиться и сидеть тихо, а сам вышел на середину дороги, ожидая транспорт. Как я и думал, это оказался грузовик. «Опель», самая массовая машина в вермахте. Сначала над холмом показался покачивающийся тент над кузовом, потом кабина и потом уже капот. Насколько я смог рассмотреть, солнце на лобовом стекле бликовало, мешало, в кабине сидело двое, второй вроде как офицер, судя по фуражке. Есть ли в кузове солдаты, неизвестно, но то, что машина шла с захваченного советского аэродрома, факт, другой дороги тут нет. Тупик.

Насчёт офицера я не ошибся, в кабине сидел молоденький лейтенант с нашивками одной из охранных дивизий, которая держала тут тылы. Подняв руку с жезлом – я забрал его у Бабочкина, когда тот отправился помогать старику прятать мотоцикл, – остановил машину.

– В чём дело, фельдфебель? – приоткрыв дверь, как только машина остановилась, строго спросил офицер, добавив уже тише: – Мы торопимся.

Спокойно козырнув, я представился:

– Фельдфебель Ланке, второй взвод дорожной службы фельджандармерии восьмой охранной дивизии. Попрошу документы и путевой лист.

Я сначала проверил документы у лейтенанта, всё верно, заместитель командира роты, один из взводов этой роты стоял на охране аэродрома, а лейтенант, похоже, перевозил продовольствие и проводил проверку, там на аэродроме фельдфебель командовал. Потом я проверил документы водителя. Тут тоже всё в порядке. Во время проверки также изучил кузов. Практически пустой. То, что там было четыре примерно двадцатилитровых термоса, понятно, но ещё было восемь явно советских канистр, видимо прихваченных с аэродрома, трофеи есть трофеи, на этом всё. Повезло, есть за что зацепиться.

– Что за груз, почему не отмечен в путевом листе? – строго спросил я у водителя.

Глаза у того забегали, и он заюлил, поэтому ответил подошедший к заднему борту лейтенант:

– Канистры моё личное имущество, внутри трофейный авиационный бензин.

– Зачем он вам? – искренне удивился я, причём настолько, что «забыл» субординацию, но лейтенант на это не обратил внимания.

Он смущился и поначалу неуверенно стал отвечать. Не послал меня, как мог бы, что это его дело, а слегка смущённо улыбаясь, пояснил:

– Мне трофеем достался советский биплан, связной, я его отремонтировал, пленные помогли, и решил опробовать в воздухе. Потом

отправлю родителям, будет опрыскивать поля на ферме. Все нужные документы я уже оформил. Ни на что больше тот не годится.

— Ясно, господин лейтенант, — я действительно понимал его стремления.

Тот, видя моё одобрение, с некоторой гордостью добавил, видимо решив прихвастнуть:

— Я в фатерлянде занимался авиамоделированием и посещал лётную школу. Закончить не успел, но управлять самолётом умею, опыт имеется. Мой отец тоже имеет удостоверение пилота, он сможет управлять этим самолётом, или наймёт кого.

Лейтенант стоял у заднего борта рядом со мной, водитель, документы которому я уже вернул, ушёл к кабине и сейчас возился внутри, отставив дверь открытой. Я внимательно слушал лейтенанта, согласно кивая в нужных местах, но и по сторонам не забывал поглядывать. Кстати, на Лосева оба немца даже внимания не обратили, как в принципе и на телегу, как будто это деталь пейзажа. Наконец словоблудие лейтенанта стало подходить к концу, и тот с интересом осведомился:

— А вы тут какими судьбами, фельдфебель? Дорога только на наш объект идёт, пост организовывать тут нет смысла. Не понимаю, что вы тут делаете.

— Мы на аэродром и ехали, господин лейтенант. Приказ начальства, найти рабочий трофейный самолёт для нашей разведывательной службы. Не знаю точно, зачем он им нужен. Выдали плленного, он авиационный механик, и мы с рядовым Краузе выехали на аэродром, да вот сломались. Коробка передач полетела. Остановили деревенских, и Краузе стал сопровождать буксировку лошадью к дороге, там найдёт попутную машину и отправит мотоцикл в реммастерские. Мы уже хотели на телеге отправляться в путь, а тут вы. Кстати, вон мой солдат с крестьянином возвращаются. Видимо, смогли отправить технику на ремонт.

— Понятно, — мельком обернувшись, кивнул офицер. — На аэродроме действительно имеется несколько вполне целых на вид аппаратов, танкисты старины Гудериана захватили его внезапно. Часть хотят забрать наши союзники, финны, остальное, видимо, пойдёт на переплавку. Нам нужен авиационный алюминий, он тут есть. Тут стоял бомбардировочный полк, вас какие самолёты интересуют?

— Да как раз небольшие связные, они тут есть?

Тут лейтенант явно забеспокоился, почуяв, что может лишиться своего трофея и никакие выправленные бумаги на него не помогут, с разведкой, особенно военной, шутить не стоит. Он засобирался, вот только отпускать

его я совсем не хотел, а быстро достав пистолет, навёл его на офицера. Бабочкин уже подошёл и по моему знаку одновременно со мной взял на прицел водителя, после чего с помощью Лосева выдернул его из кабины и обыскал. Я же занимался лейтенантом, который не понимал, что происходит. В принципе можно их было и отпустить, если бы не одно но. Тот видел нас с деревенскими, начнутся расспросы и запросы по разным частям, не видел ли кто странных фельдполицаев, и тот может про нас вспомнить. Будут проверять, выйдут на старика, а у него раненый, забирать того я не планировал, свяжет нас. Так подставлять их я не хотел, значит, свидетелей нужно убирать. А так пропали те где-то на дороге, и пропали. Ближе к вечеру, когда они в расположение части не вернутся, будет поднята тревога, возможно и деревни посетят, да и то вряд ли, но главное, к старику этот след не приведёт.

Дальше быстро раздели обоих пленных. Сняв с них всё и связав, мы закинули «языков» в кузов, в который также загружали все наши вещи, посещать аэродром я передумал, меня сильно заинтересовал тот восстановленный самолёт. Вот так, пока Лосев бегал и перегружал наши вещи, ему Еремей Ильич помогал, я переоделся в форму водителя. Она мне по размеру подходила, лейтенант длинным оказался, не мой размер, и вёл допрос обоих пленных. Узнал данные обоих, в какой части служат, кто командиры, путь следования. Да всё, что может пригодиться в ближайшие сутки. Приём, чтобы поймать их на лжи, вёл опрос по отдельности. Одного из кузова пришлось вывести, пока с другим работал. У лейтенанта узнал, что за самолёт тот затрофеил, и где он находится. Кто охраняет. Я думал, ему достался У-2, но оказалось нет, это был полноценный разведчик и связист двухместный полутораплан Р-5. Топлива в баках было немного, где-то треть, но лейтенант рисковать не захотел, решил заправить с помощью трофейного топлива, что осталось на аэродроме. Немного, но оно было. Он только из-за этого и вызвался провести неплановую разведку, чтобы бензину и моторного масла добить, и вот добыл. Конечно, даже странно такое везение, но у меня сразу появились планы насчёт этого самолёта, да и нужен он нам. Я прикидывал, как нам быстро добраться до территории Украины, по земле опасно, могут прихватить, а тут такой широкий подарок, грех им не воспользоваться.

Бабочкин наконец переоделся в форму лейтенанта, та ему немного длинна была, но хотя бы сидела не так мешковато, как на мне, а рукава он просто подвернул. Допрос я уже закончил, водитель выдал те же сведения, что и лейтенант, так что говорили они правду, поэтому мы их пока забросили в машину, где их охранял Лосев, вооружённый ППД. Сразу

кончать не стали, следы я не хотел оставлять, найдём укромное место и спрячем тела. Покинув кузов, я подошёл к Еремею Ильичу, лётчик в разговоре тоже участвовал, слушал больше, и сообщил:

— Мы уходим. Оружие немцев мне не нужно, карабин с подсумками и офицерский «парабеллум» с боеприпасом можете забрать себе. Жаль, офицер налегке ехал, автомат не взял, пригодился бы. Но вам вот что скажу, в деревне лейтенанта не держите. Скоро облавы будут, найдут, расстреляют вас вместе с ним, я уже говорил, немцы свои законы вводят. Лучше где в стороне отройте землянку, замаскируйте её и лечите его там. Но так, чтобы тропинку не натоптать, и хоронитесь, чтобы не отследили. Оружие можете там же держать. Я вам ещё две трофейные гранаты дам на длинных ручках, пригодятся. На этом всё, удачи вам.

Вернув летуну его ТТ, я проследил, как Бабочкин передаёт Еремею Ильичу оружие, себе я оставил автомат, и мы, устроившись в кабине, покатали к дороге. Там, осмотревшись, я повернул налево и направился к селу, где находилась комендатура и где служили оба этих архаровца. Там же на окраине и стоял укрытый в тени яблоневого сада самолёт лейтенанта. Тот собирался после того, как попробует его в воздухе, разобрать и поездом отправить в Германию, отец груз встретит.

На дороге разного транспорта хватало. На перекрёстке появился пост, лейтенант, когда они ехали на аэродром, его не видел, иначе сообщил бы. Значит, тот возник не так давно. Этот пост фельдъяндартов тормозил подозрительные машины. По счастью, мы такими не выглядели, проехали не останавливаясь, судя по нашивкам, солдаты с поста из той же дивизии, что и наши пленные. Причина в такой панике мне пока была неизвестна, но догадаться было несложно. Значит, Михайлов, как мы и договорились, нанёс сразу несколько ударов по подразделениям передислоцирующегося штаба группы армий «Центр», что не могло не радовать. Вон, как оглашенные носятся, значит, удары нанесены серьёзные и очень болезненные. Теперь главное, чтобы немцы, бросив все силы на поимку мангруппы, не окружили её и, выбивая один танк за другим, не уничтожили их. Сейчас Михайлов должен рвануть к передовой, тут километров семьдесят по прямой было, ещё между ним и нашими находятся танковые части Гудериана, надеюсь, он сможет прорваться, круша всё на своём пути. Так собирая на себя всех немцев, тот отвлекал внимание от нас. Правда, не так сильно, как выяснилось, раз тут этот пост появился. Хотя комендатура могла его поставить на всякий случай, действуя по инструкции в таких ситуациях.

Приметив съезд в сторону и кустарник явно у оврага, я подкатил к

нему. Тут мы отправили на тот свет обоих немцев из ближней комендатуры, после чего, вернувшись на дорогу, всё же с таким грузом ездить не стоит, покатили дальше. Кстати, Лосеву, когда мы ещё расставались с деревенскими, я выдал кусок портнянки, и тот намотал её на рукав, вроде как хиви, помощник. Если что, отбrehаемся, что сами его вооружили, мол, доказал свою преданность во славу Третьего рейха. Найду что сказать. А этих немцев не сложно было убивать, мы их сюда не звали. Да и не марал я руки, отдал приказ, Лосев сам всё и сделал. Сбросил их на траву, чиркнул каждого немца по горлу и, столкнув вниз, слегка для виду забросал ветками. Я же, достав одну из пяти оставшихся мин, поставил её на режим нажимного действия. Найдут тела, случайно инициируют, может, ещё кого прихватить удастся. Оттого сильно и не прятали тела.

А по дороге мы так и катили к селу. Подъезжать к посту на въезде не стали, тут был полноценный блокпост, через село проходила одна из транспортных артерий. А свернули на тропку незадолго до него и покатили по окраине к самолёту помершего лейтенанта. С поста солдаты нас видели, но не смогли опознать, что в кабине сидят другие люди. О том, что лейтенант поедет к самолёту, чтобы заправить его, те наверняка знали, всё же из одной комендатуры, поэтому на наш грузовик никто и не обратил внимания. Свои. Я же, проехав почти половину села, фактически обхевав его, повернул к видневшемуся самолёту, что действительно стоял на краю яблоневого сада и где лениво прогуливался часовой с карабином на плече.

Подъехать я постарался так, чтобы между ним и машиной находился самолёт, я не хотел, чтобы тот понял, что на их машине подъехали чужаки, и он поднял тревогу. Поэтому, остановив машину, я выпрыгнул из кабины и рванул к часовому. Тот поздно понял, что происходит что-то не то, хотя он что-то весело спросил у меня, я не разобрал что, а тут вынырнув из-за самолёта, подскочил к нему, часовой уже сдирал с плеча карабин, и вбил ему в солнечное сплетение нож. После чего, уронив на землю, добавил в бок, продырявив печень. Теперь не жилец. Дальше, пока подскочивший Бабочкин быстро снимал ремень с подсумками и карабин, я вытер руки о траву, отмытую финку мне Бабочкин чуть позже вернёт, я её в теле часового оставил, после этого быстро отмыл руки, Лосев полил из фляжки, и осмотрелся. В стороне, метрах в ста, на нас большими глазами смотрели двое мальчишек лет десяти, плохо, что без свидетелей не обошлось, но надеюсь, те нас не выдадут. Не сейчас, по крайней мере. Вытерев мокрые руки, я первым делом развернул машину, подогнав к самолёту. Что мы сделали дальше? Да просто, затащили хвост в кузов и привязали его. Тело часового закинули туда же, после чего, переваливаясь на кочках и

рытвинах, неторопливо выехали на ту же дорогу, по которой приехали, и покатили обратно. Дело в том, что то поле на окраине села, где стоял самолёт, не очень подходило для взлёта. Я вообще не понимал, как лётчик тут смог посадить свою машину. Хотя, может, тот и не тут это сделал, а где-то в другом месте, и сам аппарат, как я сейчас, просто отбуксировали к селу для ремонта. Поди угадай. Об этом лейтенанта я не спрашивал. Тем не менее, когда мы снова появились на виду у того же блокпоста на дороге, там никакого шевеления и тревоги не поднялось, когда мы, буксируя самолёт, проехали мимо и стали удаляться по дороге, по которой приехали. Видимо, солдаты посчитали, что раз их офицер куда-то буксирует свою собственность на ночь глядя, то так и надо. Вот поле у оврага, где мы спрятали тела, вполне подходило для взлёта, и стоило бы туда вернуться, что мы и сделали. Единственно, двигаться неудобно, крылья не сложены, и приходилось съезжать на обочину, пропуская встречные машины или колонны.

Добравшись до места, первым делом сбросили тело часового к тем двум другим, причём так, чтобы не задеть мину, потом занялись самим самолётом. Не обращая внимания на то, что с дороги нас хорошо видно, тут метров триста до неё было, мы сняли разведчик с буксировки и поставили его рядом с грузовиком, втроём тяжело было его ворочать, но вполне в наших силах, если поднапрячься. После этого, используя воронку, мы перелили всё топливо из канистр в баки разведчика. Потом, пока Бабочкин, изображая офицера, заложив руки за спину ходил рядом, наблюдал, как мы с Лосевым работаем, перегружая всё в багажный отсек самолёта, а у него за вторым пассажирским местом, тут лётнаб обычно сидел, имелся небольшой люк с грузовым отсеком в фюзеляже. Тут достаточно места для наших вещей. Вот мы и укладывали всё. Лосев даже пробил бак в грузовике и слил топливо в канистры. Две под пробку, и прибрал их с нами, вдруг пригодятся. Не стоит ещё забывать про ту, что мы с коляски мотоцикла сняли. Уже начало стремительно темнеть, когда мы закончили.

– Всё, машина к вылету готова, – сообщил я. – Надеюсь, неизвестный техник её отремонтировал качественно, и она взлетит. Сейчас быстро переодеваемся, трофейную форму в кузов, перед отлётом подожжём машину, она нам подсветит поле, и взлетаем.

– Командир, я всё понимаю, но кто самолёт поведёт? Я не умею, – быстро расстёгивая офицерский френч, уточнил Бабочкин.

Видимо, этот вопрос мучил бойцов довольно давно, даже странно, что раньше его не задали, но тут уже я понял причину такого отсутствия интереса у них, они решили, что я лётчика на стороне найду. Это я понял

по последующему вопросу Лосева:

– Я думал, мы пленного лётчика из какой колонны выдернем, а уже темнеет.

– Успокойтесь, я немного умею управлять такими самолётами, трижды мне удавалось делать это ночью. Люблю быть разносторонним специалистом, изучая новые навыки. Тут в чём дело, инспекции проводить мне часто доводилось, а самолёт – отличное и скоростное средство перемещения, вот мне и выделили самолёт. Правда, там У-2 был, но лётчик с охоткой учил меня, когда я попросил его об этом. Больше сорока часов личного налёта, несколько посадок и самостоятельных взлётов. Сам лётчик в прошлом пару лет проработал инструктором в аэроклубе, так что знал, чему и как учить.

– Но вы ведь летали на другом самолёте?

– Да, на другом, но разницы особой не вижу, – бодро ответил я, на самом деле не будучи так в себе уверен, но самолёт отличная возможность быстро и незаметно переместиться подальше из этой зоны поисков. Вон, даже ночью движение на дороге не стихало.

Не стоит думать, что никто не заметил, что мы делаем в поле, с дороги. Когда мы ещё занимались перетаскиванием вещей, к нам свернуло два мотоцикла. Хорошо, мы этот момент заранее обговорили, Бабочкин сразу залез в кабину и вместо фуражки надел лётный шлемофон с очками, тот на сиденье пилота лежал, искать не потребовалось, только ни одного парашюта не было, а я, включив нужные тумблеры и подкачав топливо бензонасосом, запустил двигатель. Так вот, пока, резко покачивая винт, мотор ревел, прогреваясь, запустить, к счастью, удалось со второго раза, я общался с мотоциклистами. Предоставил документы на самолёт и общался от имени лейтенанта, который якобы тестировал трофейную машину, а тот лишь лыбился да рукой нам махал. Говорить нормально рёв мотора не давал. Изучив документы, мотоциклисты укатили, проверку мы выдержали, хотя Лосев чуть их не срезал из ППД. Он сидел у хвоста самолёта, ветер трепал его форму и шевелюру, поток воздуха от винта сдул пилотку – так же изображал пленного, пряча в траве за собой автомат. По кромке прошли, но проверку выдержали, те от мотоциклов не стали отходить, пообщались со мной да уехали. Тела в овраге не заметили, мы в стороне от него стояли, метрах в ста.

Уже практически стемнело, когда я, поправив складки своей формы майора РККА, застегнул немецкий ремень, с кобурой пистолета и подсумками к трофейному автомату, и согнал эти складки назад. Фуражку надевать не стал, хотя Лосев её тоже сохранил. Дело не в том, что та

помялась, есть такое, а в том, что сейчас мне нужен лётный шлемофон. Сапоги я тоже натянул свои комсоставские, сняв трофейные, после этого всю форму мы закинули в кузов грузовика, Бабочкин полез на место лётнаба, а я, запустив мотор, погонял его на разных режимах – вроде норма – и стал устраиваться в кабине пилота. Далъше, после моего взмаха ординарец поджёг машину, и пока пламя охватывало её всю, побежал к разведчику и стал втискиваться к Бабочкину, для двоих места там всё же мало, но залез, мы уже пробовали, умещались, я же дал газу, и после долгого разгона мы оторвались от земли и, поднявшись метров на пятьдесят, полетели на бреющем в сторону Украины. А вот у грузовика метались тени, как мы рассмотрели со стороны, и горели фары двух автомобилей, кто-то съехал к нему с дороги. Надеюсь, утром и тела найдут, и мину потревожат. Даже жаль, что у разведчика снято всё бортовое вооружение, прочесал бы оба авто из пулемётов, а так мы стали удаляться от этого поля и оврага. Да и хорошо, что самолёт имеет большую грузоподъёмность, до полутонны, их ведь и как лёгкие бомбардировщики использовали. Смогли взять всё, что имели из вещей с собой.

Управляя машиной, я развил скорость до крейсерской в сто восемьдесят километров в час, как показывал датчик. Но крейсерскую я подобрал по звучанию мотора, а не по реальной скорости. Честно говоря, эти машины я знал плохо, дальность полёта подобного аппарата мне была известна приблизительно, километров шестьсот. Может быть и больше. Заправка у нас неполная, так что если хватит километров на пятьсот, считай повезло. Карты у меня при себе не было, никакой, последнюю отдал с Казанцевым, а лейтенант из комендатуры, тетеря, мало того что автомат не взял, ещё и планшетку с картой забыл, долдон. Так что летел я больше по памяти, благо та меня обычно не подводила и примерный маршрут я помнил, ориентиры бы только не потерять. А летели мы к Ровно, а не к Киеву, как можно было предположить. Да и что Киев, там ещё наши оборону держат, а вот под Ровно можно хорошо погулять, насолив противнику. Понятно, что перебираться из Белоруссии, где сплошные леса, ну и болота, которые частью пересохли, в степи Украины опасно, тут обнаружить нас будет легче, но я уже продумал тактику будущего подразделения, под немцев и будем работать. Главное же, часть плана удалось выполнить, мы перебираемся на территорию Украины, причём достаточно быстро. Топлива запас есть, даже если заплутаем, хватит. Должны долететь, даже с моим фактически никаким опытом, включая небольшой ночной.

Что меня больше всего беспокоило, это не возможность заблудиться и

не сама посадка в ночи, которая тоже страшила, а то, что состояние этого самолёта мне было неизвестно. Я успел мельком осмотреть его, проблемы у того, видимо, были с мотором, его и чинили, потому-то и понадобилось моторное масло, что находилось в одной из канистр. Сам аппарат с виду как новый. Не облезлый, со свежей краской, края кабин обиты кожей, и она не потёрта. В общем, самолёт вроде новый, видимо из-за этого лейтенант его и выбрал. Я уверен, он ещё запчастей к нему набрал бы, чтобы тот подольше прослужил, благо бывший советский аэродром под охраной его подразделения и всё, что нужно, там наверняка можно найти. Я просто во время допроса этот момент не уточнял. Однако главное – может, я и умею пилотировать, хотя я считал, что у меня мало опыта, чтобы считать себя настоящим лётчиком, но о конструкциях самолётов я знал приблизительно. Меня учили пилотировать, а не ремонтировать. Я, конечно, почти инженер, три курса закончил, пусть и по танкам, но разобраться, думаю, смогу, тем более в некоторых танках, которые ещё применяются на данный момент, стоят авиационные двигатели, и некоторые знания по ним у меня есть. Так что разобрался бы, было бы время. Однако его не было, именно поэтому я осмотрел самолёт только визуально и, проверив уровень масла, щуп тут был, залил сколько нужно. Там метка была, по ней и заливал. Вот и выходило, что самолёт не проверен, и приходилось надеяться на правильную работу неизвестного авиационного техника, который всё сделал как нужно, решив не вредить немцам. Это и не нравилось мне, в таких моментах я старался всё проверить и контролировать. Выходило, что мы вылетели наудачу. Пятьдесят на пятьдесят. Долетим или нет.

К счастью, самолёт действительно оказался в порядке, несмотря на то что в ногах у меня стоял мой сидор, в грузовом отсеке уже места не оставалось, но тот мне нажимать на педали не мешал, весь полёт прошёл благополучно. Населённые пункты, если мы их замечали вдали, старались облетать, чтобы не нарваться, и так за полтора часа мы оказались в районе Ровно. Я надеялся, что это именно Ровно и мы не заблудились. Тем более наткнулись на железку и до города долетели параллельно ей. Облетев этот городок, я ушёл дальше, почти за сто километров. Тут крупный лесной массив был, и мы все трое, пригнувшись через бортики, искали внизу проплешины, поляны или другие места для возможной посадки. Первым подходящее место усмотрел Лосев, но после того как мы снизились, сделав два круга, стало ясно: не сядем, побьёмся на кочках и корягах. Полетели дальше, и тут снова Лосев усмотрел поляну. Ему было легче, чем Бабочкину, всё же у меня были лётные очки, да хозяйственный ординарец мотоциклетные сохранил и надел перед вылетом, а бойцу приходилось

укрываться, ветер слёзы из глаз выбивал, так что нам он был не помощник.

Покрутились, вроде нормальная полянка, дальше ординарец выпустил вниз осветительную ракету, у нас с десяток в запасе их было, используем мы их, конечно, неправильно, но поляну подсветила та отлично, так что я снизился, убрав скорость до минимума, мягко коснулся поверхности и, дав изрядного козла, и ещё раз закозлив, всё же благополучно прокатился по поляне, миновав место, где ярко горела ракета. К счастью, пожара не случилось. Да и выскочивший из самолёта давно терпевший Бабочкин, добежав, погасил её пионерским способом. Я же, заглушив хорошо поработавший двигатель, откинулся на спинку, пытаясь прийти в себя. Весь выложился в этом полёте. Не думал, что это так тяжело. Ха, и летели без парашютов, даже не вспомнили про них.

Дальше, напрягаясь, мы развернули самолёт и, буксируя его за хвост, убрали под прикрытие ветвей на опушке. На этом мы попадали кто где. Но Лосев всё же нас растолкал, и мы стали частично разгружать самолёт. У ординарца и плащ-палатка трофейная сохранилась, тот поставил её побыстрому, пока Бабочкин резал траву для лежанки, накрыли её шинелью – и спальное место готово. На этом всё, мы с ординарцем устроились на ней и почти сразу уснули, а боец остался бодрствовать, четыре часа на часах, потом смена. Даже я буду участвовать, но следующим, а под утро Лосев, ему ещё и завтрак готовить.

Утром, когда солнце уже взошло, ординарец объявил побудку. Потянувшись так, чуть не сковырнул полог плащ-палатки, я посмотрел на часы, подзвал их и растолкал Бабочкина, которой просыпался совсем тяжело. Лосев нам выспаться чуть больше дал. Девятый час, хотя я приказал поднимать нас в восемь утра. Непорядок. Указав на это Лосеву, на что тот, оправдываясь, пояснил, что поднял нас, как только завтрак был готов, два котелка бурлили на костре, тот снимал их и уже вешал третий, явно воду кипятил для чая.

– Тут ручей рядом. Не пришлось наши запасы воды трогать, я и фляги все заполнил свежей водой, – пояснил ординарец и, выдав нам полотенца – его личное сушилось на ветке, пояснил, где находится ручей и как его найти.

Немного непонятно, как тот сам его нашёл, но родник был небольшим, а вода такая холодная, что ломило зубы – напился, когда закончил умываться. Вернувшись в лагерь, мы приступили к завтраку, причём Лосев нам ещё выдал и по лепёшке, горячей и хрустящей. Осмотрев характерные оттиски с обеих сторон, я понимающе кивнул:

– На пехотных лопатках пёк?

– Так точно. У нас же их две, моя и Семёна, – кивнул тот. – Муки двухкилограммовый мешочек я отсыпал, замесил на воде, посолил и подсластил, и готово. Неплохие лепёшки получились, на мой взгляд.

– Это точно, – принимаясь за гороховую похлёбку, согласился я. – Отличная замена хлебу.

– Я ещё шесть лепёшек напёк, на сегодня хватит, потом ещё замешу тесто.

Про такой способ походной готовки я был в курсе, более того, в период моей срочной службы в одной из танковых частей Российской Федерации, я сам во время боевых действий так готовил, но ничего об этом бойцам не сообщал. Лосев или сам додумал, или слышал где, воспользовался чужим опытом. Удачно, между прочим, лепёшки вышли отличными, так и хрустели, и под гороховую похлёбку шли на ура. А то, что осталось, мы полили сгущённым молоком – тоже трофей, у немцев добыли, но банка советская была. Вот с чаем и попили, подсластились.

Дальше я решил так, Лосев останется в лагере, эту полянку и стоянку самолёта будем использовать как временную базу, а сами прогуляемся до опушки и осмотрим дорогу. Это в Белоруссии сейчас такого шороху навели, что все силы брошены на поиск беглецов, а тут тиши да благодать. Нам нужна трофейная форма, в идеале фельдшандармов, карта окрестностей с метками ближайших частей, да и «языка» взять хотелось бы, сведений свежих получить по местным делам. Очень надо, на это и шли. Так что после обеда сидора за спины, автоматы на боку висят, я взял ППД, а Бабочкин МП, сухпай в сидорах, так что попрыгали, проверяя, не звенит ли что, и энергичным шагом двинули в сторону опушки. Где находилась нужная сторона поближе к Ровно, я определился по компасу. Да и солнце помогало. Не факт, что мы к вечеру вернёмся, ординарец был в курсе нашей возможной задержки. Крайний срок – два дня, когда он может начать беспокоиться. Поэтому и продовольствия мы взяли на два дня. Всего его в запасах было на шесть дней на всю нашу группу.

Шли долго, уже давно перевалило за обеденное время. Мы остановились перекусить, после чего двинули дальше, когда ближе к двум часам дня идущий впереди Бабочкин остановился, поправляя автомат, и сказал:

– Никак просвет впереди.

По моим прикидкам, уже должна была появиться опушка, так что я особо не удивился его высказыванию, и мы, взяв оружие наизготовку, разделились и, двигаясь метрах в десяти друг от друга, направились

вперёд. Это оказалась не опушка, а лесная дорога. Осмотревшись, мы вышли на неё и осмотрели дорогу. Пусто, вокруг было тихо и никого.

– Трактор или танк? – уточнил Бабочкин, указывая на застаревшие следы гусениц.

– Танк. Причём немецкий. Средний, – мельком глянув на дорогу, я снял фуражку и стал платком вытирая лоб и затылок – жарко. – Интересно, чего ему в глубине леса делать? Обратно-то не вернулся.

– А как вы поняли? – заинтересовался боец.

– По следам. Смотри на рисунок гусениц, – присев, я показал, как определять, куда танк направлялся. Это было несложно, и тот быстро усвоил эту нехитрую науку.

Я же, закончив небольшой урок, сказал:

– Беспокоит меня этот танк. Что это, пост организован в лесу, или ещё что? Стоит ли этого опасаться? Давай прогуляемся по следам, посмотрим. Немцы в леса обычно не суются, тут чуть ли не каждый куст стреляет, поэтому их появление меня и беспокоит.

Мы снова стали углубляться в лес, следуя рядом с дорогой, идти по ней я не идиот. Уже метров через триста я почувствовал запах гари, Бабочкин тоже уловил. Так могла пахнуть только горелая техника. Так и оказалось, на этой же дороге стоял танк, «четвёрка». Сгоревшая, с открытыми люками.

– Наши, видимо, танк отбили, повоевали, загнали и сожгли. А то, что не рванул тот, так боекомплекта не осталось, оттого и не взорвался, – пояснял я, заглядывая в люки, но стараясь не запачкаться.

Отошедший по нужде Бабочкин вернулся, тоже осмотрелся и сообщил:

– Тут следы. Почва мягкая, вот и отпечатались.

– Я видел, следы наших сапог, трёхдневной давности примерно. Видимо, окружёнцы были, полюбопытствовали, потом дальше ушли. Ладно, идём к опушке, и так сколько времени потеряли. Надо только запомнить, по этой дороге не проехать, блокирована, танк не объехать, стволы деревьев крепкие, только рубить, повалить бампером грузовика или того же бронетранспортёра не получится... танком если только.

Развернувшись, мы двинули к опушке. Снова не по дороге, понимаю, что так удобнее, но опасно, в лесу безопаснее. Через полчаса мы выбрались к опушке, причём к крайним деревьям не шли, а ползли по-пластунски, чтобы не привлечь к этому месту случайного внимания своим неосторожным движением. Достал из чехла бинокль, Бабочкин рядом делал то же самое, и стал изучать дорогу.

– Плохо видно, – сразу сообщил я. – Неудачная точка наблюдения.

Уходим вглубь леса и смещаемся на полкилометра на запад, вон у того лесного языка получится отличное место наблюдения. И дорога, и мост через речушку будут отлично видны. Там ещё что-то вдали, непонятно, вроде крыши деревни. Тоже оттуда изучим. Всё, уходим.

Чтобы добраться до нового места наблюдения, нам понадобилось сорок минут. Казалось бы, тут можно дойти минут за двадцать неспешным шагом, только сначала мы к небольшому болоту вышли, Бабочкин чуть левый сапог не потерял, провалившись, потом снимал его, выливал воду и портянки выжимал. За болотом оказался непроходимый бурелом, пришлось его обходить, и под конец ельник, в котором едва не заблудились. Однако ничего, вышли. Правда, не совсем там, где хотели, но место оказалось даже лучше выбранного. Скинув сапоги и развесив – невысоко, чтобы не видно было – сушиться портянки, Бабочкин забрался на берёзу и стал оттуда наблюдать за селом – всё же это село было, а я внизу на опушке изучал каменный, явно дореволюционный мост, однопролётный, через небольшую речушку, но с высокими берегами. Не зная местности, не скажу точно, если рвануть, создаст это проблемы или где-то рядом есть брод или другой мост. Смысл любой операции в том и состоит, насколько сильно это повредит противнику. Во всяком случае, пока я не планировал какую-либо акцию до того, как возьму «языка», вот после этого можно будет подумать. Нужна информация по местным территориям, а у меня её не было, никакой. Мы тут как слепые и глухие, ничего не знаем. У моста с нашей стороны имелся перекрёсток, даже со свежим указателем на немецком языке, однако поста там не наблюдалось. Печально, придётся искать. Если в селе не будет комендатуры, так совсем кисло.

– Вижу, как на окраину выехала телега, вроде двое в нашей форме, красноармейской, едут к мосту, – вдруг сообщил Бабочкин.

Я у него уже интересовался, видит он в селе немцев или нет. Жителей населённого пункта тот наблюдал, а вот немцев пока нет. Хотя движение на дороге было интенсивное, пока я лежал и наблюдал, считал. По мосту проехало три одиночных грузовика, причём один из них был нашим «захаром», и четыре колонны. Три раза мотоциклисты проезжали, две одиночки и пара с колясками и пулемётами. Я специально их старательно рассматривал. Не фельджандармерия. Похоже, передовой дозор одной из крупных колонн, что прошла следом. Было четыре легковушки, и в одной, кабриолете без сопровождения, явно какой-то высокий чин. Бабочкин, который машину тоже видел, тоскливо выругался, вторя моим мыслям. Привык генералов пленить, третьего ему подавай. Однако уже по интенсивности движения было ясно, что мост довольно интересен как

объект боевой акции. Его уничтожение может создать некоторые проблемы в плане доставки грузов. Недолгие, пустят потоки по другим мостам, а за день-другой новый построят, но главное, проблемы будут, и на них потребуется реагировать. А это увеличение трат топлива, ресурса авто, времени доставки, возможно какие другие накладки. Укус мелкий, но такими мелкими укусами и медведя до бешенства довести можно, что уж про немцев говорить.

Задумавшись, чтобы проанализировать сообщение напарника, я уточнил:

– Повязки на рукавах есть?

– Вроде есть. Плохо видно, сидят неудобно.

– Полицаи. Представители местных сил самообороны, – прокомментировал я. – Вооружены наверняка?

– У одного за спиной вроде что-то есть. Винтовка вроде, у другого пусто, наверное, оружие в телеге лежит.

– Хм, на безрыбье и рак рыба. Будем брать. Этим полицаям в первое время бумажки в комендатурах обычно без фото выдают, тела спрячем, а сами под их видом отправимся дальше. Узнаем только сначала, куда это они направляются. Найти хорошего «языка» можно и под видом этих предателей.

– А успеем?

– Вроде должны, путь обратно разведен, просто в болото соваться больше не будем.

Бабочкин быстро спустился, намотал подсохшие портянки и, натянув сапоги, рванул за мной. Несмотря на нашу поспешность, догнать полицаев мы не смогли, когда выбрались на дорогу, причём так, чтобы не привлечь внимания – тут к ней низина походила, те уже проехали, и были видны их спины. Да ещё движение усилилось, не выйдешь, так и мелькала разнообразная техника. Паршиво. Эх, сейчас бы мину поставить, у меня одна была в сидоре и вторая у Бабочкина, взяли на всякий случай. Гранат тоже мало было, у меня «лимонка» в кармане и у Бабочкина две немецкие с длинными деревянными ручками.

– Отползаем, – сразу приказал я. – Не успели.

– Может, подождать, когда обратно поедут? Вечер скоро, думаю, недолго ждать.

– Я думал об этом, риск есть. Хм... Вот что, остаёмся, сидор скинь, а то он, как горб, внимание привлекает, трава, конечно, высокая, но не настолько. Тут удобно подбираться к дороге, внезапно высакивать на неё. Остаёмся, будем изредка осматриваться, а пока не шевелились.

Мы успели поужинать, теми лепёшками, что напёк мой ординарец, с рыбными консервами вприкуску, а запивали водой из фляг. Раньше там чай был, но мы за время пути к опушке почти всё выдули, а в обед добили. Поэтому залили свежей водой из попавшегося родника. После ужина сделали так: пока один отдыхал, второй наблюдал. От дороги мы всё же отошли к кустарнику, что находился метрах в пятидесяти от обочины. Если из травы выглядываешь, это заметно, а кустарник такое наблюдение маскировал. Два часа ожидания, и меня растолкал Бабочкин, я заснуть умудрился.

– Что? – Стараясь не дёргаться спросонья, я протёр лицо.

– На дороге давешние полицаи, и не одни.

– Давай полный доклад, – велел я, делая глоток из фляжки, а то горло пересохло.

– Движение на дороге уже стихло, скоро стемнеет. На телеге едут пятеро полицаев, и охраняют они около двадцати военнопленных. Наши наших конвоируют, суки.

– Не наши, а предатели, – аккуратно поправил я разъярившегося бойца, ох и не любил он таких вот предателей! – Сидоры оставляем тут и быстро ползём к дороге. Вскакиваем перед мордой лошади, предатели почти все назад смотрят, контролируют, чтобы никто не сбежал из пленных, а тут мы, берём их на прицел, разоружаем, связываем, вооружаем освобождённых пленных, ослабевших на телегу, если там такие есть, и уходим в лес. Сидоры только надо прихватить. Всё ясно?

– Ясно.

– Постараемся немецкое оружие использовать, ты свой автомат, а я вместо ППД «парабеллумом» поработаю. Звуки выстрелов своего оружия немцы знают, сильно не всполошатся. Не должны. Но это в крайнем случае, желательно всё сделать тихо.

Ставя задачу, я наконец воспользовался биноклем, чтобы самому окинуть взглядом ту картину, что мне описал напарник. Пленных было двадцать, точно не скажу, плотной группой идут, полицаев, имеющих повязки на рукавах, действительно пятеро, возница и четверо, что контролируют заднюю сферу с пленными. Нормально, работать можно. Окинув взглядом пленных, я аж крякнул от удивления.

– Что? – быстро выдохнул Бабочкин, что уже скинул сидор и прятал его вместе с моим в кустарнике.

– Помнишь, я тебе про лётчика говорил, что меня учил летать?

– Бывший инструктор аэроклуба?

– Точно. Так он в той колонне идёт, в конце с краю, со старшинской

«пилой».

– Да? – изучая колонну в свой бинокль, протянул напарник. – А вы не говорили, что он в плену был.

– Да я и сам не в курсе, удивлён, что встретил его здесь. Да мы как-то и не касались этой темы.

– А это точно он?

– Он-он, эту фигуру не спутаешь. Как будто медведь на задние лапы встал. Матвеем его зовут. Матвей Краюшкин.

– Да уж, кряжистый мужик. Ну что, ползём?

– Да.

Мы достаточно быстро перебрались к дороге, времени хватало на это, колонна не так быстро двигалась. До села километра четыре, за час доберутся, как раз к темноте. Откуда гонят этих бедолаг, я без понятия, но предположить было можно. Скорее всего, где-то шли работы, их охраняли те трое, что появились на телеге. А сейчас бесплатную рабсилу гонят в село, чтобы запреть в месте содержания, в каком-нибудь бараке или амбаре. Утром наверняка вернут обратно для продолжения работ. То, что в колонне есть лётчик – да и петлицы у него вроде синие, далековато, чтобы рассмотреть, я и «пилу» старшинскую больше угадал, чем рассмотрел, – меня порадовало. Надеюсь, там ещё есть бойцы, что служили в ВВС.

– Верёвки заготовил? – уточнил я у Бабочкина, на что тот достал из кармана красноармейских шаровар моток верёвки. Норма, вязать есть чем. А на кляпсы были старые нестираные портянки. Мы их для немцев, правда, подготовили, но и полициям отлично сгодятся.

Наше появление было неожиданным как для полицаев, так и для пленных, которых они вели. Подскочив к вознице, я ударил его рукояткой пистолета по голове, пока напарник орал на четырёх оставшихся полицаев, морально подавляя их криком, чтобы в первые секунды от неожиданности те не сопротивлялись, а потом мы уже им и не дали. Всё это нами было подготовлено и обговорено, включая действия каждого. Пока я разоружал полицаев, Бабочкин держал их на прицеле, а пленные лежали в пыли дороги, согласно моему приказу.

Закончив вязать всех пленных – руки позади, ноги к ним, кляпсы вставил, – взял под уздцы лошадь и, сведя её с дороги, побежал, подгоняя ту вместе с телегой, к опушке леса. По пути прихватил наши сидора и закинул их в телегу. Бабочкин замыкал колонну, сопровождая освобождённых пленных. Те уже осознали, что случилось, кто-то обменивался радостными улыбками, к нам пытались сунуться в проявлениях радости, но не все были такие, трое изменением судьбы явно

были недовольны. Я, когда мы ушли в лес и вышли на ту самую дорогу, где стоял сгоревший немецкий танк, велел Бабочкину особенно присматривать за ними. Не нравилась мне эта троица, видимо из тех были, которым и в плену комфортно. Видел я уже таких.

Когда мы добрались до танка, напарник ушёл к телеге, приглядывал за полицаями, проверял, что у них за оружие, да ремни с подсумками снимал, и сапоги на предмет ножа проверял, я не успел. Выйдя к пленным, я приказал:

– Построиться в шеренгу по одному. Старшина, командуй, – приказал я Краюшкину.

Тот не единственный был, кто не избавился от знаков различия. Кроме него ещё у троих, тоже младших командиров, были треугольники, у двух других пустые петлицы, лишь дырочки от треугольников и выцветшие следы. Матвей справился быстро, уже через минуту шеренга из двадцати двух бойцов была выстроена на обочине дороги, о чём доложился старшина. Хм, а среди бойцов двое явно были танкистами. По эмблемам в петлицах был ясно, один сержант, другой красноармеец. И держались они вместе. На меня тоже поглядывали с интересом, видели, что я танкист.

– Молодец, Краюшкин, быстро.

– Вы меня знаете, товарищ майор? – с радостным удивлением поинтересовался тот.

– В Казани, в аэроклубе встречались, ты мне пару уроков давал. Я, правда, обучение не закончил.

– Не помню вас, извините, товарищ майор, – с виноватой улыбкой сказал тот, это меня порадовало. Не стал подтверждать – лгать, что мы уже виделись. Силился вспомнить, изучая меня, и не смог, о чём честно и сообщил.

– Ничего, бывает. Встать в строй, – велел я ему и, достав из планшетки свежий блокнот с карандашом, начал со старшего по званию.

Где служил, как попал в плен, ВУС (военно-учётная специальность) – всё это я записывал в блокнот. Честно спрашивал, кто хочет с нами. Как я и подозревал, та троица, слегка помявшись, сообщила, что навоевалась вдоволь. До дома, до хаты хотели двинуть. Возражать я не стал, велел им сразу покинуть нас, а когда те рванули и скрылись среди деревьев, лишь мотнул в их сторону Бабочкину, чтобы проследил, и сообщил оставшимся:

– Что ж, pena слетела, можно и поговорить. Товарищи бойцы и командиры, товарищ Сталин и правительство Советского Союза возложили на нас защиту территории нашего государства, и мы с треском провалили возложенное на нас поручение. Однако есть возможность искупить свою

вину. Я собираюсь организовать в тылу у противника партизанский отряд. Не совсем обычный, я бы даже сказал, совсем не обычный, но главное, что стонать немцы от действий нашего будущего отряда будут сильно и от всей души. Отряд не будет большим, но мне нужны специалисты, которые среди вас, к сожалению, представлены всего в одном экземпляре. Мне нужны лётчики, техники, оружейники. Все те, кто способен заниматься подготовкой к вылету и ремонтом самолётов.

— Авиационный партизанский отряд?! — явно не веря себе, пробормотал Краюшкин.

— Именно так, Матвей, именно так. Поэтому активно воевать будут трое-четверо — по числу самолётов, остальные будут только охранять взлётную площадку, подготавливать к вылету и заниматься ремонтом. Поэтому, товарищи, жду от вас информации и предложений. Для начала, где ближайшие советские военные аэродромы. Откуда можно угнать нужную нам технику. Где можно достать авиационное топливо, бомбы и всё необходимое для организации непрерывных вылетов в течение хотя бы недели. Десять минут вам на размышления. Матвей, отойдём.

Мы со старшиной отошли, и я сказал:

— Тебя я знаю, ты по-настоящему наш, оружие сразу выдадим, у нас пять винтовок Мосина с предателей, и ТТ в кармане у старшего обнаружился. Хочу мнение твое узнать, кому можно доверить оружие?

— Всем, — сразу и категорично ответил старшина. — Мы в плenу уже больше недели, нас на ремонте дорог используют, друг друга узнать успели, наелись плена вволюшку, а те трое и воевать не захотели и сбежать до хаты всё мечтали. Думаю, к немцам они не побегут, а домой легко, тем более местные, можно считать.

— Ладно, разбирай оружие, посмотри, кому сапоги с полицаев подойдут, а то, смотрю, у вас половина босая, да ещё в самодельных лаптях и чунях из шинелей. Потом ещё добудем. И ещё, подбери мне двух позлезе на предателей и сильнее, сейчас допрашивать будем. Да и форма у них справная, снимем, вам пригодится, форма у бойцов тоже где рваная, где в негодность пришла.

Пленные, которые всё прекрасно слышали — мы общались рядом с ними и особо голоса не понижали, — мычали и дёргались, но это всё, на что они были способны. Краюшкин ушёл, и почти сразу подошли двое, которых ко мне направил старшина. Они развязывали и раздевали предателей, я потом по очереди их допрашивал. Очень интересная информация потекла, жить-то все хотели, лилось из них только так. Кончал их не сам, освобождённые с удовольствием всё сделали, было что

припомнить.

Когда я уже заканчивал обрабатывать ту информацию, что получил от полицаев – ох и цеплялись те за свою жизнь! – а также выслушал информацию, что выдали освобождённые пленные, послышался шум от бегущего человека, и выбежавший на дорогу Бабочкин подбежал к нам, опознавшись у часового. Его уже смутно стало видно, ночь упала на лес, но ещё что-то рассмотреть было можно. Тот доложился:

– Ушли лесами. На дороги и к немцам не сунулись, а иначе... – боец не договорил и похлопал по своему автомата.

– Хорошо, там наши вещмешки, ещё один сидор полицаев имеется, а бойцы голодные. Собери всё что есть и распредели по ним, пусть подкрепятся. Это пока всё, но добудем ещё.

– Сделаем, командир.

Пока боец возился, распределяя остатки продовольствия, я продолжил опрос. На двадцать человек еды было мизер, но хоть чем-то каждый перекусил. Их должны были покормить в сарае, в котором держали, пустым супом из овощей, как всегда, но вот не довели. Раз я взял на себя обязанности по командованию и обеспечению всем, значит, этим и займёмся. Настала пора действовать, да и высоко мотивированные бойцы под рукой имеются, опрашивая их, я успел составить примерный психопортрет каждого. То есть чего можно ожидать от того или иного бойца. После небольшого ужина я велел построиться бойцам, командовал построением также старшина. Не видя уже лиц бойцов и немногих командиров, я взял слово:

– Товарищи бойцы, несмотря на наступление ночи и вашу усталость, уже этой ночью мы проведём первую боевую операцию. Со мной идут пятеро. Старшина, пересчитай всех бойцов, кому достались сапоги, выдай им оружие и нарукавные повязки полицаев. Не забудь и документы предателей. Будем изображать немецких приспешников. Я укроюсь в сене на телеге... Бабочкин, ко мне!

Когда боец подбежал, я велел ему вести остальных в лагерь к Лосеву, на что тот замялся и честно ответил, что просто не доведёт, не лесовик, заблудится. И сколько будет плутать по лесу, даже сам не знал. Подумав, быстро переиграл план операции, так даже лучше будет, я согласился с бойцом, после чего велел вести освобождённых вдоль опушки к тому болоту, где он чуть сапог не потерял, обойти его и укрыться, там я их и найду. У танка задерживаться не стоит, если полицаев будут искать, а их будут искать, то по следам могут к нему выйти.

Дальше мы расстались. Свой сидор я Бабочкину оставил на хранение,

только обе мины забрал. Когда мы с отобранный мной группой выбрались на дорогу, а бойцы даже кепки вместо пилоток надели, хорошо под полицаев косили, то устроился под сеном, те на облучках, и мы покатили по дороге прочь от села, в ту сторону, откуда их привели. Дело в том, что бойцы были в курсе насчёт небольшого полевого советского аэродрома, брошенного нашими войсками при отступлении. Вот только немцы всё, что там имело хоть какую-то ценность – технику, бензин и масло, – вывезли в неизвестном направлении. На аэродроме даже охраны не было, кто станет охранять ненужное барахло? Но ладно аэродром, неподалёку от него пролегала та трасса, по которой мы сейчас двигались, и там на перекрёстке находился постоянный пост регулировщиков. Бойцы говорили, нагрудные бляхи у солдат имелись. Они там рядом дорогу восстанавливали пару дней назад, засыпая ямы и сравнивая кочки. Пост постоянный, только солдаты меняются время от времени. Даже дежурство расписали, ночью одни – утром другие. Выходит, сменились недавно и, думаю, тревога до утра не поднимется. Это хорошо. Этот пост мне нужен, и катили мы по дороге именно к нему. Будем брать. Надеюсь обойтись без стрельбы, мне форма целой нужна, но на это надежды было совсем мало.

Всё же даже ночью движение на трассе не прекратилось, хотя и заметно снизилось. Пока мы катили по дороге, изредка сворачивая на обочины, чтобы под колёса не попасть, пять раз мимо проскакивали разные авто. Редко одиночки, хотя и такие были, обычно по две-три машины. Сам я, лёжа в сене, в свободное время расспрашивал бойцов. Во всех подробностях выяснял, что они видели на посту, что приметили, сколько солдат, как размещаются, как ведут себя, когда останавливают транспорт. Парни, особенно один, оказались сметливые, многое приметили. Днём на посту три-четыре солдата при унтере или фельдфебеле, офицеров никогда не бывает. Ночью уже больше солдат, пять-семь, по-разному бывает. Пост не стационарный, то есть на обочине палатка стоит, и пулемётное гнездо, вырыли и обложили дёрном настоящую позицию. При пулемёте всегда кто-нибудь находится. Бывает, что рядом с постом мотоцикл стоит, ночью и грузовик может быть. Тут не точно, бойцы лишь дважды до темноты задерживались, не успевая закончить работу, и их проводили мимо поста, возвращая в село. Бывало и на грузовике довозили, но это редкость, обычно пёхом. Сейчас бойцы работали за постом, как раз у аэродрома, так что удачно всё складывалось. Жаль, но это всё, что они знали, что видели, то и описали. Полицаи не намного больше знали, тоже особо им информации не давали. Выяснили только, что комендатура в селе всё же есть. Дали информацию, кто начальник, кто полициями руководит, где живёт и какие

привычки имеет. Ну, и немного по окрестностям пробежались. Даже слухи интересовали. Полицаи про пост знали, про брошенный аэродром тоже, но добавили, что у немцев неподалеку есть свой, там транспортные стоят. Надо будет самому глянуть.

Взять пост нахрапом вряд ли удастся без потерь, а для меня даже потеря одного бойца тяжёлая утрата, неприемлемо, планы были на всех, и терять их я категорически не хотел, значит нужно сделать так, чтобы пост можно было взять без сучка без задоринки. Втихую. План, как это сделать, я уже разработал. Описав бойцам действия каждого, взял того сметливого бойца, он, кстати, из разведбата, и мы за триста метров до поста, спрыгнув на дорогу, стали уходить в поле, сильно пригибаясь при этом. Дальше уже поползли по-пластунски. Наша задача – взять пулемётчика, это и будет сигналом убирать остальных немцев. Подкрасться было сложно, пулемётчик, а каска блестела в гнезде, услышал бы, но повезло, мы дождались, когда мимо проходили два грузовика, которые всё заглушили рёвом своих моторов, это позволило нам совершить бросок и обрушиться на солдата. Я хорошо его прикладом по шее приложил, причём так, что, похоже, нагло. Убил. Приказав бойцу снимать с немца всё, даже исподнее, проверил, как стоит на сошках пулемёт, и осмотрелся. Сколько человек в палатке, не видно, на дороге у костерка сидело трое, ещё двое вышли к дороге, как раз к ним приближалась телега с «полицаями». Встречали. Выходит, шестеро. Старшим был унтер, он и вышел с напарником на дорогу. Палатка меня беспокоила, если там есть хоть один немец, он нам всю обедню испортит.

Боец уже вооружился «парабеллумом» пулемётчика, почему-то никакого другого оружия у того не было, и мы, выскочив из окопа, оказались у поста, держа оружие наготове.

– Руки вверх! – по-немецки крикнул я фельджандармам, держа их на прицеле ППД.

На прицел я взял тех троих у костра, а боец и присоединившиеся к ним подложные полицаи – двух на дороге. Ещё двое, соскочив с телеги, рванули к палатке. Я даже с облегчением выдохнул, пуста была. Пока бойцы быстро раздевали немцев, я осматривал трофеи и вёл допрос унтера. Приказы, что делать дальше, раздавать не нужно, я это успел сделать, ещё пока на телеге ехали. Командовал бойцами один из командиров, тот самый сержант-танкист, его напарник был рядом. Когда я их опрашивал, выяснилось, что оба из одного экипажа, сержант – командир танка, его боец, красноармеец, механик-водитель. Танк их был разбит во время бомбёжки, когда те проводили заправку, заряжающего убило, чуть позже

оба попали в плен, когда пешком отходили к своим. Обычная история. А служили и воевали они на БТ-7. В двух боях им удалось поучаствовать, включая крупнейшее танковое сражение за начальный период войны, где они чудом выжили.

Так вот, бойцы, раздев и связав солдат, оттащили их обнажёнными за пост, чтобы даже фарами не осветить. За постом была низина, и там имелось озеро, воду для поста там брали. Пока бойцы мылись в озере, смывая пот и грязь, некоторые успели и форму свою красноармейскую постирать, и сразу подбирали трофейную форму по фигуре, для троих смогли найти, но главное, и для меня нашлась. Жаль, унтера не подходила, но одного из рядовых вполне, как под меня шили, мне эту форму и принесли, вместе с документами и оружием, так что я быстро переоделся, а мою форму майора РККА и ППД отнесли и спрятали пока в телегу. Её чуть позже планировали отогнать в сторону и бросить. Пленных охранял один из бойцов, трое, что успели полностью переодеться, продолжали изображать пост, готовили похлебку на костре, в котелке уже булькало, остальные осваивали трофеи, включая продовольствие. Оно в палатке хранилось. Есть-то всем хотелось. Сам я, после того как переоделся, продолжал допрос унтера и многих солдат с захваченного поста. Интересных сведений те выдали немало, два часа с перерывом прошли не зря.

Перерывы тоже были нужны, хоть и редко, но ходили машины ночью. Для начала мы прихватили посыльного-одиночку. Остановили, взяли на прицел, также разоружили, сняли форму, карабин, а тело пока положили на берегу. Мотоцикл откатили. На посту техники не было, приходилось брать с дороги. Потом было два порожних грузовика одной из дальних комендатур, за продовольствием ехали. Причём на наши бывшие и захваченные корпусные армейские склады. Лучше бы возвращались, толку было бы больше. Всех солдат сразу прирезали, погрузили в кузов грузовика, и два бойца, Фёдор, тот самый красноармеец механик-водитель, сел за руль, а второй в кузов. Они отправились к селу. Там помигают фарами в сторону леса, такова была договорённость с Бабочкиным, ну и пока группа к ним выдвигается, избавятся от тел. Сбросят с моста в реку. Охраны там не было, никто не помешает. Пока бойцы катились, к нашему посту, ревя мотором, подкатил танк «тройка», светя одной-единственной фарой. Мы его остановили, экипаж перегонял машину после серьёзного, капитального ремонта в свою часть. Что с танком сделали, я у командира узнал, по ходовой поработали, двигатель сменили, пушку тоже, она в последнем бою пробита была, радиостанцию новую поставили. В общем,

капитально так восстановили. Экипаж был уничтожен, комбинезоны, наушники и оружие с документами мы также сняли. Сержанта Васютина, того командира танка, я сразу назначал наводчиком в танк, пусть пока осваивается. Тот натянул подходящий по размеру комбинезон, ботинки на шнурковке, поправил наушники на голове и теперь изучал конструкцию пушки. Фёдор станет механиком-водителем, когда вернётся. Один из бойцов, артиллерист в прошлом, станет заряжающим. Ещё одного за пулемёт, наверное, Бабочкина посажу, и экипаж будет полностью укомплектован. А пока бойцы отвезли тела подальше от поста на второй трофейной машине, я сам отогнал танк к стоянке.

Когда обе машины вернулись, то был готов уже полноценный горячий ужин. Посуды, понятно, на всех не хватало, но в две очереди вполне нормально и сытно поужинали. Правда, снова всё съели. Голодные. После этого я свернул пост. Ночь короткая, а планы велики. Дальше двинулись колонной – впереди разведчик, наш старшина на мотоцикле-одиночке, он один умел им управлять, да и форма унтера ему отлично подошла, следом двигался мой танк, Фёдор после моих подсказок быстро освоился с управлением, за нами два грузовика с освобождёнными бойцами. Половина уже была переодета под немцев, остальным было приказано не отсвечивать, машины крытые. Кстати, среди бойцов аж четверо могли управлять машинами и даже имели удостоверение шофёра. Не сохранили, но главное, водители у меня теперь есть. Вон, ещё двое в запасе. А одну из мин я установил на посту, отлично замаскировал, утром приедет смена, а когда подойдут к тому месту, где палатка стояла, то на метр из земли вылетит заряд и взорвётся, создавая большой разлёт поражающих элементов. Не зря эта мина «лягушкой» зовётся. Должно кого-нибудь зацепить. Больше одной ставить нет смысла, отведут солдат и сапёры поработают, снимут, а мины мне ещё пригодятся.

За остаток ночи, преодолев около шестидесяти километров, мы добрались до места. При этом по пути остановив ещё две машины. Но их сожгли, слив предварительно топливо, зато теперь почти для всех бойцов была трофейная форма, не всем по размеру, но главное, хватало. А двигались мы к одному аэродрому подскока, где, согласно сведениям, полученным от унтера с поста, находилась авиа часть люфтваффе. Небольшая, на то это и аэродром подскока. Именно эта часть меня интересовала. Когда мы подкатили к аэродрому, при рассветной хмаре, то для лётчиков, их охраны и зенитчиков стало неожиданностью, когда я, выглядывая из командирского люка танка, в форме офицера-танкиста, предъявил знак, бляху сотрудника СД, и сообщил, что на аэродроме

проводится спецоперация, мы ловим шпиона. Даже белая кость, летчики, не сопротивлялись и не возражали. Поэтому-то сопротивления охрана и не оказала, и от двух автоматических зениток себя отвести дала, и из палаток позволила вывести сонных без оружия, а когда их построили в шеренгу, те вдруг взвыли. Для двух бойцов формы не хватило, те и вылезли из кузовов. Да и остальные лицами небритые были, как окруженыцы, что подозрительно. Почти семь десятков немцев бросились было к нам или к стойкам с оружием, но куда там. Два танковых пулемёта и тот, что с поста, установленный в кузове одного из грузовиков, просто покрошили их. Да и остальные из автоматов били и карабинов. Жалости не было, тут или мы их, или они нас, да и не звал их никто на нашу землю. После этого бойцы прошлись и добили штыками выживших.

Дальше, пока шла погрузка в грузовики, бойцы запачкаться не опасались, эта форма своё сыграла. Теперь переоденутся в форму люфтваффе, я же, отдав приказы, командиры следили за выполнением, повернулся к двум офицерам – старшему технику и радиисту, их заранее отвели от общей шеренги в сторону, и они не пострадали. Нужны были. Пока бойцы вывозили тела подальше и сбрасывали в овраге и закидывали ветками километрах в восьми от нашего теперь аэродрома, я занимался допросом немцев. Дальше тут командовал старшина, выполняя мои поручения. Для начала он всем организовал помывку и бритьё, потом распределял по постам. Среди бойцов было одиннадцать из стрелковых частей, один профессиональный пулемётчик, они и понесут службу по охране, их переодевали, кого спать отправляли, кого на часы. Бабочкин занят был, следил, чтобы бойцы правильно трофейную форму носили, чтобы всё по уставу висело. Кстати, среди бойцов нашёлся тот, кто уверенно мог работать с машинкой для стрижки, среди трофеев не только её обнаружили, но и зеркало полметра на полметра, расчёску и ножницы. В общем, он стал подгонять причёски бойцов под идеал, как у немцев. Мне тоже нужно пройти через его руки, зарос уже, привлекаю внимание.

А так освоение трофеев продолжалось. Двое бойцов к зениткам встали, управлять не умели, для вида. После вывоза всех тел, прибравшись, обе трофейные машины отогнали и утопили в реке, вернувшись на мотоцикле. Следы зачищали. В машине оставили испачканную в крови трофейную форму. Я только танк и мотоцикл-одиночку оставил, хотя те и приписаны к другим частям. Танк велел закопать, сначала вырыть капонир, чтобы тот подъезды под прицелом пушки держал, и загнать в него. А так будем использовать технику люфтваффе, форму и документы. Мы растворились в наступавших войсках вермахта, и такое отличное

прикрытие, на мой взгляд, даст нам спокойно поработать. Тут главное лётчиков найти и техников.

Бойцы и командиры, несмотря на сильную усталость, продолжали устраиваться на аэродроме. Таков мой приказ. Информация, что аэродром теперь немцам не принадлежит, не должна уйти на сторону, мы будем выполнять приказы, поступающие по радио, для того я радиста в живых и оставил, хоть и по-своему, а делать будем свои дела. Так, маскируясь под часть люфтваффе, станем наносить отсюда удары по тылам противника. Планы у меня огромные. Нужны только лётчики и технари, у меня их не было. Краюшкин уже успел оббежать стоянку и сообщил, что захвачено две двуствольные малокалиберные автоматические зенитки, они установлены в гнёздах на разных концах лагеря, обложенных мешками, есть ещё пулемётная позиция, там уже часовой службу несёт. Кроме шести палаток для охраны, лётного и технического персонала, имелась авто- и мототехника, один бензовоз, грузовик «опель», рядом с которым стояла походная армейская кухня, два мотоцикла. Это всё, что-то маловато. Из авиатехники, под маскировочными сетями четыре «мессера» укрыто. Тут дислоцировалось две пары охотников, и ещё связной «шторх», вот с ним свезло, удачно, что он тут оказался. Я уже уточнил у офицеров, его перегнали к ним пару дней назад, вписав в штат. То есть придали ещё одну единицу. Использовали этот самолёт по заявкам в поисках групп окруженцев.

Бабочкина из экипажа я уже забрал, он мой был в одной из палаток обустраивал, замещал Лосева, а подумав, так и назначил сержанта Васютина командиром. Пока из трёх человек, механика-водителя, командира и заряжающего, потом ещё найду людей. Приказа сразу копать капонир я неставил, так что, кроме трёх часовных, все бойцы спали, бодрствовали я, старшина, ну и немцы, с которыми я продолжал общаться. Их связанными держали в одной из палаток. Я уже уточнил у радиста расписание связи, изучал книгу радиопередач. Вызов в пять минут каждого нечётного часа. Позывной этого подразделения у меня был, так что, вызвав одного из часовых, приказал сидеть за радиостанцией, заставил запомнить определённый набор фраз, что может прозвучать в наушниках. Если они будут, то будить меня. Сам буквально вырубился, тут же на койке в палатке радиста. Старшина на соседней устроился, а пленные под присмотром бойца в центре сидели. Я приказал бойцу держаться и, несмотря на усталость, глаз с немцев не спускать, не хватало ещё, чтобы тот заснул и они, развязавшись, нас сонных удавили, как котят. Через три часа его сменят, тогда уж высится вволю. А опаски посадить батареи не было, в

лагере был бензогенератор, сейчас заглушенный, и зарядное устройство. Подзарядим.

Разбудил меня боец через три часа, судя по наручным часам. Мало, но хоть столько перехватить успел. Надеюсь, следующая ночь уже пройдёт с полноценным сном.

— Товарищ майор, немцы вызывают.

Почти сразу вскочив, я за шкирку подтащил немецкого радиста, и прислушиваясь, о чём говорятзывающие немцы, приказал радиисту отвечать. Те знали его голос. Оказалось, в сорока километрах от нас находилась достаточно крупная группа окружёнцев, в сотню человек. Приказывали обнаружить её сверху и навести один из охранных полков, что занимался зачисткой тылов. Подтвердив получение приказа, я вернул радиста на место и объявил общую побудку, ну кроме трёх бойцов, что всё это время стояли на часах, эти спать отправились. Пока немецкий техник под присмотром старшины готовил «шторьх» к вылету, а двое бойцов заливали в три пустые канистры бензин из топливозаправщика, я отдавал приказы. Вырыть общими усилиями капонир для танка, замаскировать его, потом за палатками на опушке выкопать глубокую яму в шесть метров, с решёткой наверху, связав из нарубленных ветвей. Это будет зиндан, где мы будем держать пленных. Ну, и лестницу сделать из тех же ветвей и верёвок, чтобы спускать их и поднимать. Хотя можно и верёвкой с петлёй обойтись. За старшего оставил Васютина, пусть следит за выполнением приказов, так как мы со старшиной улетали. У нас свои планы. Также успел часть командиров назначить на должности, расписав их обязанности, водителей по машинам и мотоциклам. Бойцы шли в основном в охрану, вот должность ротного старшины никому не отдал. Эта работа Лосева дожидалась. Поэтому как мы к нему и полетим. За рацией сидел другой боец, слушая эфир, всё в порядке было.

Пленного, после подготовки самолёта к вылету, вернули к остальным, а мы, загрузившись со старшиной, полетели к тому месту, где кто-то видел окружёнцев. За штурвалом я сидел, тот наблюдателем был, у авиационного пулемёта. А окружёнцев действительно нашли, несмотря на все попытки укрыться — и стреляли ведь по нам. Однако мы ушли в сторону и полетели к лесу и поляне, где остался ординарец и Р-5. Добрались нормально и совершили посадку. Опять скозлил. Лосев, выходя из-за дерева с пулемётом наперевес, явно испытал немалое облечение, когда опознал меня, хотя я был в лётном трофеином комбинезоне и наушниках, но опознал. Дальше, отдав распоряжения, я почти сразу улетел на «шторьхе». Ничего, справный

самолётик, а опыт дело наживное, а старшина, заправив разведчик и загрузив всё наше имущество, должен был прилететь с Лосевым чуть позже. Также днём. Вот я никак задерживаться не мог, среди подчинённых я один владел немецким языком, кто-то же должен контролировать радиостанцию, если будет ещё связь.

Вернулся нормально, как и совершил посадку. В этот раз вполне благополучно. Пока бойцы, оторвавшись от земных работ, закатывали разведчика в укрытие и маскировали его, я уточнил, как дела, что произошло за время моего отсутствия, всё же больше часа прошло. Доклады шли друг за другом. Боец у рации сообщил, что наш позывной однажды звучал в эфире, но мы не отвечали, такое бывает, радиостанция, например, отсутствует у радиостанции, также сообщили, что земляные работы не закончены, в самом разгаре, ну и что по припасам. Продовольствия на месяц, нас-то меньше, чем немцев было, в ящиках и мешках под навесом складировано рядом с кухней. Васютин приказал выдать сухпай всем бойцам и командирам, я его приказ одобрил, когда ещё Лосев прилетит и кухней займётся. Чуть дальше штабеля с патронами и снарядами для истребителей, там же штабеля бомб. Держатели у «мессеров» были, бомб около полутора тысяч. Солидно запаслись, нам тоже пригодятся.

Выдернув радиостанцию, я составил сообщение, и тот, вызвав штаб штафеля, к которому они относились, передал данные с разведчика. Понятное дело, не точные. Хорошо ещё, «шторых» радиостанцией не был оснащён, доклад проходил только после возвращения. В общем, сообщил, что окруженцы идут в другую сторону, не ту, что в действительности, а также сообщил, что в совершенно пустых местах видел ещё окруженцев, мол, пилота там обстреляли. Пусть ищут, силы и ресурсы тратят. Также радиостанция получила свежую метеосводку, для того его и вызывали в прошлый раз. Только после этого я вернул его на место и, проследив, как идут дела, стал готовиться к рейду. А вот метеосводка не понравилась, тучи идут, низкая облачность, и возможны дожди. К ночи можно ждать.

Для начала я посидел на стуле, пока боец щёлкал ножницами и работал машинкой, но причёска полностью теперь соответствовала уставу вермахта. Сходил окунулся в пруд, недалеко речушка в него впадала, позавтракал и побрился, а то щетина уже появилась. Переоделся в форму фельдшандарма – того же рядового, но один из бойцов перешел на неё знаки различия унтера, я придирчиво проверил работу, нормально сделано, документы того я тоже забрал, после чего, проследив, как трое бойцов переоденутся под фельдшандармов, и, устроившись в «копеле», мы

покинули аэродром. Бабочкина я взял, он отлично работал и знал, что делать. Перед отъездом я отдал некоторые распоряжения. Когда старшина вернётся, Лосеву приказ готовить обед на сто человек, а старшине – пусть снимет сбрасыватели с одного из «мессеров» и поставит на Р-5. Для ускорения работ может привлечь немца. Будем по ночам с обоих разведчиков работать, а на «шторыхе» такие сбрасыватели уже стояли, две пятидесятикилограммовых бомбы тот мог брать свободно, сбрасывать на немцев немецкие же бомбы. Запас, как я говорил, солидный. У остальных приказы те же, что были поставлены ранее, пусть заканчивают. А работать по ночным бомбардировкам начнём этой же ночью.

Уехали мы порядочно, километров на двадцать. На дверях были эмблемы люфтваффе, пришлось поставить машину так, чтобы один бок было не видно, а на дверь с другой стороны, через открытое окно, перебросили маскировочную накидку, чтобы та закрыла тактический знак. Дорога не пуста была, но задачу я ставить сразу начал, не обращая внимания на проезжающие мимо машины. Выстроил бойцов и сообщил:

– Значит, так. Наш интерес представляют не грузовики или другие немцы, свободно передвигающиеся по этой трассе за моей спиной, а колонны пленных. Мы обогнали одну достаточно крупную, и скоро та подойдёт сюда. Я пообщался со старшим конвоя и выпрошу у него пленных для работ, для чего и приказал подготовить ту коробку с лётным шоколадом и лётными пайками. На взятку пойдёт. Брать будем авиаторов, танкистов и зенитчиков. Ну, и хотя бы пару человек, что знают немецкий. Кто-то же должен заменять меня в палатке радиста, дежуря у радиостанции. Всем всё ясно? Всех пленных, что выдернем из колонны, будем сажать в кузов. Это уже ваша задача. Берём полную машину. Всё, разойдись.

Тщательная проработка любой операции – это половина успеха, как я часто говорил, причём в последнее время замечал, что многие командиры и бойцы стали меня цитировать. Из той же мангруппы. Бойцы знали, что делать, и после того как я закончил толкать речь, разошлись. Водитель, с которым я ехал в кабине, открыв капот, стал делать вид, что копается в нём. Действительно копался, проверяя масло, воду и остальное. Бабочкин и его напарник, они на пару будут работать, стояли у правого борта, коим машина стояла к дороге, и, сунув руки в карманы, с интересом крутили головой, разглядывая туристов из Германии. Я пару раз машины останавливал, один раз был по-настоящему жирный гусь, таких толстых немецких полковников я ещё не видел. Но пришлось отпустить, вернув документы и козырнув. Наконец, появилась колонна военнопленных, что-то

она задержалась, ещё с полчаса тому назад должна была появиться, видимо остановка была. Мы подготовились.

Когда голова колонны почти дошла до передка нашего грузовика, я поднял руку, приказывая остановиться. Конвойные опытные оказались, они тут же стали сгонять пленных с дороги на обочину, чтобы не мешать движению, а ко мне спешил солдат в таком же звании, как и я. Причём техники у конвойных не было, пешком топали рядом с пленными, двое в поту тащили на горбу МГ, у десятка были автоматы, остальные вооружены карабинами. Два взвода охраны на где-то пять сотен военнопленных, немало. Почему офицера нет? В принципе, если бы был, мы бы эту колонну и не тормозили. Я специально смотрел, когда мы обогнали их, есть тут офицер или нет, даже фельдфебеля не было, обычный унтер командовал.

Подбежав, тот козырнул, представившись, после чего достал из планшетки приказ на сопровождение пленных до пересыльного пункта такого-то. Изучая документы, я услышал вопрос старшего конвоя:

– Что-то случилось?

– Нет. Интерес есть. Может, и договоримся.

Мы отошли в сторону, и я у него заинтересовался:

– Слушай, у тебя же не значится, сколько пленных ведёшь?

– Да кто этих свиней считает? Десятка полтора уже пристрелили, пока колонны вели. Раненых и ослабевших.

– Это ты правильно поступаешь, чем меньше тут будет народу, тем больше нам земель достанется, – рассмеявшись, похлопал я его по плечу.

– Так в чём дело?

– Мне пленные нужны. Даже не мне, а гауптману Хаффману. Он тут земли в качестве награды получил, деревенька и молочная ферма в полном порядке. Работников набрал, управляющий уже дело ставит, поставляя молочную продукцию в войска. Но ещё нужно провести некоторые работы и отстроить ему до зимы если не особняк, то крепкий дом. Рабочие руки нужны, человек тридцать, вот меня за ними и послали. Если договоримся, есть чем отблагодарить.

– Вот как? – заинтересовался тот. – Уже интересно.

Я поднял руку и звонко щёлкнул пальцами, что явно вызвало зависть у унтера. Тот, видимо, так не умел. Ожидавший этого сигнала водитель подбежал и, угодливо изогнувшись, подал коробку с шоколадом и лётными пайками. Сверху было две бутылки коньяка. Унтер махнул рукой, и двое подскочивших конвойных забрали плату, а тот шикарным жестом указал на угрюмую толпу пленных, мол, выбирай. Заложив руки за спину, я не спеша стал обходить колонну со стороны поля. По дороге шла крупная

автоколонна, и пыль долетала даже до нас. Оба моих бойца, Бабочкин и его напарник, зная, что делать, подбежали и стали сопровождать меня чуть сзади, держа автоматы на уровне груди и злобно стреляя туда-сюда глазами. Приметив старшину с голубыми петлицами, я подошёл и, сильно коверкая слова, поинтересовался:

– Ти есть кто? Лётчик?

Тот угрюмо исподлобья посмотрел на меня, затравленно осмотрелся и пробурчал:

– Механик я.

– Самолёты лечить? О, то есть чинить?

– Да.

– Карошо. Ты будешь немного работать. В машину.

Обернувшись, я указал своим бойцам на механика, но тут заметил, что совсем молоденький парнишка, тоже с голубыми петлицами красноармейца, с отчаяньем посмотрел в спину механику. Видимо, они вместе. Ладно, его я тоже приказал забрать. Потом отошел от колонны и, пока ждал бойцов, что отводили первых отобранных в мой отряд людей, громко обратился к пленным, но уже на немецком языке:

– Есть тут, кто знает немецкий язык? Кто согласится, будет работать, не будет убивать своих и будет хорошо питаться.

Вышло даже четверо, я аж удивился. Такие же угрюмые, но всё же решили рискнуть. Опрашивая их, одного я завернул сразу, у пленного в глазах светилась радость, тот пленом был доволен, потом ещё одного завернул, такому спину не доверишь, не понравился он мне, а вот двое других подошли. Один до войны был учителем немецкого языка, второй жил с немцами и научился, в армии стал штатным переводчиком в штабе полка, я их тоже в машину отправил. Дальше я действовал быстро. Ещё когда искал переводчиков и общался с ними, приметил двух молоденьких сержантов с теми же голубыми петлицами и крыльышками ВВС. Опросил, оба недавно из училища, летали на «мигах». Забрал. Потом заметил группу бойцов, старшим там был старший сержант. Ох, с какой ненавистью тот на меня смотрел! Опросил, зенитчики оказались, восемь человек. Всех забрал, несмотря на то что двое раненые. Потом приметил ещё трёх с голубыми петлицами, вместе они были, старший лейтенант, просто лейтенант и старший сержант.

– Лётчик? – старательно выговаривая, спросил я.

– Штурман эскадрильи, – хмуро ответил тот, не глядя на меня, уставился в землю.

– Ти есть кто? – спросил я у лейтенанта.

Оказалось, это был экипаж с одного бомбардировщика, СБ, а старший сержант – бортстрелок. Забрал всех троих. Потом ещё шестерых с голубыми петлицами, один лётчик, остальные технический состав. Тут я, изучая пленных, наткнулся на взгляд, полный ненависти. Двое бойцов-танкистов поддерживали капитана, видимо своего командира. Сами в обгорелых комбинезонах и шлемофонах, так и командиру досталось. Правда, повязка была только на голове, да и взгляд у того мутный был, плавал, видимо тяжёлая контузия. Когда я подошёл, оба танкиста запаниковали, но командира не отпустили. Велел своим бойцам конвоировать их к машине, а сам продолжил обход. Унтер, что сопровождал меня, только посмеивался. А когда спросил, зачем мне этот фанатик, пояснил, что гауптман большой любитель охоты, особенно на таких зверей, что вызвало новый взрыв хохота.

Дальше я так и отбирал, узнавал, есть ли пулемётчики, зенитчики, танкисты и лётный персонал. Нашёл ещё двух техников и оружейника. В общем, когда набралось ровно тридцать пленных, как мы и договорились с унтером, тот сказал, что всё, баста. «На сколько получили мы оплату, столько вы и забрали». Так что колонна пошла дальше, а я вернулся к машине. Часть пленных находились в кузове, остальные сидели у заднего открытого борта. Конечно, «опель» машина крупная, но увезти всех, включая двух моих бойцов, я смогу только стоя. Однако они были не в том состоянии, чтобы преодолеть больше двадцати километров, нужна ещё одна машина. Пленные так ни о чём и не подозревали, удивились, что водитель молча, я так приказал, достал канистру с водой и разлил её по кружкам, полностью опустошил, но всех напоил, включая раненых, которые пить хотели больше всех. Они так и считали, что мы немцы, вон, зенитчики, да и танкисты, нехорошо поглядывали. Взгляды такие были... Прикидывали, как бы оружием завладеть, но бойцы близко не подходили, не давали шанса.

– Товарищ майор, одиночный грузовик. Берём? – спросил у меня Бабочкин, кивком указав на пылящий в нашу сторону грузовой «мерседес».

– Крытый, непонятно, есть кто в кузове или нет. Низко сидит, видно, что не пустой. Остановим для проверки документов, там по обстоятельствам.

Пленные замерли в шоке, немцы, на которых те явно готовились напасть – я собирал самых злых, буйных из-за плена, – вдруг заговорили на чистом русском. Правда, несмотря на шок, постарались не выдать своего удивления, переглядывались, но не более. А когда мы остановили машину и проверили кузов – коробки с консервами, да взяли в ножи водителя и

сопровождающего, то сомнений ни у кого из освобождённых мной уже не было, свои.

– Продовольствие, конечно, нужно, всегда пригодится, но пленных всё равно везти не на чем, – осмотрев груз, вздохнул я, отходя от борта.

Бабочкин с напарником прятали тела, пользуясь тем, что дорога пуста, хотя пыль была видна с обеих сторон, утащили их подальше в поле. Трава высокая, со стороны не видно.

– Товарищ майор, – обратился ко мне старший сержант-зенитчик. – Вы скажите, мы дойдём, сил хватит.

– Хм, – задумчиво осмотрел я их. – Стоя сможете доехать? Тут километров двадцать будет.

– Доедем, – за всех ответил тот.

– Отлично. Значит, так, капитана и того раненого в машину с продовольствием, там у заднего борта есть свободное пространство, полусидя поедут, всё легче. Остальные в наш грузовик. Бабочкин ко мне в кабину, а я за руль этой второй машины. Всё, грузимся.

Мы действительно смогли благополучно доехать до аэродрома. Грузовики загнали под деревья, и пока Лосев изучал, что мы добыли, кухня уже дымила, распространяя изумительный аромат борща. Всё продовольствие на аэродроме Лосев уже осмотрел, составил списки, теперь и тут нужно этим заняться. Пленных всех погнали к пруду мыться, даже раненых отнесли, на берегу отмывали. Через полчаса там же построили их всех голыми, и я толкнул речь, а то те в сильном недоумении были, их явно на военный немецкий аэродром привезли:

– Товарищи командиры и бойцы, перед нами стоит трудная боевая задача. Нужно, используя трофейную авиатехнику, нанести максимальный ущерб противнику. Нанося удары в такие уязвимые места, чтобы они быстро не оправились. Вся основная тяжесть ляжет на наших лётчиков. Штурман, не на вас, вы будете вместе со мной планировать операции, отправлять машины в рейды и вести журнал учёта боевых действий нашего отряда. Нужно ещё будет имя ему дать. Работать будем под немцев. Механикам к каждому вылету закрашивать номера на самолётах и наносить новые, приступить немедленно. Наши самолёты должны быть обезличены, чтобы немцы никак не могли понять, откуда наносятся удары, с каких аэродромов. Того, что мы захватили этот аэродром, противник ещё не знает, и нужно постараться, чтобы не узнал в ближайшее время. Лётчики-истребители будут осваивать «мессеры» и наносить бомбово-штурмовые удары, параллельно изучая эти машины. У нас есть два лёгких бомбардировщика, они будут работать только ночью. Задание всем дадим,

бомб, топлива и боезапаса хватает. Я планирую, что мы спокойно сможем работать дня три-четыре, и за эти три дня и три ночи нужно успеть совершить максимально возможное количество самолётовылетов для штурмовки войск противника. Если вы ещё не поняли, то мы организовываем, пусть и временно, первый в мире авиационный партизанский отряд. После того как все ресурсы будут закончены, вас всех воздухом переправят к нашим. Транспортные самолёты для этого добудем. Поэтому техническому персоналу и лётчикам как можно быстрее закончить помывку, подобрать под себя форму, побриться и постричься, вы должны изображать образцовую часть люфтваффе, чтобы немцы как можно дальше ничего не заподозрили. Зенитчикам освоить две зенитки, взяв под охрану аэродром. Для танкистов есть танк с неполным экипажем, трофейная «тройка», остальные войдут в охранный взвод. Всем также привести себя в порядок и переодеться в трофейную форму. Мои бойцы научат, как правильно по уставу вермахта её носить. Обоим переводчикам пройти как можно быстрее в штаб, для получения своего задания. Лётчикам, для получения первого задания, быть в штабной палатке через два часа. После обеда советую сначала посидеть в кабинах истребителей, привыкнуть к непривычному управлению. Если что непонятно из обозначений, вызывайте переводчиков, те переведут, что тот или иной тумблер означает. Времени нет, вылетать нужно уже сегодня. На этом всё, продолжайте помывку. Разойдись.

Сейчас освобождённые пленные были в куда большем шоке, чем когда узнали, что их освободили и мы переодетые свои. Но разойтись бойцы не успели, сидевший на траве капитан, стоять ему сил не хватало, заметил:

– Вы, товарищ майор, так и не сказали, кто вы?

– Настоящего звания и фамилии не сообщу, это секретная информация, но я получил известность, воюя в тылу противника под именем майора танковых войск Корнева. Кстати, это реальный майор, только погибший в первый день войны. Его «эмку» расстреляли немецкие диверсанты в Белоруссии. А что касается боевого пути, то моторизованная группа под моим командованием в Белоруссии уничтожила штаб корпуса и фронтовой аэродром противника. Пленила двух немецких генералов, отправив их к нашим с важными сведениями. Это только крупные операции, средних и небольших было куда больше.

– Впечатляет, – серьёзно сказал капитан, пока другие с удивлением обсуждали услышанное. – Но вы ведь понимаете, что такой отряд, какой вы формируете, долго не просуществует?

– Максимальный срок неделя, но я думаю, раньше придётся

сворачиваться. У меня стоит задача нанести максимальные потери противнику, а не терять своих людей. Я ещё планировал наносить одновременно воздушные и танковые удары, уничтожая тыловую инфраструктуру противника, но пока эту идею отложил, недостаточно сил и средств. Будем работать тем, что есть. На этом всё.

Оставив освобождённых и дальше принимать водные процедуры, тут Бабочкин суетился, нужно подобрать каждому форму по размеру, да ещё чтобы званиям примерно соответствовало, хотя последнее не критично, а я направился в штаб. Опросил, как дела у бойца, что сидел за радиостанцией, наши позывные уже дважды звучали, пришлось доставать радиста из зиндана и отправлять запрос. Было два задания, но их уже передали на другие аэродромы подскока, ничего срочного и важного, в общем, можно отдохнуть. Так что я принял доклад от Васютина. Тот доложил, что танк уже в капонире, сам тот замаскирован, зиндан вырыт и используется по назначению, действительно так удобно охранять пленных. Одна из палаток готовится к приёму раненых, медикаменты есть. Обед вот-вот будет готов, Лосеву было выделено два бойца в помощь. На опушке были длинные столы и лавки. Немцы предпочитали принимать пищу с комфортом, посуды на всех тоже хватало, даже с излишком. Охрана несётся как положено, часть бойцов спит, им ночью отдохнуть не придётся, включая старшину. Выполнив мой приказ, тот отсыпался, зная, что ночью у него будет работа. В общем, мои приказы были выполнены.

Дальше, когда бойцы и командиры были переодеты, покормлены и принимали технику и вооружение, зенитчики у своих зениток возились, там старший сержант командовал, лётчики пока изучали самолёты, у меня на «мессеры» было всего три пилота, а на лёгкие бомбардировщики два, старшина Краюшкин и лейтенант Грибоедов, командир СБ. Кстати, его я также отправил в палатку к старшине, пусть высится, ночью ему предстоит много работы.

Когда два сержанта и старлей зашли – все трое были истребителями, найденными мной в той колонне военнопленных, – мы уже со штурманом, старшим лейтенантом Хороводиным сидели в палатке и работали с немецкими картами, где имелось множество обозначений, обсуждали план первых операций. Для начала мы посадили лётчиков изучать карты, хотя те тут и так воевали, ориентиры знали, поэтому я решил сразу приступить к делу.

- Как машины, изучили?
- Изучим, товарищ майор, немецкий техник хорошо помогает разбираться с ручками управления и как бомбы сбрасываются, – за всех

ответил старший над истребителями старший лейтенант Подгорный.

– Отлично, машины уже заправлены, бомбы подвешены, через пятнадцать минут вылет. У каждого своё задание, действовать будете автономно. Никаких ударов по сильно защищённым объектам поручать я не буду. Начнём с вас двоих. Товарищи сержанты, ваша задача – террор на дорогах, как на авто-, так и на железной. Точнее, вам, товарищи сержанты, придётся работать на железной дороге. К станциям даже нос не совать, пусть вы и на трофеях будете. Атакуйте только подвижной состав. Сбрасываете бомбы над паровозом и уходите. Запрещаю делать второй заход. Всегда удар и уход. Нужно вывести паровозный парк из строя на максимально возможное время, чтобы затруднить противнику перевозку грузов и войск. Попали или нет, добивать не нужно, уходите дальше, где о вас ещё не знают. Потому что, оправившись, противник встретит вас огнём, а терять самолёты и пилотов я не хочу. Всегда один удар. Уяснили?

– Да, товарищ майор, – хором ответили те.

– Хорошо, я на вас надеюсь. Так вот. Сбросили бомбы на паровоз, сразу уходите на бреющем и ищите следующий состав, увидели, атакуйте паровоз, старайтесь работать пушками, не трогая пулемёты. Закончился боезапас к пушкам, уходите к автотрассам и штурмуйте грузовики, используя то, что у вас осталось, пулемёты. До наступления темноты один вылет вы успеете сделать. Вам, сержант, ветка от Ровно в сторону границы, а вам соответственно от Ровно в сторону передовой. И ещё, если кто к вам прицепится, сопровождая, ни в коем случае не приводить его к аэродрому, хоть с парашютом прыгайте и пешком возвращайтесь, но выдать нас не должны. Всегда взлетайте и уходите подальше на бреющем, так же возвращайтесь. Я поэтому и попросил внимательно изучить карты, чтобы не запутались. Всё, свободны, готовьтесь к вылету, получите лётные комбинезоны, наушники и парашюты у ротного старшины Лосева.

Сержанты ушли, а я повернулся к старлею и, пододвинув карту, чтобы тот видел, на что я указываю, сообщил:

– Это склад ГСМ танковой группы. Нужно ювелирно положить бомбы, чтобы всё полыхнуло. Уходи на бреющем, там зениток понатыкано, подобраться только на трофее можно. Задание особой сложности и важности, поэтому тебе и поручил. Это основное задание, дальше свободная охота. Автотранспорт, хоть за одиночными грузовиками гоняйся. Кстати, постараитесь подбивать и поджигать пушками такие машины на деревянных мостах, две пользы, и технику, и мост уничтожаем. Шучу, вряд ли такое может получиться. Поглядывай, если есть бензовозы, атакуй обязательно. Ну, не мне тебя учить, для того свободная охота и называется

свободной, чтобы лётчик сам выбирал, что атаковать. К крупным объектам тоже не суйся, ну и, как я приказал сержантам, возвращайся на бреющем. Если стемнеет, мы фарами грузовиков подсветим.

– Разрешите с картами поработать.

– Давай, – согласился я.

Однако старлей ёщё не закончил, он осмотрел карту и указал на два фронтовых немецких аэродрома:

– Товарищ майор, а почему по аэродрому мне не ударить? Пока спохватятся, успею пару-тройку самолётов сжечь. А если всем звеном полетим, так и больше.

– Слишком мелкие уколы, немцы не почувствуют. Я проанализировал ситуацию, у них основной грузопоток автотранспортом, и закупорка его может привести к катастрофическим последствиям. А по поводу аэродромов, ну уничтожите, как сказали, пару-тройку самолётов, и что? На немцев вся Европа работает, для них это не потеря. Вот если бы ты мне предложил проштурмовать палатки или казармы с техническим или лётным составом, я бы ёщё подумал. Самолёт можно сделать за неделю, а специалиста сначала растить восемнадцать лет, потом учить ёщё пару, и кто тут важнее, железки, которые без специалистов летать не смогут, или люди?

– Люди, – скрупо улыбнулся тот. – Извините, товарищ майор, с этой стороны мне эту ситуацию не объясняли. У нас считалось важным сбить самолёт или уничтожить технику. Это засчитывалось, а потери немцев в людях – нет, не особо.

– У меня наоборот. Увидишь пешие колонны пехоты, смело атакуй, только похвалю. Да и возвращаясь поглядывай, где в селениях стоят транспортные колонны, вечером возвращаться будешь, уже должны встать на постой. Ночью наши бомбардировщики будут работать по разным объектам, может, и по твоим целям поработают. Сержантам я такого задания ставить не стал, тут повезёт, если вернутся, молодые слишком, опыта мало. Всё, время.

Мы с Хороводиным вышли из палатки и стояли около неё, тот курил трофейные папироски, а я, попивая чай, что принёс Лосев, наблюдал, как по очереди, взметая пыль, поднялись в воздух все три «мессера», к которым имелись пилоты, за этим многие наблюдали, вот шасси скрылись в фюзеляжах, и те, уже разделившись, скрылись с глаз. Посмотрев на старлея, я приподнял бокал, как будто празднуя и собираясь сказать тост, и произнёс:

– Ну что, с почином?

– Возможно, только они ещё не вернулись и не доложились.

– Ничего, дежурный переводчик сидит у рации. Если что будет в эфире, сообщит. Вы пока готовьте вылет дляочных бомбардировщиков, ночь коротка, и если не отправлять далеко, то по три вылета сделать успеют, от этого и отталкивайтесь, два самолёта и по три объекта – значит, вам нужно их подготовить шесть. Возвращаться для повторной бомбёжки запрещаю.

– Но ведь сброс подобных мелких бомб серьёзных потерь не нанесёт, максимум небольшие пожары вызовет.

– А никто и не ставит задачи убить Гитлера. Я напомню, мы должны устроить террор, чтобы нас боялись. Немцы должны бояться ночи, вслушиваясь, не послышится ли звук мотора. Кстати, когда будете ставить задачи лётчикам, посоветуйте им при сближении с целью убирать газ до минимума и планировать к цели. В этом случае бомбёжка произойдёт совершенно неожиданно для противника. Пусть в панике выбегают из домов. Из приличных целей я там видел обозначение ремонтной роты, она занимается восстановлением танков, их там даже две. Одна расположилась в тридцати километрах от нас, другая в семидесяти. Пусть первые удары будут нанесены по ним. Остальные по выбору. Может, и старлей что интересное с задания принесёт... Ночное дежурство выдержите? Весь день потом сможете отсыпаться.

– Не раз приходилось, думаю, выдержу.

– Хорошо, тогда я к себе в палатку, меня поднимать в экстренных случаях, не кантовать, первым выносить при пожаре. Остальным поручения и задания я уже дал. На данный момент вы старший начальник на аэродроме, командуйте, потом я вас сменю.

– Есть, – козырнул тот, бросив руку к виску, и, вспомнив, что у него на голове немецкая офицерская фуражка, смущился.

Штурману подошёл один из офицерских комплектов формы, вот он её и носил, даже несколько щеголевато, кобура из жёлтой кожи с «валтером» на животе, как и положено. Бабочкин хорошо учил новеньких, как носить трофейную форму.

Оставив того в палатке штаба, я прошёл к своей, в соседней скрипел зубами капитан, контузия действительно была тяжёлой, но тот бодрился, тишина, мягкая постель, сытный обед и отдых – это то, что даст ему возможность восстановиться. Не быстро, за пару недель, а может, и дольше, но думаю, сможем поднять того на ноги. Двое других раненых тоже были под присмотром. Хм, новенькие не спрашивали, почему я не освободил остальных, всё понимали. Да, это мой крест, видеть, как

сограждан уводят в плен, когда ничего нельзя сделать, но пришлось пережить. Мне нужны были люди, и я смог их добыть, и сейчас они уже должны наносить удары там, где их не ждут. К этому и готовились. А капитан ещё той язвой оказался, припомнил мне, как я их купил, говоря, что знает теперь свою цену – плитка шоколада.

* * *

Я в шоке. Шестой день с момента начала действий нашего партизанского авиационного отряда имени товарища Сталина, я раз за разом повторяю эти слова. Я действительно в шоке. Ситуация складывалась так, что немцы, замордованные постоянными налётами, просто озверели и половину фронтовой авиации бросили на наши поиски. Верите? Мы тоже в этом участвовали. Не нашли, о чём и доложили в штаб. Тем более на четвёртый день мы перешли только на ночную работу, всё обыскали, но на нас так и не подумали. А мы ещё и усилили свои возможности, когда парни на истребителях вылетали на свободную охоту, то высматривали сверху, есть где брошенные самолёты или нет. Пять таких высмотрели, на вид в порядке. Две «чайки», такой же Р-5, как у нас, и два У-2. В строй ввести смогли все, отбуксировав к нам. Просто съездили днём с механиком на брошенный аэродром и поснимали детали с и так уже разукомплектованных самолётов, восстановили, и те летают. Я больше скажу, мы подали заявку на топливо и отправили две машины на склады, вместе с бензовозом, и бочки на немецком складе выдали, и цистерну доверху залили. А ночью два самолёта разнесли этот склад, пожар второй день потушить не могут.

Всё хорошо, все лётчики работают теперь парами, опытный с новичком, чтобы не запутать в夜里, вот только я понял, что нас практически вычислили. Чуечка сработала, и решил – всё, пора сворачивать лавочку и уходить. И так два лишних дня провоевали. Всё уже было подготовлено, это летуны постоянно на вылетах, а мы с Бабочкиным покатались на мотоцикле по окрестностям. В общем, есть план. Нет, не так, у нас есть ПЛАН. Ага, два килограмма одуряющее пахнущего плана из Колумбии.

Сам я в боевых действиях первого опытного авиационного партизанского отряда имени товарища Сталина не принимал. Да, я его сформировал. Да, осуществлял общее командование, распределяя приоритетные цели для налётов, но основной груз и тяжесть работы несли

на себе технари и лётчики, да старший лейтенант Хороводин, к которому руководство и планирование вылетов в основном и ушло. Я убедился, что это вполне квалифицированный командир, и оставил всё как есть. Если тот в первое время ещё неуверенно работал, все наши действия противоречили докторам, насаждаемым в Красной Армии, но потом освоился и уже так всё настроил и организовал, что работа шла практически постоянно, даже бойцы из охраны во время отдыха в охотку помогали техническому персоналу подготавливать самолёты к вылету, у тех людей мало, и дополнительные руки были просто необходимы. Именно Хороводин всё организовал так, что не успел самолёт приземлиться, как его уже буксировали под деревья, где заправляли топливом, проводили обслуживание, пополняли боекомплект и подвешивали бомбы. Уж через час лётчик, который успел или отдохнуть, или поесть, забирался в кабину и снова шёл на взлёт. Лётчики на «мессерах» до четырёх, а то и до пяти вылетов в день совершали, по ночам меньше, так и ночь куда короче. Да и истребители ночью мы старались не использовать. Теперь и днём редко, да и то для свободной охоты. Пару раз Подгорный пристраивался к строю немецких бомбардировщиков, как бы показывая, что он свой, и чуть не в упор сбивал некоторые. Так на счёт себе записал троих. Правда, я ему запретил такое лихачество, и так в последний раз привёз дырки в корпусе. Раз приказал работать по дорогам, пусть и работает. Тут тоже недолго продлилось, когда немцы, озверев, свою авиацию задействовали для наших поисков. Пришлось свернуть эти вылеты и окончательно переходить наочные вылеты лёгкими бомбардировщиками. А за время работы днём, пока я не запретил дневные вылеты, можно смело засчитать тридцать два повреждённых паровоза, два имели сильные разрушения после прямого попадания бомб, и почти две сотни единиц автотранспорта или уничтожено, или повреждено. Результаты, на мой взгляд, для отряда едва в шестьдесят человек впечатляющие. Однако мне больше всего нравилось моральное состояние немцев – очень низкое.

Так вот, теперь по моим действиям. Я, конечно, в журнале боевых действий в составе отряда числился как командир, Лосев и Бабочкин тоже тут имели должности, но занимались мы параллельной работой. Идею я подал, организовал, а осуществляли её те специалисты, которых к этому готовили. Как я уже говорил, это лётчики и технический персонал. Мы же с Бабочкиным в основном по окрестностям покатались. Тот лес, где была наша временная база и где нас ожидал Лосев, мы посетили не единожды, отогнали туда грузовик с продовольствием и припрятали его. Не грузовик – продовольствие. Всё равно долго не продержимся, или нам из штаба

штафеля прикажут перебазироваться ближе к передовой, которая снова продвинулась вперёд, или вычислят. И то и другое плохо. Вот я и решил подстраховаться, нормально укрыли. К тому же мы работали под ложные посты, одиночные машины перехватывали, если находили в бумагах интересные сведения, то ночью отправляли туда наши бомбардировщики. То есть тоже без дела не сидел, но работал на земле. А тут такая неожиданность, вычислили.

– Ты уверен? – спросил я у дежурного бойца-переводчика, что сидел за рацией.

– Да. Я сперва не понял, а потом, когда глаза у немецкого радиста забегали, сообразил, что тут что-то не так. Из штаба штафеля радист спросил, родила у нашего пленного жена или нет, тот сказал, что родила.

– Ясно. Сворачивайся. Быстро.

– Есть, – козырнул тот.

Выскочив из палатки и быстро отдав приказ на сворачивание аэродрома, благо техники теперь хватало благодаря нашим подвижным постам, даже «ганомаг» теперь был, и ещё один трофейный танк, в этот раз «чех». Бойцы забегали, командиры отдавали приказы, всё чётко и достаточно быстро происходило. Ха, а ещё ворчали на меня, когда я учебные тревоги устраивал, заставляя заниматься сворачиванием, четыре раза это было, но теперь каждый боец и командир знал, что ему делать, поэтому всё быстро и происходило. Я же, подняв офицера из зиндана, мне Бабочкин и ещё один боец помогали, задал ему прямой вопрос, женат радист или нет. Не женат.

– Немцев прикончить, – развернувшись, приказал я Бабочкину и быстрым шагом двинул к формирующейся авто- и бронеколонне.

К грузовикам уже цепляли зенитки. Мы так поработали, что боеприпасов и уж тем более бомб не осталось, снаряды к зениткам были, их погрузили, сейчас палатки убирали, раненых грузили. В общем, всё, что тут было, всё и грузили. Радиста тоже прирезали и сбросили в зиндан, который прикрыли еловой хвоей, и уже через полчаса, после того как я дал приказ, наша колонна покинула бывший аэродром подскока и направилась к трассе. А все четыре «мессера» поднялись в небо, следом за ними обе «чайки» и Р-5. Остальные, «шторых» и один У-2, вспыхнув, догорали на стоянке, чуть позже нас догнали двое бойцов на мотоцикле, те самые поджигатели. Мину и тут я поставил перед отъездом, указав на неё поджигателям, чтобы не подорвались. Жаль, что вычислили нас в полдень, вечером было бы лучше. План, как отправить основную массу народу на Большую землю с моим очередным докладом по боевым действиям, был

давно подготовлен, осуществить его не проблема. Тут в шестидесяти километрах находился транспортный аэродром, захватим и перегоним все транспортники к нашим. И всё равно, что пилот у нас всего один на них. Работая фельджандармом, я смог выдернуть из колонн пленных ещё несколько пилотов, но их всё равно не хватало. Сейчас я был вынужден отправить трофейные и наши самолёты днём, чтобы те перелетели линию фронта. Правда, тут две задачи было, не только самолёты перегнать, но и предупредить, что ночью мы к ним отправим несколько транспортных «юнкерсов», пусть не сожгут с перепугу.

У-2 пришлой ночью серьёзно пострадал и находился в стадии ремонта, пробоины заделывали, баки чинили, но «шторых» я бы перегнал на ту свою поляну с базой. На будущее, постоял бы замаскированный, глядишь, пригодится. Мне понравилось вот так перемещаться воздухом, быстро и фактически незаметно для немцев. Правда, как мне стало известно после допроса пленных, по всей Украине столько постов ВНОС организовали, муха не пролетит, так что всё равно приходилось сворачивать свои действия. Если какой пост что засечёт, то отправляет сообщение в штаб люфтваффе, там проверяют, есть ли плановый пролёт, если нет, высылают ночные истребители, и всё, костёр на земле. Такие случаи были, и, к сожалению, из-за подобной двойкой ситуации советские транспортники, которые отправляли в тыл противника, чтобы совершить выброску десанта или парашютистов, не возвращались обратно. О четырёх подобных случаях мне достоверно известно, ещё два ускользнуло к нашим. Темнотой смогли воспользоваться.

Колонна шла достаточно быстро, впереди я с напарником на мотоцикле с бляхами жандармов в виде сопровождения, потом оба танка и грузовики друг за дружкой, бронетранспортёр замыкал колонну. На всех, кроме танков, эмблемы люфтваффе, под которое мы маскировались. Ближе к вечеру мы были на месте, в трёх километрах встали лагерем, и на грузовике, в сопровождении «ганомага», подъехали ближе. Тут я и описал свой план, пока мы в бинокли рассматривали транспортный аэродром. Пять транспортников насчитали. Тут неподалёку находился штаб абвера, они использовали местные самолёты для выброски своих людей в тыл Красной Армии. Активно использовали. Кстати, похоже, готовится какая-то операция, на аэродроме появились планеры, которые обычно буксировались «юнкерсами». В планерах десантники сидели. Мы два дня назад тут были, изучали все объекты на территории аэродрома. Планеров точно не было.

— Просто взять штурмом? — с некоторым недоумением

поинтересовался Хороводин. Он со своим экипажем оставался тут, именно они поведут за собой остальные транспортники, штурман на всех у нас был один, как ни странно.

– А что странного, – пожал я плечами, когда ко мне все повернулись. – Охрана у аэродрома есть, полный пехотный взвод охранной дивизии, что вполне достаточно для организации постов и патрулей по периметру, а ещё три десятка полицаев. Также тут технический персонал и лётный. Даже истребителей нет, они просто не нужны. Кстати, я там наблюдаю санитарный «шторых», его берём целым. Улетаете вы, а я продолжу диверсионную деятельность.

– А зенитки?

– А что зенитки? Их всего четыре, да и то две тяжёлые, крупнокалиберные. Подгоняем танки и расстреливаем, сначала мелочь, потом по крупным. Это задача «тройки», «ганомаг» и «чех» в это время будут заниматься уничтожением охраны, технического и лётного персонала. У охраны пять пулемётных точек, их нужно ликвидировать, задача как раз для пушки «чеха». Меня больше беспокоит не охрана, а те планеры. Когда готовится операция с высадкой в тылу наших войск? Где сейчас десантники? Если они на аэродроме, то могут в тех зданиях находиться. Проблем с ними мы можем легко огrestи, и танки не помогут. Сожгут к чёрту, их этому учили.

Немцы расположились на бывшем советском военном аэродроме, стащили всю битую технику за территорию, организовав авиаасвалку, отремонтировали здания, в том числе трёхэтажной казармы, штаба и остальных, заканчивали отстраивать новую столовую вместо сгоревшей, развернули два сборных ангаров для своих нужд и спокойно несли службу. То есть было где укрыть десантников, выделив им помещения. Мои слова оказались пророческими, из-за угла казармы строем выбежала рота бойцов в полном советском обмундировании и вооружении, на небольшой площадке они стали заниматься физподготовкой, причём с винтовками за плечами. Тренировками боя на ножах и остальное.

– Сегодня высадка, – сразу сообщил я. – Раньше пригонять их сюда и светить ими смысла нет... А это хорошо, чёрт, да это отлично.

– Не понял, товарищ майор, почему отлично? – поинтересовался капитан Грозный, тот самый танкист, что уже настолько пришёл в себя за последние два дня, что также включился в дело.

Кстати, майор Корнев, личину которого я надел, был непосредственным его командиром, тот сам об этом чуть позже сообщил. Корнев полком командовал, а капитан – одним из танковых батальонов.

Дружили они. При этом сам капитан, постепенно приходя в себя и изучая то, что творил отряд, совершая налёты с воздуха, и как я лично работал под видом поста жандармов, стал горячим сторонником этой тактики и, можно сказать, моим преданным поклонником.

Вот и сейчас вопрос задан был спокойно, тот явно ожидал интересное и неожиданное предложение по выходу из той ситуации, что образовалась с захватом аэродрома в связи с присутствием там немецких диверсантов.

– А потому, капитан, что вылет этой ночью прописан во всех документах, и посты ВНОС не обратят внимания на «юнкера», будучи предупреждёнными о них, и нашим лётчикам не придётся красться на бреющем, чтобы прорваться к своим. Тем более на все самолёты лётчиков у нас нет, придётся задействовать немецких, «уговорив» их, мало ли куда те заведут, сказав, что заблудились. А тут чуть ли не строем полетите, и не рыхнешься, будучи под прицелом. По поводу десантников тоже есть идея. Эти солдаты у нас в тылу столько крови попить могут, а тут вот они. Такой шанс прихлопнуть их разом, упускать нельзя. Я в курсе насчёт того, что у зданий вести танковый бой опасно, закидают гранатами и минами, используя укрытия. Но и на этот счёт у меня есть одна неплохая идея. Помнится, когда мы работали под подвижный немецкий патруль полевой жандармерии, то дважды проезжали сборный пункт советской трофейной военной техники. Так там помимо прочей техники стояло три танка. Химических. Если их заправить, на складах должно быть, то они выжгут все здания, где будут укрываться десантники от огня танкистов, а тех, кто попытается прорваться, добьём из пулемётов. И не придётся бойцов на зачистку зданий посыпать, терять их я не хочу. С такими зубрами им не справиться, просто не та подготовка.

– Хм, интересная идея. Что за модели?

– Два XT-130 и XT-26. На ходу или нет, не знаю, но работы над некоторыми танками там шли. КВ и «тридцатьчетвёрки» нам не дадут, их модернизируют и поставляют в войска. Пусть малыми партиями, но они есть, а вот огнемётные, думаю, уступят на время.

– И что, приедем и попросим?

– Почему же, я ведь не только под патрули работал, «кошки» есть, на телефонные столбы забирались под видом связистов, вели дневник разговоров разных частей, позывной склада вооружения у нас есть, представлюсь офицером штаба охранной дивизии, что тут дислоцируется, с известной фамилией, и попрошу пару огнемётных танков, мол, загнали окружёнцев в болото, а те в старом польском доте спрятались. Не только дадут, но, когда подъедем за ними, ещё заправят топливом и огненной

смесью.

— Голова-а, — с восхищением произнёс капитан, остальные только крякали, когда слышали моё предложение, никаких возражений у них не было.

— Опыт и здоровая наглость, — скромно пояснил я и добавил тише: — Четыре года опыта страшной войны.

Мы ещё немного поработали на месте наблюдения, капитан Грозный зарисовывал месторасположение всех огневых точек, которые мы могли наблюдать, три нам не доступны, но я их ещё в прошлое посещение срисовал, так что внес новые данные, ими были планеры и десантники, и мы вернулись обратно к лагерю. Дальше отобрал парней, в основном танкистов, из тех, что знали эти огнемётные танки. Я не говорю, что воевали на них, хотя бы знали, что и как, все в форме немецких танкистов. Отъехав в сторону от лагеря, Бабочкин надел «кошки» и, забравшись на столб, подключил провод, а я внизу, покрутив ручку аппарата, вызвал на связь склад трофейной советской техники. Представился адъютантом начальника штаба дивизии, сообщив, что будет говорить сам полковник. Голос у того был характерный, с лёгкой хрипотцой и глухотой, я прижал платок к мембране микрофона и стал копировать разговор этого полковника, которого не раз слышал. Дежурный на складе, это был ефрейтор, вызвал начальника склада, тот дождался, когда полковник возьмёт трубку, внимательно выслушал мои приказы от имени полковника и сообщил, что все три огнемётные танка Советов на ходу и он может подготовить машины очень быстро. На что я посоветовал поторопиться, машина с танкистами к ним уже выехала, старший сопровождения унтер Рихтер из роты полевой жандармерии. Документов на танки у того нет, они от бункера едут, времени нет всё оформить, потом оформление пройдёт, задним числом, что начальник склада воспринял с полным пониманием ситуации. А танкистов из госпиталя среди легкораненых набрали.

Дальше, разъединив связь, всё, что надо, сказано, и Бабочкин срезал провода. Не хватало, чтобы те ещё перезвонили. После этого мы с ним сели на мотоцикл, и грузовик с танкистами, которые с интересом наблюдали за моей пантомимой у телеграфного столба, последовал за нами. На складе проблем не возникло. Передача танков, которые урчали у въезда на склад, прошла быстро, местные знали, что мы торопимся, нужно выкурить фанатиков Советов из польского дота. Правда, одна ситуация возникла, местный часовой у ворот у бойца, что осматривал танк, попросил сигаретку, а тот не понял и посмотрел на меня, я коснулся губ, как будто курю, тот кивнул и достал пачку. К счастью, он курил. Часовой взял

папироску, поблагодарил и отошёл. В общем, по два танкиста расположились во всех трёх машинах, тут даже пулемёты стояли и диски набиты были, и последовали за нами обратно к лагерю. Вроде успеваем, до наступления два часа осталось.

При приближении к лагерю – с виду тот обычный бивуак одного из подразделений люфтваффе, на что указывают эмблемы на технике и форма – я прибавил ходу и стал удаляться от колонны, которую сопровождал. Прибыв в лагерь, я махнул рукой, давая сигнал к выдвижению. Пора начинать операцию, и так мало времени. В открытых люках всех советских танков сидели бойцы в форме немецких танкистов и с наушниками на головах, чтобы было видно, что перегоняют трофейную технику. Они перебрались в голову колонны, и под командованием Грозного – это была первая его операция в нашем отряде – двинули вперёд. Остальная колонна, не доходя до аэродрома около километра, встала. Сейчас работали танки, которых мы с Бабочкиным для виду сопровождали, двигаясь впереди на мотоцикле. Хорошо начищенные бляхи блестели на заходившем солнце. Десантников на площадке, которую те сделали тренировочной, уже не было, они находились в местной столовой, ужинали. Прошлая сожжена была, а в новой ещё шли работы, топоры стучали, поэтому, пользуясь тёплой погодой, столовую организовали на свежем воздухе, длинные столы под навесами.

Когда ухнул первый выстрел «тройки» и мешки позиции одной из зениток мелкокалиберных автоматических пушек разлетелись от попадания осколочного снаряда, все замерли, но тут заработали пулемёты, как на танках, так и на нашем мотоцикле, встали мы очень удачно, и Бабочкин короткими очередями прореживал десантников, которые, уже перевернув один стол и раскидывая лавки, ломанулись к ближайшему зданию, где было укрытие. От ворот и дороги до этой столовой было не больше двухсот метров, для пулемётов дальность просто отличная. В такую крупную групповую цель грех было не пострелять, и стреляли, добежали не многие, но некоторые все же добежали. Те, что поопытнее и умнее, залегли у столов и оттуда по-пластунски уходили в разные стороны, ища укрытие. «Тройка» бахала выстрел за выстрелом, разнося зенитки и подавляя пулемётные гнёзда. Зabora у аэродрома не было, три уже расстрелянные вышки с часовыми, так что, проехав на территорию аэродрома, танки стали расползаться, кому что делать, все знали. Огнемётные, под прикрытием «ганомага», шли к зданиям, отсекая немцев от самолётной стоянки и пуская огненные струи в окна, оттуда огненными комками выпрыгивали немцы, жуткие крики стояли, они даже заглушали рёв танковых двигателей. В

десантниках я, к сожалению, всё же не ошибся, те умудрились подбить и поджечь один из огнемётных танков, из экипажа никто не спасся. Но за ребят тут же поквитались, сожгли немецких храбрецов. Сам я сидел у опоры одной из вышек и делал со стороны снимки боя. Старался покачественней снимки делать, как струи в здание попадали, как наш танк полыхал, как «чех» крутился в стороне со сбитой гусеницей. В общем, кадров хватало. За полчаса оборона была полностью подавлена, и началась зачистка. Когда подошла основная колонна, я сделал пару снимков и её тоже. Фотоаппарат трофейный, у немцев их, кстати, хватало, надо будет ещё затрофеить.

Среди пленных, а их хватало, это десантники и полицаи сопротивлялись, понимая, что их в плен брать мы не будем, и не брали, даже раненых добили, а остальных чего не брать, особенно технарей и летунов. Нам пилоты нужны. Когда колонна подошла, сразу стали готовить самолёты к вылету. Тут ещё оказалось, что на одном из складов содержали почти пять десятков наших пленных, их использовали на ремонте полосы, пострадавшей после недавнихочных бомбёжек, а мест на всех в самолётах не хватает, тем более один транспортник серьёзно пострадал во время боя, да и остальных продолжали осматривать.

– Планеры, – спокойно напомнил я, когда Хороводин обратился ко мне с этой проблемой. Своих тоже бросать не хотелось, а я уже заимел репутацию командира, способного решить любую проблему.

Штурман громко хлопнул себя по лбу и убежал, сейчас планеры будут цеплять. Время для этого ещё было, из допроса пленных стало ясно, что пролёт их группы транспортников с буксируемыми планерами запланирован на одиннадцать ночи. Теперь места для всех хватало. Ну, а капитан Грозный сам сел за рычаги «тройки» и стал давить одну машину колонны за другой. Ничего оставлять немцам мы не собирались, даже кухню подавили. Горели «чех» и «ганомаг», единственno, кто не пострадал, это «шторых», Лосев и Бабочкин грузили в него наши вещи и оружие. Даже повреждённый «юнкерс» подавил, потом, отогнав танк, когда все моторы транспортников уже гудели, поджёг его, и я на мотоцикле подвёз Грозного к нужному самолёту. Всё уже было сказано, все материалы и рапорты переданы, даже свой фотоаппарат отдал с запасом плёнки. Не всю использовать успел.

Когда гул самолётных моторов начал стихать, я посмотрел на бойцов, они держали под стволами автоматов пленных, и, расстреляв из своего мотоцикла, махнули рукой. Наш санитарный самолёт уже был готов, мотор прогрели, вытащен на полосу, сядись и взлетай, винт крутился, незаметный

взгляду. Так что, устроившись в салоне, я стал разгоняться. Самолёт после долгого разгона, с некоторым трудом, но всё же смог оторваться от полосы, похоже, мы серьёзно перегружены, вот ведь барахла скопили, а ещё трое нас. Ладно, главное, летим. Удалившись от аэродрома подальше, мы сделали полукруг и полетели к нашей базе. Той самой, на поляне, которую мы уже использовали для стоянки. Долетели нормально, я даже не заблудился, несмотря на темень, и приземлились тоже благополучно. Ну, а когда замаскировали самолёт да ветками прикрыли, то, устроившись в палатке – говорю же, барахла хватает, – спокойно легли спать. Причём Лосев улёгся в салоне самолёта, там, где раньше носилки были, как кровать, а мы с Бабочкиным в палатке. Она двухместная. Вот так и закончилась эта краткая, но яркая, как восходящая звезда, эпопея с идеей авиационного партизанского отряда. Всполошили немцев до такой степени, что они сначала стреляют по всему, что к ним подлетает, не важно, звёзды или кресты там, а потом разбираются, свой это или нет. А мне понравилось, удачный опыт, о чём написал в своей докладной записке на имя маршала Шапошникова, разбирая все плюсы и минусы таких отрядов. Надеюсь, она до него дойдёт. Да хотя бы один Р-5 в любом партизанском отряде, с запасом бомб и топлива, может навести такого шороху, что просто держись. Это всё, с методиками применения, ставя в пример мой опытный отряд, я также расписал. При отступлении можно же закладки оставлять, и потом их использовать, когда у немцев там будет глубокий тыл. Доразмыслить я не успел, и десяти минут не прошло, как уснул.

Утром нас поднял Лосев, который уже готовил завтрак. Позорище, спать легли без часовых. Хорошо ещё, никто не наткнулся на нашу стоянку. Я не имею в виду, что тут шастают кто ни попадя каждую минуту, вполне возможно, на этой поляне люди не появляются годами, но всё же инстинкт самосохранения должен работать. А тут приземлились, усталые, кое-как организовали лагерь и завалились спать, как будто никакой войны вокруг нет. Я, конечно, собирался отдохнуть, но не до такой степени расслабухи.

Когда мы позавтракали, сытно было, спасибо старшине, Лосеву я через штаб нашего авиационного отряда провёл приказ о присвоении ему звания старшины, с назначением на должность ротного старшины отряда, проще говоря интенданта. Да он у нас и по хозяйству был, да и поваром тоже, и ничего, вполнеправлялся. После того как я зачитал приказ перед строем бойцов и командиров, это было на второй день активной работы нашего отряда, мы вручили ему треугольники. Я коробку нашёл с новенькими кубарями и треугольниками в кабине водителя одного из немецких

грузовиков, вот и Лосеву выдал, так что тот теперь сверкал старшинской «пилой». А вот Бабочкину присвоил звание младшего сержанта, также приказом по отряду, за боевые заслуги. Тот командиром разведотделения числился. Обоим выдал листки, где зафиксированы эти приказы, за моей подписью и моих заместителей, Хороводина и Грозного.

Так вот, когда мы закончили завтракать, Бабочкин, вытерев платком ложку и убирая её за голенище сапога, поинтересовался:

– Командир, какие у нас планы? Снова что-то интересное?

– Хозяйственно-бытовые. Отдыхать будем. Даю неделю.

– Почему? – хором удивились мои бойцы, явно недоумевая из-за такого моего решения.

– Есть причины, бойцы, есть. Воюя на фронте, бойцы под постоянными обстрелами и бомбардировками быстро устают, в основном в моральном плане, чувства притупляются, страх тоже. Где надо, не упал на землю при свисте мины, или не пригнулся, и погиб. Всё усталость действует. Бойцам нужен отдых. Немцы свои передовые части меняют каждые две недели. У нашей армии такого нет. Я стал замечать в себе, что за непрерывными боями последних дней тоже стал чувствовать усталость, туплю немного. Думаю, отдых поможет не только мне, но и вам прийти в себя, и дальше со свежими силами будем делать жизнь немцам не такой комфортной, как они привыкли. Так что всю трофейную форму сдаём старшине, стираем, гладим и убираем на будущее. Снова надеваем нашу. Мало ли какие окружены на нас случайно наткнутся.

– Ясно, – задумчиво покивал Лосев. – Вы из-за этого тот склад продовольствия и сделали?

– Не только, но в планах использовать его тоже было.

– Жаль, я бы ещё по тылам поездил, нравится мне немцев бить, – вздохнул Бабочкин.

– Ну ладно, дня через три сбегаем к тому мосту. Я на складе продовольствия пару ящиков с тротилом и с детонаторами припрятал. Взорвём. Не нравится мне, что он цел. А сейчас отдыхаем.

Три дня мы отдыхали, занимались банно-прачечными делами, купаться каждый день ходили, тут в километре находилось лесное озеро. Именно в него впадал тот ручей, где мы набирали воду. То есть отдыхали по-настоящему. С Бабочкиным мы продолжали заниматься музыкой, тот тренировался в трёх первых аккордах, которым я его научил, доводя исполнение до совершенства, и учил сразу ещё шесть. Гитару за всё время наших действий сохранил. Она с нами из Белоруссии прибыла. Ходили мы

в нашей военной форме, разнашивали, она была чистая и стираная, Лосев, используя нагретую пехотную лопатку, ещё и погладить её после стирки умудрился. Так что форма была в порядке.

Казалось, эти три дня пролетели мигом, однако, как ни странно, вполне хватило, чтобы несколько прийти в себя. Уже интересные мысли появились по поводу дальнейших действий. Вот только стоит сменить место дислокации. Дело в том, что работая под патрули и подвижные посты полевой жандармерии, я невольно засветился, меня многие видели. Я, бывало, маскировался, каску и очки-консервы надевал, как это было на аэродроме, захваченном нами три дня назад, но это было не всегда. При опросе следователи СБ смогут получить мое описание, даже рисунки, особые приметы. Это может помочь в поисках, если разошлют их во все части. Да и те, кто меня раньше видел и после общения со следователями узнал, что я враг, могут случайно встретить и опознать. Этого мне не нужно. Вот я и говорю, что стоит сменить место боевых действий. Бойцы мои, конечно, тоже светились, тот же Бабочкин, что везде сопровождал меня, но не так, как я, он, как статист, особого внимания не привлекал, общался-то в основном я, осматривая машины.

Как бы то ни было, эта краткая передышка придала нам новых сил, и я решил, что можно сбегать к мосту и провести акцию, после чего покинуть эту область, благо транспорт имелся. Конечно, у «шторыха» дальность невелика, и четырёх сотен километров не было, тем более бак уже был початый, часть топлива потратили, перелетев сюда от захваченного аэродрома, а запасных канистр с топливом не было, но километров на двести пятьдесят, учитывая перегруз, улететь сможем. Карты у меня всей Украины были, включая территории до Москвы, на аэродроме набрал. Изучив их, решил, что нас устроит местность в районе города Станислав, в будущем Ивано-Франковск. Там есть интересные цели, по которым можно нанести удары, и имелась железная дорога.

Утром четвёртого дня, как раз десятого августа, заранее подготовившись, мы переоделись под немцев, все трое, даже у Лосева теперь была форма рядового по размеру, сменили наше оружие на немецкое и, прихватив припасы в немецких ранцах, побежали к закладке с продовольствием. Нужно забрать взрывчатку и устроить акцию со взрывом моста. Думаю, двух ящиков хватит. Сам я не сапёр, но с опытными бойцами общался, как закладывать и сколько примерно нужно под ту или иную опору, знал, думаю, смогу взорвать как нужно, хотя бы повредить мост, чтобы затруднить по нему движение. Постараемся всё сделать как надо, потом вернёмся в лагерь, ещё дня три на отдых, и вылетаем к

Станиславу. Маршрут самого полёта я успел проработать. Думаю, к середине сентября можно будет связываться с Москвой и сообщить, что я готов лично прибыть к ним. Мои поиски шли особо интенсивно, да так, что я об этом от немцев узнал, которые тоже изрядно заинтересовались, а зачем Советам так нужен этот майор танковых войск Корнев. Про то, как он в Белоруссии куролесил, они уже в курсе, но всё равно странным им показался такой явный интерес.

Ближе к обеду мы были на месте. Плутать не пришлось, куда идти, мы знали, маршрут проложен, осталось только придерживаться курса, отслеживая его по компасу и солнцу. Дальше вышли к речке, и по ней, сориентировавшись, вышли к схрону. Тут, думаю, стоит проговорить по нему, а точнее по ним, схронов нами было сделано аж три, более подробно. Для начала, представляли те собой две хорошо замаскированные землянки с нарами и печками-буржуйками, где могли жить по десять человек, и отлично замаскированный польский бункер. В нём даже рабочий бензогенератор имелся, и запасы топлива. Система отопления на шесть помещений, и три пулемётные точки, с самими машинками на штатных местах, замаскированные амбразуры были закрыты щитами. О них я узнал от одного польского интеллигента, который активно участвовал в противостоянии советской власти, в землянках его группой было подготовлено оружие и припасы, а сейчас тот, несмотря на то что в немецкой управе получил достаточно высокую должность, готовился противостоять немцам. Уже против них шла подготовка. Попался тот со своим помощником мне на дороге. При опросе, а точнее допросе, с элементами пыток, удалось узнать про эти схроны, о которых никто, кроме этих двоих, не знал. Я так вёл допрос, что поверил, те правду сказали. Во время отступления этот поляк организовал засаду против одной из частей Красной Армии и, используя два пулемёта, открыл огонь, однако несмотря на большие потери, советские бойцы и командиры смогли оправиться от неожиданности, уйти от губительного огня и, охватив место засады, уничтожить всех, кто там был. Эти двое спаслись только по той причине, что наблюдали за засадой издали. Они позже ходили, проверяли. Все их люди там остались, раненые были добиты. Вот и получилось, что кроме этих двоих о тайниках никто не знал, а новый отряд они только собирались набирать. Пока как союзный немцам, а дальше уже освобождать от немецких оккупантов. Националисты-фанатики.

Всё продовольствие мы с Бабочкиным раскидали по всем трём схронам, на спинах и на плечах, наверное, до сих пор остались следы от ящиков, что мы перетаскивали. Ладно хоть в тех места лес пронизывали

дороги, можно было подъехать поближе, чтобы далеко не таскать. Сложнее было найти схроны и бункер по тем ориентирам, что нам дали, чем всё загрузить. Да и ходить старались так, чтобы не оставить следов и не натоптать тропок. Но куда там, тяжести таскали, следы на мягкой почве оставались. Потом маскировать их пришлось, но прошедший дождь замаскировал всё за нас.

Мы, как и поляки, тоже позаботились о тайниках и схронах, пару машин с топливом захватили, обычным автомобильным, и все бочки закатили в хранилище бункера. Этот бензин вполне подходил для бензогенератора. Умаялись спускать, ладно хоть поддон там на блоке был. Кроме самого продовольствия, ещё разное захваченное имущество, вооружение, форму спускали. Даже две немецких радиостанции было, переносных с запасными батареями, мы их у связистов с катушками кабелей и телефонными аппаратами достали. Всё мы это убирали на склад бункера. Нормально затарились. Вон, целый грузовик с гранатами и патронами к немецким пулемётам – в бункере два МГ среди трофеев хранилось – ушёл в его помещения.

Взрывчатка находилась в том схроне, что ближе всего к мосту, в четырёх километрах. Подходили мы к нему сторожась, путая и стараясь не оставлять следы. В конце даже сняли обувь и подкрались ближе. Отлично, никого кроме нас тут не было, сняв с люка гранату, я первым спустился в лаз и стал подавать бойцам оба ящика и противогазную сумку с подрывной трофейной машинкой, запалами и длинным телефонным кабелем метров на семьдесят. Больше, к сожалению, не было. Ещё имелся бикфордов шнур, но это для резерва, на всякий случай. Вон, в бункере аж десять катушек лежало с тремя аппаратами, я потом планировал телефонизировать пулемётные точки, там это сделано не было.

Загрузившись, посыпал следы средством от собак, Лосев его сделал, говорил, верное средство, ему можно верить, потомственный браконьер всё же. Мы отошли с ящиками и личным оружием на плечах к реке и, войдя в неё – сапоги всё так же в руках были, – пошли по воде. Кстати, она впадала в ту, которая под мостом протекала. Километр шли. Там вышли, обсушились, надели галифе и сапоги – в общем, привели себя в порядок, став с виду настоящими немецкими солдатами с нашивками подразделений охранной дивизии, в зоне ответственности которой сейчас находились. Я старался ко всему со всей тщательностью подходить, чтобы не засыпаться на мелочах. Так что я был в форме лейтенанта, остальные рядовые, вооружён автоматом, документы имел соответствующие легенде.

Когда мы наконец дотопали до опушки, Лосев, который имел

меньший, чем у всех, вес – что там личное оружие, сумка с подрывной машинкой и детонаторами, на плече моток кабеля, да ранец за спиной, – шёл за нами следом, старался убрать видимые следы и посыпал всё своим средством. Кстати, я попробовал понюхать, что он подготовил, так расчихался. Что с собаками будет, если их пустят по нашему следу? Вот и я не знаю. До самой опушки мы не дошли, скинули ящики, которые несли с Бабочкиным, плечи приходилось часто менять, устали, но дошли. Тут старшина остался охранять всё, да и просто присмотреть за тылом, а мы прогулялись до самой опушки и подползли к крайним деревьям, доставая бинокли.

– Немцы, – сообщил очевидную вещь напарник.

Сам я достать бинокль первым не успел, тот зацепился за ремень, пока достал, Бабочкин успел осмотреться. Да и так видно, что у моста кто-то был. Используя оптику, я подтвердил слова напарника, у моста теперь имелся пост. Кстати, тот именно с нашей стороны находился, а на берегу со стороны села прогуливался лишь часовой. Вот с нашей, кроме мотоцикла с коляской, видимо разъездного, «цундапа», была видна пулемётная позиция с обложенными мешками гнездом. Там каска торчала, ещё у моста один прогуливался. Трёх было видно, но я думаю, что немцев больше. С той стороны дороги и моста удобный съезд к воде и песок, купаться можно, если там поставить палатку, отличное место для отдыха, или для того же лагеря.

– Товарищ майор, ну как? – с нетерпением поинтересовался Бабочкин. – Будем брать? Идём?

– Ага, они всех, кто выходит из леса, будут встречать пулемётным огнём, а потом узнавать, кто это. Зашугали мы их своими подвижными постами. Нет. Нужно стороной покинуть лес и выйти на дорогу, поймать попутный транспорт, водителя в кусты, а сами к мосту. Дальше по ситуации. Пока не знаю, что делать, стрелять с ходу по охране моста нельзя. Село близко, а там два взвода полицаев и комендантский взвод, рота, считай. Странно, что полицаев на мост не поставили, наверное, не доверяют... Втихую взять не сможем, а если даже и сможем, то с такими потерями, что операция будет фактически сорвана. Чёрт, как не вовремя тут немцы пост организовали, да и мы поздно спохватились. Чего его не взорвали, когда под подвижные патрули работали? Всё добычу к нашим склонам свозили, свободное время на это тратили, хомяки хреновы.

– А может, взрывчатку в грузовик, с ходу расстрелять охрану, грузовик на мост, поджигаем шнур, и бегом оттуда?

– Бикфордова шнура у нас мало, меньше минуты будет гореть, –

задумчиво проговорил я, отвечая на предложение напарника. – Да ещё не знаю, что будет с мостом, повредят его эти два ящика взрывчатки или нет. Грузовик-то точно разнесёт.

– Хотя бы повредим, – пожал он плечами.

– Хм, знаешь, мне твоя идея нравится. Всё так и сделаем, только взрывчатку рвать будем не в кузове машины, высоко, а спустим на мост, под машину уберём, так оно вернее будет. Сейчас понаблюдаем ещё немного, возвращаемся, берём ящики и выходим в стороне на дорогу. Остановим грузовик, легковушка нам не подходит. Если только кабриолет.

– Хорошо, товарищ майор.

Мы ещё некоторое время понаблюдали за немцами, полчаса на это потратили, высматривая, есть там ещё кто или нет. Бабочкин и на дерево залезал, но ничего нового не заметил, высоты не хватало. Трёх немцев могли лишь наблюдать. Правда, когда мы уже собирались отползать, появился четвёртый, как раз оттуда, где, я предполагал, может стоять палатка или что-то вроде неё, навес или ещё что, и сменил часового с другой стороны моста, где было село. Значит, их действительно больше, предположу полное отделение. Думаю, если взять их неожиданностью, мы покрошим всех.

Вернувшись к старшине, мы снова загрузились и, уйдя на километр в сторону, так чтобы возвышенность скрывала нас от охраны моста, и по той низине, где подкрадывались к телеге с полицаями, выбрались на дорогу. Правда, не остановились, а по той же дороге стали уходить подальше от моста. Это я перестраховывался. Вдруг стрелять придётся, чтобы охрана не всполошилась, если услышат, то крайне тихие и далёкие хлопки. По ситуации, в общем. Дорога не пустовала, нам приходилось часто складировать ящики на обочине, я делал вид, что распекают стоявших навытяжку бойцов, причем так, чтобы их лиц с дороги было не видно, а иначе как объяснить усы у Лосева? По уставу они не положены. Пролетело несколько мотоциклов-одиночек с посыльными, пяток легковушек было, и две колонны прошло, мы за это время прошли по дороге, с частыми остановками, километра два, когда наконец появилось то, что нам нужно. До наступления темноты оставалось чуть больше часа, дорога стала пустеть, так что мы уже испытывали нетерпение, когда следовавший замыкающим старшина, воскликнул:

– Грузовик! Со спины нас догоняет. Один.

– Ящики на обочину. Старшина, садишься на них спиной к машине. Бабочкин, мы с тобой изображаем пост. Хиленько, ни блях, ни жезла нет, но пусть думают, что мы попутку ловим. Офицеру не посмеют не

подчиниться. Приготовить оружие.

Мы быстро всё сложили, тем более я ящик не нёс, только сумку с запалами и подрывной машинкой, поэтому встал с краю дороги, Бабочкин в паре метров от меня, держа автомат так, чтобы с ходу можно было применить его, и поднял руку. Грузовик всё же стал притормаживать. Я рассмотрел в кабине солдата-водителя, у него были нашивки ефрейтора, и офицера, обер-лейтенанта. Как только машина замерла, дверца со стороны пассажира распахнулась, и выглянувший обер-лейтенант, мельком глянув, как Бабочкин направился к заднему борту, чтобы глянуть, есть ли кто в крытом кузове, неожиданно показал мне жетон СД, сказав приказным тоном:

— Лейтенант, мы спешим, поэтому подбросить вас не сможем.

Тут Бабочкин, вскинув автомат, истерично заорал:

— Руки вверх, суки!..

Причём не на немецком языке, как я его учил, а на русском. Поэтому действовать пришлось молниеносно, схватив офицера за френч, я выдернул его из кабины, бросая в объятия Лосева, вот он и приласкал лейтенанта, а я уже наставил на водителя «парабеллум», выдернув его сзади из-за ремня. Из кобуры долго, навык нужен, так что та у меня пустой была. Водитель, испуганно глядя на нас, поднял руки, а я мотнул старшине в сторону Бабочкина, тот продолжал, надрываясь, материться, пусть поможет. К счастью, дорога пуста была, так что, подманив к себе водителя, тот перебрался к открытой двери через место пассажира, глядя на меня как кролик на удава, ну и приголубил его рукояткой пистолета по голове. Финт сделал, махнул рукой, и когда он на неё посмотрел, отвлекаясь, другой ударил. А то был у меня случай, увернулся, когда я бил, чуть крик не поднял, а тут всё получилось. Бросив ефрейтора на дорогу, я побежал к кузову, где под прицелом бойцов из кузова выпрыгивали... советские бойцы? Чёрт, да мы никак диверсантов взяли. Теперь всё складывается, несмотря на налёт, аэродром продолжал работать, и это очередная партия для выброски в наш тыл. Четверо, двое в командирской форме, двое в красноармейской, невысокий крепыш и мелкий пацанчик в очках имели пустые петлицы. Все четверо в форме НКВД.

— Вяжем и в кузов, тех двоих тоже, — быстро приказал я и с ходу заехал по темечку дёрнувшемуся старлею, то есть младшему лейтенанту госбезопасности.

Те уже поняли, кто их взял, коллеги фактически, такое отчаянье в глазах стояло, но под дулами автоматов ничего сделать не смогли. Сначала из-за растерянности, что их как салаг взяли, а потом, когда очнулись от

неожиданности, было поздно сопротивляться, мы их связали, потом и обоих немцев в кузов закинули, также забросили вещи, бойцы забрались в кузов, сторожить пленных, а я прошёл к кабине. Проехав чуть дальше, до ближайшего съезда, которым мы раза три пользовались, когда разное имущество к склонам доставляли, съехал и встал на опушке. Так, чтобы с дороги нас не видно было.

Дальше приказал раздеть всех четырех диверсантов, форма неплохая, та, что старлея, как на меня шили, мало ли пригодится, поэтому снимать нужно аккуратно, а сам сбросил с кузова офицера, тот уже приходил в себя, и потащил подальше в сторону, нужно вдумчиво его расспросить. Сдёрнув с него планшетку, сначала изучил сопроводительные документы на эту четвёрку диверсантов, а потом уже стал допрашивать офицера. Кричал тот сильно, кляп пришлось использовать, но ничего, разговорил. Сломался офицер. Суть задания тот, к счастью, знал, так как вёл подготовку к выполнению. Если проще, эта четвёрка должна ликвидировать Сталина. Без шуток. Двое из диверсантов подрывники, был ещё командир и тот мелкий радист. В общем, известно, в какой день тот поедет со свитой, нужно заминировать дорогу и рвануть. Причём операция была составлена таким образом, что если даже те не долетят и не встретятся со связным, то основная группа, что уже работает в Москве, решит проблему самостоятельно, и хотя у них было всего три дня до акции, найдут подрывников там. Закончив допрос офицера, я его утащил к машине и бросил рядом, тот рыдал, размазывая кровавые слёзы по лицу, связанными руками доставал, а я, ухватив следующего, обнажённого диверсанта, с него всё сняли, как я и приказал, кстати, как доложил Лосев, у них даже штампы на нательном белье были одной части, хорошо подготовились, и потащил на допрос. Офицер не всё знал, например, кто связной, место встречи и пароль, поэтому мне нужен был старший группы, им я и занялся. Эта скотина оказалась очень упорной, минут десять ломал его, пока не справился. Узнав у него всё что нужно, прирезал, трое других без надобности, простые исполнители, всё, что нужно, знал только этот. Тот ещё волчара, отец австриец, а мать русская.

Быстро и волоком дотащив его тело до машины, на ходу стал отдавать приказы:

– Обоих немцев раздеть. Форму и оружие подготовить к долгому хранению в тайнике. Работаем быстро, у нас изменение обстановки. Пленных всех под нож. Работаем.

Поторапливая бойцов, я сам помогал проводить подготовку. Например, всё оружие, кроме нашего личного, форму бойцов и командиров НКВД

сложили тут, а в кузове оставили только ящики со взрывчаткой и шесть тел. Лосев поедет в кузове, а мы с Бабочкиным в кабине. Мост взорвать я ещё не передумал, хотя информация, которую получил, жгла руки. Тем более у нас крайне мало времени и стоит поторопиться. К тому же это как раз будет укладываться в нашу легенду. Когда за пять минут всё было подготовлено, я построил бойцов у машины и, встав напротив них, сообщил полученную от немца и диверсантов информацию, сразу раздавая задачи.

— Товарищи командиры, ситуация сложилась таким образом, что медлить нельзя. Эти диверсанты отправлены, чтобы убить товарища Сталина, которого немецкое командование правильно считает цементирующим центром того, что наши ещё держатся. Убрать его, и всё рухнет. Гитлер лично подписал резолюцию на убийство товарища Сталина. Причём немцы спланировали всё таким образом, что есть резервный план, и те немцы, что сейчас в Москве, могут выполнять операцию и без этой четвёрки. Я решил надеть их личину на нас и отправиться в Москву под их видом. Понимаю, что план авантюрный, но при некоторой удаче он может сработать. Для начала мы взрываем мост, уничтожая его. Мотоцикл должен при захвате уцелеть, запомните это. Уничтожим охрану, поставим ящики, подожжём фитиль, и на максимальной скорости возвращаемся сюда. Тут забираем форму диверсантов, с их оружием и сидорами, и так же на максимальной скорости, чтобы успеть к назначенному часу, едем к аэродрому. На него уже перегнали самолёт, что теперь занимается выброской диверсантов в тылу нашей армии. Сегодня ночью будет совершенён налёт на столицу нашей Родины, транспортник, по плану немецкой разведки, полетит с бомбардировщиками, чтобы замаскировать свой пролёт. Сбросит диверсантов и вернётся с ними же. Так часто делается. Мы этим воспользуемся. Подъедем как можно ближе к аэродрому, там спрячем мотоцикл, переодеваемся и бежим под видом диверсантов к воротам. Только это нужно делать осторожно, немцы после наших акций пуганые. Правда, о подъезде диверсантов они должны быть предупреждены, хотя бы о машине. Дальше опознаемся, я сообщаю, что русские парашютисты взорвали мост, отчего машина осталась с той стороны реки. Мол, мы переправились на лодке и бегом выдвинулись к аэродрому, боясь опоздать. Бомбардировщики ждать не будут, у них свой режим работы, от которого они не отходят. На случай, если дежурный офицер спросит, где сопровождающий, а он должен быть, скажем, что «сдох» на полпути, дыхалки не хватило, отправил нас дальше, а сам, отышавшись, уже подойдёт спокойно. Дальше нас сажают на самолёт, мы летим. Выпрыгиваем с самолёта, не надо делать такие глаза, я тоже ни разу

не прыгал с парашютом, потом собираемся и выдвигаемся на встречу со связником. Наша задача – вскрыть сеть немцев в Москве. Приняв нас за своих, они, возможно, раскроются. У нас не больше суток, пока немцы тут не поймут, что их провели, и не отправят срочную шифровку своим агентам в Москву. К этому моменту мы должны закончить с ними. Уничтожаем, дальше по ситуации. Думаю, вернёмся сюда. Поторопимся, у аэродрома мы должны быть хотя бы в сумерках, чтобы не опоздать, позже неприемлемо, постреляют в темноте. В машину!

Если у обоих ошарашенных бойцов и были какие возражения или предложения, то они оставили их при себе, тут я прав, времени не было. Потом, когда рванём мост и будем, например, переодеваться у мотоцикла, тогда и поговорим. Может, что дальние предложат. Да хоть сомнения выложат, тоже помогает найти ошибки или интересные идеи. Ещё хорошо, что два комплекта подходят нам по размеру, мне и Лосеву, Бабочкину досталась форма сержанта госбезопасности, то есть пехотного лейтенанта, да и кубари были в петлицах, но форма чуть-чуть не по размеру. Правда, заметно это по более коротким рукавам, но взгляд не сильно цепляет. Сам Бабочкин форму не надевал, просто сравнил комплекцию и длину рук диверсанта и прикинул, как на нём форма будет сидеть.

Когда мы подъехали к мосту, то никто и не думал нас тормозить, дорога свободная, Бабочкин, что сидел за рулём, уже вполне уверенно управлял немецкими машинами, за последние дни я активно учил его этому делу, но, к сожалению, опыта по нашим у него не было никакого. Сильно на подъезде тот не гнал, ехали неторопливо, километрах на двадцати в час подъезжали к мосту, так что встать удалось сразу. Машина даже юзом не пошла, когда боец ударил по тормозам. Я уже распахнул дверцу и, выпрыгнув, сначала срезал часового с той стороны моста, после чего оббежал капот, с моей стороны было чисто, а Бабочкин был из кабины на расплыв ствола, я присоединился к нему, расстреливая шестерых солдат у костерка и небольшого навеса. В ответ так и не прозвучало ни одного выстрела.

Причём машина встала так, Бабочкин подгадал по моему приказу, чтобы пулемётчики были на прицеле у Лосева в кузове, и тот сразу их срезал. Ну, вот и всё. Добили раненых, и Лосев собрал оружие и амуницию, складывая всё на мотоцикл – я его завёл и поставил на дорогу, – пулемёт старшина тоже прихватил, Бабочкин подогнал машину к середине моста. Там мы сняли ящики, сунув их под грузовик, дальше боец побежал к мотоциклу, устраиваясь на водительском месте, старшина сидел на люльке, места внутри не было, а я поджёг фитиль и, рванув к ним, сел позади

бойца. Тот, быстро переключая скорости – всё же далась ему моя наука, – рванул к лесу. Со стороны села звучали выстрелы, но это всё, что мы слышали. Взрыв произошёл, когда мы уже поворачивали к опушке. Вот так, легенда нашего пешего появления на аэродроме подготовлена, заодно от машины и тел избавились, а нет тел – нет дел. Я успел обернуться и посмотрел на облако, поднявшееся от взрыва. Там мелькали куски и части моста. Может, и детали машины были, непонятно. Похоже, хорошо рвануло.

Заехав вглубь леса, мы утащили всю добычу подальше от лесной дороги, тут выворотень был, дерево упало, мы сложили всё оружие, подсумки с магазинами и гранатами на одну из трофейных шинелей, Лосев на посту прихватил, потом накрыли сверху куском брезента от навеса с того же поста и стали обваливать края, закапывая, а я носил охапки прошлогодней листвы и сваливал, маскируя. Тут же была и форма радиста с его СВТ, и сидор с рацией. В яму и наше оружие легло, которым мы пост уничтожили, и пулемёт с коляски. Он раньше в пулемётном гнезде стоял. Осталось только три ППД и два ТТ – оружие диверсантов. Форму менять мы сразу не стали, нам ещё днём по дорогам катить – как вы представляете себе трёх мотоциклистов в форме НКВД в тылу у немцев? Вот и я очень ярко представил. Только проедем недалеко. А так оставили только сидора, форму и оружие с диверсантов и, устроившись на мотоцикле, погнали к аэродрому. Действительно погнали, в этот раз за рулём уже я сидел. За нами столб пыли стоял, без очков на такой скорости передвигаться было очень трудно, но всё же успевали. Свернули в сторону с дороги и, закатив мотоцикл в овраг, пока Лосев срезал ветки, чтобы закидать технику, мы с Бабочкиным быстро переодевались. У меня нормально, а младшему сержанту ещё и обувь оказалась мала, комплект радиста не подходил, совсем маленький. Потом мы с ним маскировали технику, а старшина переодевался. У него и форма, и обувь оказались впору. Повезло. У меня сапоги на размер больше были. Мы поменялись с Бабочкиным, вот теперь нормально, и ему, и мне. У того сорок второй, у меня почти сорок первый. Правда, обувь мне впритык, но не велика и не мала, нормально, разношу.

В общем, мы рванули к аэродрому. Как я и думал, у бойцов успели накопиться вопросы, так что они постепенно стали их задавать, чтобы не сбить дыхание. В основном по мелким деталям. Например, не узнает ли нас технический персонал на аэродроме, который в этот раз волей случая остался в живых? Пришлось пояснить, что мы были в очках, не зря же я приказал не снимать их. Правда, я тогда преследовал другую цель, чтобы наши портреты не составили, но гляди, пригодилось. А получится или нет,

уже на месте узнаем. Придётся рискнуть.

– А разве на товарища Сталина в будущем совершались покушения? – тяжело дыша, спросил Бабочкин.

Метров пятьсот пробежали, а он уже дыхание сбил. Хотя для антуражу, что мы от моста бежим, нормально, но мне не нравилось его физическое состояние. Придётся гонять на пробежки по утрам. Привык везде на колёсах, скоро так ходить разучится. Нет, точно теперь гонять буду, причём и Лосева тоже, вон как дышит, правда не отстаёт, держится ещё.

– Про высадку немецкого десанта на Воробьёвых горах слышал, да и то по недостоверным слухам, а про подобные покушения нет. Да и кто о них сообщать будет, засекретили, и все дела.

– А?..

– Всё, стой. Немцы нас видят у блокпоста, что на въезде, вон как забеспокоились, пулемёт в нашу сторону поворачивают.

Остановившись, я снял с плеча автомат и, подняв его над головой, несколько раз кашнул, давая сигнал. После этого демонстративно передал его старшине и трусцой побежал к воротам, там не стреляли, ожидали. Причём я видел, что унтер на посту с кем-то разговаривает по телефону, видимо докладывает о нашем появлении. Когда я подбежал, то встал, опервшись ладонями в колени, и тяжело дышал, а когда мне задали вопрос, мол, кто я, поднял вверх указательный палец, прося дать секунду на передышку. А говорили, я так себе актёр, в принципе с дыхалкой у меня была норма, просто показывал свидетелям, как долго мне пришлось бежать. Наконец отдышавшись, сообщил:

– Обер-лейтенант Клейне, вторая рота. Мы должны были прибыть на машине, но не смогли. Русские парашютисты мост взорвали. Пришлось перебираться через реку и бежать сюда. Попутных машин не было, вообще ни одной не встретилось. Мы успели?

Унтер всё, что я ему говорил, передавал по телефону в штаб, и когда я задал вопрос, то тот по-еврейски задал свой. Уточнил номер машины, и почему нет сопровождающего и ещё одного солдата. Мол, должно быть четверо пассажиров, а у нас трое.

– Когда мост рванул, пострадали двое, водитель и солдат нашей группы, обер-ефрейтор Гейдрех. А нашему сопровождающему обер-лейтенанту Леннеру стоило бы заняться своей физической подготовкой, – это я сообщил изрядно злым тоном. – Он и половины пути пробежать не смог, передал нам сопроводительные документы и остался, решив не задерживать группу. Позже должен подойти. Мы и так не успевали.

– Вас просят к телефону, – сообщил унтер, передав всё, что я сказал,

при этом попросил позвать моих людей.

Махнув бойцам, чтобы подходили, я поправил форму и вошел на блокпост, пистолет из кобуры у меня не забрали, правда пришлось показать жетон немецкого военнослужащего, тот висел на шее. Дальше я пообщался с дежурным офицером в звании капитана, тот более подробно всё выяснял, мол, это требуют из штаба абвера. Уже окончательно стемнело, когда подошли бойцы. Закончив описание наших приключений, я получил приказ выезжать к штабу, это большая палатка, машина за нами уже выехала. Требовалось поторопиться, вылет уже через полчаса, мы всё же успели. Пришлось местным переехать в палатки, здания были отлично нами сожжены. Кстати, я успел осмотреться, чтобы полюбоваться нашей работой. Вся подавленная и сожжённая техника, что из нашей колонны, что из аэродромной, была оттащена за пределы аэродрома, всё очищено, и аэродром работал практически в прежнем режиме. Разве что лётный персонал сменили да технический пополнили, он изрядно побит был при захвате, разницы между ними и десантниками танкисты Грозного не делали, чудо, что смогли подобрать пилотов для всех уцелевших «юнкерсов». А вот охрана вся новая была. Полноценная рота, усиленная танками. Нашими, шесть Т-26 по периметру вкопаны были, башни только торчали.

Когда подъехала машина, это был легковой открытый пикап, нас повезли с двумя сопровождающими из солдат с блокпоста к штабу, я успокаивающе кивнул бойцам – пока всё идёт нормально. Дальше тех повели к самолёту, транспортному «юнкерсу», а меня сопроводили в штабную палатку, где тучный майор, что как раз общался по телефону, обернулся ко мне и сообщил неизвестному абоненту:

– ...он как раз зашёл... да-да, передаю, – и протянул телефонную трубку, сообщив: – Ваше начальство, хочет узнать, что произошло и чем вызвано опоздание.

Взяв трубку, я коротко сообщил:

– Обер-лейтенант Клейне у телефона, господин майор.

Я постарался сделать голос чуть хрипловатым, чтобы тот был похож на голос старшего диверсанта. Тем более качество связи было так себе, и понять, кто говорит, было сложно. На это я и надеялся.

– Клейне, какого чёрта происходит?! Какой ещё взрыв моста? Мне ничего такого не сообщили. И где обер-лейтенант Леннер?!

Вот я и сообщил, как на подъезде к мосту вдруг взорвался мост, погибла почти вся охрана. На шум прибыли коменданчи и полицаи из ближайшего села и, увидев нас в форме у машины, сразу открыли стрельбу.

Пока удалось остановить их и опознаться, были серьёзно ранены водитель и один солдат из нашей группы. На что майор очень грязно ругался. Солдаты комендантского взвода на телеге отправили раненых в ближайший госпиталь. Наша машина пострадала от ружейно-пулемётного огня, её стащили с дороги. Леннер сопровождал нас, но не смог выдержать темпа движения и отстал. Сам я тоже извинился, из-за бега и того, что подгонял солдат своей группы, слегка сорвал голос, да и дыхание до конца не восстановилось. Однако мы успели и готовы к выполнению столь важного задания, на что майор велел мне заткнуться, о теме задания знать никто не должен. А так тот принял информацию очень серьёзно и уточнил, когда Леннер сможет подойти к аэродрому. Тут я замялся и сообщил, что не уверен, что он подойдёт. Во время перестрелки с солдатами комендантского взвода его зацепило в руку, легко, но крови потерять он успел много, так что собирался отправиться в госпиталь. Заодно наших солдат проверит.

Передал местному майору трубку. Тот выслушал, что ему говорят с той стороны, пару раз подтвердил получение приказов, после чего положил трубку и сообщил, что пора к самолёту. Моторы пилоты уже запустили, время вылета вот-вот наступит. Когда мы с адъютантом майора подошли к самолёту, оба моих бойца уже были полностью экипированы, парашюты на них, потом сидора, оружие закреплено, молодцы. Кстати, парашюты советские, как мне любезно сообщил адъютант. Двое солдат из технического персонала аэродрома стали помогать мне надевать и застёгивать подвесную систему парашюта, при этом ворча, что мои бойцы настолько высокомерные особы, что с ними отказываются общаться. Всё молча делали. Я лишь хмыкнул. Наконец сидор за спиной, ремни парашюта проверены, оружие на месте, на голове лётный шлем, фуражка за пазухой, так что, махнув рукой местным, я первым забрался в люк самолёта и устроился на лавке. Рядом, по обоим бокам, сели бойцы, напряжённо стреляя туда-сюда взглядами.

Толкнув их локтями в бока, велел расслабиться, после чего стал по очереди описывать, как совершать приземление, прыгать будем при принудительном срабатывании парашюта. Дёргать кольцо не потребуется, я специально уточнил у бортстрелка, так что самое важное – это приземление. Ноги подогнуть, и как ожидать встречи с поверхностью земли. Описывал всё с чужих слов. В общем, как повезёт. Тут, прерывая нас, громче загудели моторы, пошла тряска, и я понял, что мы стали разгоняться для взлёта. Смотри-ка, получилось. Сам до сих пор поверить не могу. А вот и поднялись в небо, оторвавшись от бетонной полосы.

Общаться во время полёта стало практически невозможно, мало того что сильно шумно, так ещё уши лётного шлемофона застёгнуты под подбородком, отчего вообще ничего не слышно. И да, у нас были не десантные шлемы, с которыми обычно совершаются высадки, я такие видел во время учений в сорок шестом году, а настоящие лётные. У меня такой был, заимел вместе с угнанным у немецкого лейтенанта самолётом Р-5. Сидя, я поправил шлемофон и, указав жестами бойцам, что собираюсь поспать, и на самом деле откинувшись назад – слегка забитый до отказа сидор мешал, ха, мы так торопились, что не заглянули внутрь, – быстро уснул. А вот у бойцов глаза огромными стали, даже при очень тусклом освещении салона это видно было. Не стоит думать, что у меня такая выдержка хладнокровная, что я вообще нервов не имею, или стальные, мол, для меня нормально и штатно. Ничего, и у блокпоста поволноваться пришлось, и в штабной палатке, когда с начальником школы абвера общался, так у меня спина мокрой от волнения стала. Хорошо, из-за сидора это не заметно было, я его не снимал. Так что и мне поволноваться пришлось, а тут, видимо, подуспокоился, расслабуха накрыла, и меня в сон стало клонить. А что, лететь ещё часа четыре до места высадки, да ещё с промежуточной посадкой на фронтовом аэродроме для дозаправки, времени есть высаться. Я бойцов предупредил, что будем садиться заправляться, не должны волноваться, а высаться предлагать не стал, на нервах не уснут, вот пусть и охраняют. Да и полезно, что посплю: и отдохну, и авторитет у бойцов ещё выше подниму своими железными нервами, хотя я у своих бойцов и так котировался неимоверно высоко. Это можно было понять из их ответов на вопросы, задаваемые командирами и бойцами из нашего опытного первого партизанского авиационного отряда имени товарища Сталина. А интересовались мной многие.

Проснулся я, когда меня крепко потрясли за плечо. Очнувшись и непонимающе осмотревшись, вопросительно посмотрел на Лосева, это он меня будил. Тот и указал на штурмана, что вышел из кабины. Встав и подойдя к нему, позволил прокричать себе на ухо, что до высадки осталось меньше десяти минут, нужно подготовиться. Именно штурман и стал помогать пристёгивать к тросу карабины парашютов. Встав у пока ещё закрытого люка, мы держались за трос, самолёт заметно болтало, и ожидали сигнала. У меня была мысль захватить самолёт и посадить его где-нибудь в тихом месте, чтобы потом воспользоваться или уничтожить, но для того, чтобы протянуть время, желательно, чтобы самолёт вернулся. Это на первое время подтвердит командованию абвера, что высадка прошла

у настоящих диверсантов. Потом, когда спохватятся, начнут своих людей искать по госпиталям, может, что и заподозрят, только я подозреваю, что к этому моменту мы уже закончим дело и будем думать, как вернуться на оккупированные территории. Как именно, я пока и сам не знал.

– Проверить фонарики! – крикнул я бойцам, но те не слышали, поэтому показал фонарик и включил-выключил синий светофильтр. Те повторили мои действия. Это чтобы найти друг друга в ночи.

Загорелся красный сигнал у рубки, подбежавший штурман открыл дверцу и стал показывать на пальцах, отсчитывая время обратным отсчётом, после чего кивнул, и когда я шагнул в ночную темень, сгруппировавшись, хлопнул по спине. Точнее, по сидору. Насколько я слышал, это на удачу, да уж, она нам не помешает. Бойцы, которые внимательно следили, что я делал – им нужно будет так же сгруппироваться, последовали за мной. Молодцы, когда парашют с хлопком раскрылся, изрядно тряхнув меня – думал, позвоночник осыплется, – рассмотрел, как последним десантный салон покидает Лосев, Бабочкин уже бултыхался надо мной. Несмотря на гул удаляющихся двигателей, я расслышал его мат. Всё-таки справились со страхом высоты и шагнули в темноту.

Внизу быстро гасли три сигнальных костра. Их зажечь должны были на дне оврага, чтобы со стороны видно не было. А сейчас гасили. Всё нормально, мы там, где нас ждали. Надеюсь, это именно немецкие пособники или их люди, а не игра НКВД с захватом. Насколько я в курсе, те вполне уверенно противостояли абверу и СД, в их профессионализме сомневаться не приходилось. Старший диверсант, личиной которого я прикрывался, сообщил во время допроса, что из трёх групп одна так и не вышли на связь, да и насчёт второй есть подозрения на радиоигру.

Тут пришлось отбросить размышления, прыгали мы примерно с километровой высоты, так что земля оказалось под ногами достаточно быстро, поэтому, сгруппировавшись, встретил мягкую поверхность поля с недавно убранным неизвестным урожаем и с двумя перекатами погасил скорость. После чего, быстро вскочив, благо не запутался в стропах, стал гасить парашют. Похоже, первый в жизни прыжок, несмотря на страх, переполненный восторгом ночного полёта, у меня прошёл нормально. Только после этого сбросив сидор и сняв автомат, ремень через голову пришлось перекидывать, стал комками собирать парашютный шёлк и запихивать его в парашютную сумку. Всё не вошло, тем более в сумку я сунул и шлемофон, надев фуражку. После этого вернул сидор на место, автомат повесил на правое плечо, стволом по ходу движения, парашютную

сумку на другое. Тут со стороны, где ранее были костры, помигали фонариком, я ответил. Тот три раза дал, я два, всё согласно инструкции по встрече. Также я посигналил в сторону, где должны быть бойцы. Неуверенно, да и не сразу, но ответили оба. Один вроде метрах в двухстах, второй в полукилометре. Неплохо нас разбросало. Подумал, не направиться ли к ним, проверить и поговорить без свидетелей, расписав дальнейшие действия, да узнать, как прошла высадка, но вот не успел. Со стороны оврага, взревев, заворчал двигатель автомобиля и загорелись подфарники. К нам направился грузовой автомобиль, судя по звуку мотора, «захар». Так и оказалось, тот прямо по полю подъехал ко мне, силуэт прорисовался, машина крытой была.

Когда тот подъехал и встал метрах в пяти, то едва уловимо в темноте открылась дверь, мотор продолжал работать на холостых, и прозвучал пароль:

- Мюнхен.
- Дрезден.

Из кабины на землю спрыгнул водитель, плохо силуэт прорисовывался, но на вид худой и невысокий, про таких говорят «метр с кепкой».

– Почему трое? Я рассмотрел в небе три парашюта.
– На подъезде к аэродрому наткнулись на русских коллег. Один из солдат группы выбыл по ранению, его отправили в госпиталь. Прислать замену не успели. Будем работать в усечённом составе.

Говорили мы на русском, я для пробы задал вопрос на немецком и понял, что водитель меня не понимает, из наших, предатель, получается.

– Ясно. Кто был ранен?
– Радист.
– Ничего, у нас свой есть, даже два, надеюсь, запасные батареи для радио доставлены? Вроде грузового парашюта в небе не было.
– Конечно. Кстати, надо закопать парашюты.
– Не надо, – засмеялся водитель. – У меня две дочки, жена нашьёт им нарядов. Тайник в машине есть, сейчас спрячу. Да и как товар шёлк хорош, дорого стоит на рынках Москвы.
– Хм, буду знать.

Пока водитель прятал мой парашют, я внимательно наблюдал за этим, подсвечивая ему фонариком, подошли мои бойцы. Лосев слегка прихрамывал, а так посадка у них прошла благополучно, как и у меня. Старшина умудрился картошки набрать в карманы, пока парашют складывал. Хозяйственной он у меня, домовитый. К счастью, бойцы

парашюты также принесли и передали их встречающему, которые тот спрятал в тайник в раме грузовика. Ему для этого под машину пришлось залезать. А когда тот выбрался, я как раз опрашивал бойцов, как прошла высадка, Лосев коленом о камень ударился, не сильно, но хромота была. И как он его нашёл? Так вот когда водитель выбрался, то Бабочкин засветил ему прикладом в грудь, а Лосев, добавив, стал помогать вязать водилу заранее подготовленными верёвками.

У меня были мысли, воспользовавшись столь удачным стечением обстоятельств, добраться с этим водителем до самой Москвы, тот наверняка знал все ходы-лазейки, однако поведение водилы мне сильно не понравилось. Это явно был прожжённый циник и опытный бандит, такого на мякине не проведёшь, а судя по тому, как он стал как бы между прочим задавать вопросы, с некоторой подковыркой, я понял, что где-то прокололся, вот и отдал приказ брать его. А сам тем временем, держа автомат наизготовку, встал на одно колено и водил стволом, всматриваясь в горизонт. Прикрывал парней, пока они работали. Вполне возможно, что тот был не один и кто-нибудь его подстраховывал. Можно было об этом спросить, но я опасался вызвать не совсем ту реакцию, что хотел. Получить не ответ, а ещё большие подозрения. Да и мало ли что, вдруг действительно рядом есть его подельники, и тот подаст им сигнал, мол, чужаков встретил, и всё, операция насмарку. Я только по голосу и вопросам понял, третий калац, ещё тот волчара. Попробуй переиграть такого, лет пятьдесят ему, судя по голосу, опыта жизненного наверняка на троих имеет. И ещё мне не понравилось, как тот засуетился, когда я нейтрально насчёт дочек его ответил – а есть ли дочки? Командир диверсионной группы об этом мне не говорил, а спрашивал я по-серёзному, вряд ли бы умолчал. В общем, одни подозрения.

Пока было всё так же тихо, лишь мотор урчал негромко, кляп водителю в рот уже сунули и связали, сейчас Бабочкин, подсвечивая, изучал кабину, что там есть, а Лосев с моей подстраховкой, откинув тент, забрался в кузов и что-то там ворочал. Кстати, документы водилы мне уже передали, тут и проездной лист был. Помимо него бумажник, а в нём фото счастливой семьи. Значит, дочки у него действительно есть, будем иметь в виду. Кроме этого, разная мелочёвка, тот курил, и «наган» с горстью патронов к нему. Не успел я до конца изучить документы встречающего, как откинулся тент, и Лосев немного странным гласом позвал меня:

- Командир, подойди.
- Присмотри за этим живчиком. И да, посмотри голенища сапог, тот вполне может прятать там финку, опытный, – велел я Бабочкину, и пока тот,

подойдя к связному, обыскивал его, уже куда тщательнее, я подошёл к заднему борту.

Лосев, подсветив кузов, выяснил лежавшее тело в форме сержанта милиции.

– Я уже посмотрел, ножом ударили, прямо в сердце. Там рядом ремень с кобурой и подсумками, и карабин, видимо его оружие. Кобура пуста, «наган», похоже, был.

– Понятно.

С силой потерев лицо, отчего-то на меня снова и снова накатывало сонное состояние, и выброс адреналина во время прыжка не сильно его прогнал, я подошёл к левому борту, где лежал связной. Бабочкин продемонстрировал находки. Шило без ручки нашёл за воротником, лезвие от безопасной бритвы в рукаве и нож с двусторонней заточкой в голенище сапога, вытерт хорошо, но и так ясно, что убили сержанта именно им. Совсем молоденький на вид был, и двадцати не исполнилось. Лосев подтвердил, документы у того в кармане были, девятнадцать лет, участковый.

Ухватившись за воротник, я поднял связного и, выдернув кляп, спокойно сказал, слегка запугивая:

– Умрёшь ты не быстро, не волнуйся, потом мы заедем к твоей семье, поверь, они до суда не доживут. За что сержанта убил?

Тот криво усмехнулся, Бабочкин подсветил его лицо, и я впервые по-настоящему рассмотрел его. Обычное лицо ничем не примечательного человека, посмотришь, и не вспомнишь. Неприметный шоферюга. Тот же, ухмыляясь, едко ответил:

– Да я этого гадёныша за дело прирезал. Думаешь, он тут шпионов ловил? Как же. Поле на днях убрали, картофель, вот и отлавливали жителей деревень, что приходили собирать неубранный урожай. Не птицам же его отдавать, а тот охранял государственную собственность, лучше пусть гниёт, чем людям. Твари, ненавижу!

– Ну да, тут ты в чём-то прав, – задумчиво покивал я, мне подобные ситуации самому были непонятны. Я о таких случаях слышал, но гораздо позже, с сорок третьего до сорок пятого, а вроде в сорок первом такого еще не было.

– А ещё он на месте высадки бдел, остановил меня, дурачок, вот и закинул его тело в кузов. Думал, где в дороге избавлюсь. По пути в город у нас несколько речек, две вброд проезжать будем, хотел притопить.

– Ой, врёшь про поле, ой, врёшь, – покачал я головой. – Ладно. Бабочкин, в кабину, выезжаешь на дорогу, она вроде вон там, и

направляешься к городу, а мы с этим типчиком в кузове более предметно поговорим. О командире группы, радисте и остальных.

– А где Москва, товарищ майор? – уточнил тот, и когда я указал, направился к кабине.

А вот связной задёргался, он и так понял, что мы не те, за кого себя выдаём, но надеялся до последнего, что это может быть проверка, а тут такое. Вот он и завыл. Лосев ловко вбил ему кляп и поволок к кузову, Бабочкин устраивался в кабине, я помог старшине закинуть связного в кузов и, подсвечивая, показал бойцу, что тут и как, так что, догоняя уже стронувшуюся машину, забрался в кузов и стал заниматься допросом. Машину на поле изрядно трясло, но чуть позже стало легче. Видимо, на полевую дорогу выехали, боец не гнал, ехали тихо, так что можно было поработать.

Связной меня удивил, он так нас ненавидел, что молчал, точнее ругался, плевался и орал, но ничего не говорил больше получаса. Работали мы спокойно, труп нам не мешал, даже добавлял антуража, отомстим мы за сержанта. Разговорить его всё же получилось, и так как тот был достаточно осведомлённым, я узнал немало сведений. Тем более тот работал в наркомате лёгкой промышленности и имел настоящие документы, коренной москвич, мог ездить где хотел, как наклепает путевых листов, так и ездит. Его сообщник из того же наркомата прикрывал его неслужебные поездки. В общем, для немцев незаменим, его частенько использовали, а он примечал многое, да и не последним человеком у немцев был. Как ни пытался доказать мне, что он простой связной и водитель, это ему не удалось, и он продолжил каяться. К шести утра, когда мы оказались в окрестностях Москвы – маршрут, самый безопасный, описал нам связник, – план у меня уже был готов. Так что, пока связник всё так же лежал в кузове под присмотром старшины, я перебрался в кабину и стал показывать, куда ехать. Карта Москвы у меня имелась, да пока шёл допрос, Лосев распотрошил все трофейные сидора, и теперь хотя бы знаем, что в них. Например, карта Москвы. Тридцать седьмого года выпуска. Я четыре года в Москве жил, в служебной квартире, многие улицы знал и приметил, что на этой карте некоторые имеют другие наименования. Значит, устаревшая, но всё равно с интересом изучал, окраины города я всё же плохо знал.

Тут меня отвлёк Бабочкин, как раз показалась Москва:

– Командир, топливо на исходе.

– Тормози, – кивнул я, не отрываясь от карты. – Там в кузове бочка стоит полная, ведро и шланг имеются, заправляй.

Тот, притормаживая, свернул на обочину и остановился, и пока они с Лосевым гремели в кузове, старшина сливал бензин в бочку, а Бабочкин носил к баку и через воронку заправлял машину, я уже закончил с мелкими деталями плана, можно было ехать.

Всё же торопиться я не стал. В планы это не вписывается. Поэтому покинул кабину и, используя капот как стол, стал писать рапорты. В планшетке два блокнота было и командирская тетрадь, бумаги хватит. Потом часть блокнота заполнил листами допроса связного. Раньше я этого сделать не мог – а как писать в движущейся машине? – но к счастью, с памятью у меня было всё в порядке, и я так сухими строчками доклада описывал большую часть того, что узнал от связника, но не всё, адреса резидента и радиостанции, где боевая группа склонилась, описывать не стал. Также написал новый рапорт от имени майора Корнева о своих дальнейших действиях в тылу противника, от момента, как покинул захваченный аэродром. Как взорвал мост с диверсантами и как, выяснив их задание, надел личину диверсантов и теперь со своими бойцами находясь в Москве, работаю по диверсантам. Я понимаю, что буду это делать тупорно, но у меня стоит задача предотвратить покушение, а тут все средства хороши. Кстати, ещё написал два наградных листа на старшину Лосева и младшего сержанта Бабочкина. Обоих представил за последнее дело к ордену Красной Звезды. Наверняка похерят, как и остальные, но что-то должно проскочить, парни заслужили.

Я почти час писал, за это время бойцы успели перекурить, точнее Лосев подымил, а также приготовить завтрак, и мы поели. Я минут на десять отвлёкся. Мимо стали проскакивать машины, и довольно много, деревенские на телегах и пешком появились. Бойцы по привычке изображали пост, причём Лосев стоял так, чтобы кузов и связника видеть, ни на секунду не хотел терять того из вида, тоже видел, что тот кручёный и может попытаться освободиться. Завтракали мы запасами диверсантов и связника. У диверсантов свежий хлеб и советская тушёнка была, у связника – шмат сала с хлебом, шесть варёных яиц, луковиц пара, три солёных огурца и жареная куриная нога. Всё подмели, но тушёнку не трогали, НЗ, а запасы связника все съели, вполне хватало. Жаль, у того термоса не было. Горячим чайком бы побаловались. У диверсантов, к сожалению, тоже не было.

Дальше, когда я закончил, время за семь перевалило, велел распопрошить сидора, оставили только то, что нужно, несколько толстых пачек советских рублей, тушёнку, припасы, гранаты, патроны и комплекты документов и командирских удостоверений на разные имена. Нашивки и

петлицы разных родов войск тоже. Могут пригодиться. Запалы, запасные батареи к рации, и всё такое в кузове сложили.

Скомандовав грузиться в машину, проверил, как застёгнута планшетка, сам сел на место пассажира в кабине, и мы покатили в город. Поста на этой дороге не было, сведенья, полученные от связника, подтвердились, покрутившись по улочкам, мы выехали на центральную, эта уже имела брусчатку, и немного потряслись по ней, пока грузовик не остановился у одноэтажного здания с надписью «Милиция» над дверью. Синей краской на белом фоне было написано. Бойцы тут же покинули кузов и, держа оружие наготове, поглядывали вокруг, а я, покинув кабину и не закрыв дверцу, стремительным шагом прошёл в здание. Выскочивший молоденький милиционер с пустыми петлицами открыл мне дверь. Дежурный был в звании младшего лейтенанта, и я с напором начал говорить, предъявив своё удостоверение командированного из Казани сотрудника НКВД:

– Моей группой ночью был взят связник немцев, ожидающий высадки парашютистов. Она прошла удачно, парашютисты приземлились, и в бою с нами частью были перебиты, частью захвачены. В кузове захваченной нами машины находится тело сержанта, участкового. Его связник как свидетеля убрал. Вот тут мой рапорт на имя товарища Берии, тот лично курирует эту операцию, его вместе со связником и листами допроса немедленно доставить в наш наркомат. Тело вашего коллеги из машины выгрузить. Парашюты немецких диверсантов забрать. Мне нужен водитель, хорошо знающий город, и пять-шесть милиционеров для оцепления. Нужно взять штурмом два дома с немецкими диверсантами и их пособниками. Пока мы будем использовать машину связника, наша в ночном бою пострадала, но потом ваш водитель пригонит её сюда, всё же вещественное доказательство. Ещё немедленно отправьте группу в наркомат лёгкой промышленности для ареста подручного связника немцев. Его данные в моём рапорте сверху.

– Понял, товарищ младший лейтенант госбезопасности, – внимательно выслушав меня, кивнул дежурный, снимая трубку телефона. – Сейчас всё будет.

Закрутилось всё действительно на удивление быстро. Начальника отделения милиции на месте не было, находился у руководства на совещании, но его зам присутствовал, вот он и вышел на улицу, где я наблюдал, как тело сержанта трое милиционеров спускают на расстеленную на брусчатке шинель. Оружие, ремень и документы Бабочкин сотрудникам милиции уже передал, как и свёрток с вещами

связника, включая орудие убийства, и теперь, присев, показывал невысокому живчику с треугольниками старшего сержанта, где у связника был тайник с парашютами, и тот его вскрывал. Ещё один сотрудник вёл всему этому опись, оформляя приём всего, что мы привезли. То есть сотрудники милиции не тормозили, и делалось всё действительно быстро. Я попросил поторопиться, вот те и не меддили. Самого связника уже не было, его первым делом под конвоем увели в здание. Тот лишь глазами рыскал, полными ненависти, за что схлопотал от одного из милиционеров в бок. Не понравился тому его взгляд. Этому же милиционеру досталось от дежурного, что выходил на улицу. Так вот, зам начальника отделения тоже оказался в звании старлея, он представился и уточнил, чем может помочь. Покивал, когда я повторил то, что уже говорил дежурному, и решил, что будет командовать выдаваемой помощью, на что я не возражал. Когда наконец кузов был освобождён, я даже бочку бензина приказал снять, после этого велел старлею построить людей. Мои остались у заднего борта грузовика, им что-либо объяснять не требовалось, я уже расписал действия каждого, и те только наблюдали. В строю оказалось семь милиционеров, включая водителя, и сам зам. Тот доложился о том, что построение закончено и, осмотрев строй молодых и нет милиционеров, я сказал негромко, но с силой в голосе:

— Товарищи милиционеры, задание, которое ляжет на вас, ответственное и вполне опасное. Ваша задача — прикрывать подступы к тем домам, где находятся немецкие диверсанты и их подсобники. Задачи брать их живыми никому не ставится, задача — захватить или уничтожить. Эта группа отправлена немецким командованием, чтобы убить товарища Сталина, поэтому быть внимательными ко всему. Предатель из руководства сообщил, когда товарищ Сталин поедет и по какой дороге, там должна быть устроена засада с минированием дорожного полотна. В наших силах не допустить этого. Непосредственных исполнителей, минёров, мы уже ликвидировали, осталась прочая группа. Поэтому если есть возможность взять диверсанта или пособника живыми, можно брать. Нет такой возможности — огонь на поражение. Никто винить вас в их гибели не будет. Операция разбита на два этапа. Захват старшего и его радиста. Непосредственно захватом заниматься буду я со своими бойцами, ваше дело, как я уже говорил, контроль подступов. Добавлю, не отсвечивать и не маячить на виду, занимать позиции лёжа или присев в укрытии. Помните о жителях столицы, постарайтесь не допускать их в место проведения операции, заворачивайте на параллельные улицы, нам случайные жертвы не нужны. Мы не немцы. Противник не должен вас видеть до последнего

момента. Мы будем работать под диверсантов, под немецких диверсантов, именно поэтому на нас их форма с вшитыми во швы опознавательными знаками и их документы, пароли-яркие нам известны, это облегчит проникновение и позволит сблизиться вплотную, что обеспечит бескровный захват. На этом всё, в машину.

Милиционеры, которые слушали очень внимательно, тут же подбежали к заднему борту, мои бойцы сначала их пропустили, старлея тоже, а потом и сами забрались. У обоих бойцов были ППД, как и у меня, а вот у всех милиционеров только карабины, плюс у троих, включая зама, пистолеты или «наганы». Устроившись в кабине, про наблюдал, как водитель, запустив двигатель, поворачивается ко мне, сообщил ему адрес. Причём велел остановить машину за углом на соседней улице. Тут минут пять ехать, быстро окажемся на месте. Так и вышло, когда водитель остановил грузовик, я вопросительно посмотрел на него.

– За углом нужный дом, товарищ младший лейтенант госбезопасности. Метров сто до него. Два подъезда, судя по номеру квартиры, подъезд второй, второй этаж, крайняя слева квартира. Окна выходят и во двор, и на другую сторону здания.

– Понял. Распашонка, значит.

Покинув кабину с автоматом на правом плече, я прошёл к заднему борту и приказал:

– Бойцы и три милиционера, покинуть машину.

Когда приказ был выполнен, я велел им привести оружие к бою, проверил свой автомат, взвел затвор, и при этом ставил задачи старлею:

– Значит, пересядь в кабину, посоветуйся с водителем, как объехать этот дом по соседним улицам, и встань на другой стороне. Там высадишь ещё двоих, тоже пусть укрытия занимают, а сам... Давай часы сверим. – После сверки часов я продолжил: – Ровно через десять минут подъезжаешь к нужному дому и сигналишь. Это будет сигнал нам. Там по ситуации, или нам действовать, или кто-то из моих бойцов выйдет, сообщит, взяли мы немцев или нет. Всё, езжайте.

Старлей пересел в кабину, и грузовик, обдав нас выхлопом, укатил, а я поставил задачу трём милиционерам, опытным глазом фронтовика найдя двум укрытия у заборов, а третьему указал на открытое чердачное окно одного из домов, откуда просто отлично было видно улицу. Пусть любыми путями займут там позицию. После этого поправил лямку сидора, у бойцов были такие же, осмотрел их и тихо спросил:

– Ну что, готовы?

– Волнуемся немного, а так да, готовы, товарищ майор, – ответил за

обоих Лосев.

– Обращаетесь пока согласно званию в петлицах, а то так подставитесь и меня подставите. Ну, всё, идём.

Мы уверенно завернули за угол и направились в сторону нужного дома. Судя по номеру, он и есть. Оба бойца следовали за мной. Пройдя во дворик со стороны улицы, мы, не останавливаясь, направились к подъезду. Зашли в него и стали подниматься по скрипучим ступенькам деревянной лестницы. Лишь Бабочкин шепнул мне на ухо:

– Из окна той квартиры кто-то следил за нами, занавеска шевелилась.

– Я видел, – так же тихо шепнул я.

Мы подошли к двери квартиры, вежливо пропустив вниз женщину с тазиком стираного белья, и я постучался в дверь условным стуком. Ответили почти сразу.

– Кто? – прозвучал дребезжащий старческий голос.

– Товарищи жильцы, нас отправили к вам на постой.

– И что, бумага имеется?

– А то ж.

Щёлкнул замок. Подслеповато щурясь, на нас смотрел сгорбленный седой стариk в накинутой сверху жилетке из овечьей шкуры. Тот пошамкал ртом и, отступив, дал нам дорогу, сказав:

– Ну что ж, заходите, гости дорогие.

Пароль и отзыв были правильные, встречал нас тот, кто должен быть, так что мы прошли в комнату, из которой вышел настоящий здоровяк в комсоставских сапогах, чёрных штанах, рубаха белая была, а сверху кожаная коричневая куртка, такая же кожаная кепка довершала композицию резидента, а это он был. Описание внешности полностью совпадало. Между прочим, чистокровный немец, а по-нашему шпарит не хуже нас самих. Только вопрос тот задал на немецком:

– Почему четверо, и где Светлов?

– Подранили Светлова, – хмуро бросил я на том же языке, снимая автомат с плеча и кладя его на стол, стоявший в центре зала, и сел на стул, бойцы остались у входа в зал. – Сержант, местный участковой, ретивый оказался, ловил тех, кто с колхозного поля картошку будет собирать, а засёк нас. Светлов убит. Часа три кровью харкал, пока не отошёл. Четвёртого при высадке не было. Ха, нас с начала операции сопровождали неприятности. Русские диверсанты мост взорвали, нас задержали, едва успели к вылету, так ещё поранили моего солдата. Машину мы оставили на соседней улице.

– Всё сходится, я уже получил свежую шифровку, и о взрыве на мосту и ранении радиста в курсе, – пристально нас рассматривая, сказал

резидент. – Значит, так, вас сейчас отведут на квартиру, пока жить будете там, у нас проблемы со взрывчаткой. Ничего критического, просто вывезти сможем из тайника только завтра. В остальном...

Пока тот говорил, я лениво осматривался, и мне не нравилось, что как на кухне, так и в другой комнате кто-то был. То половица скрипнет, то занавеска шелохнётся. Значит, охрана у резидента есть, а его нужно обязательно брать только живым, для чего и пришлось представляться диверсантами, охрана нас нисколько не волнует. Слушая резидента, свободно висевшей рукой показал три пальца. Это сигнал, начинаем. Схватив резидента за полы куртки, я швырнул его бойцам в объятья, те хорошо встретили: Бабочкин прикладом в солнечное сплетение, а когда тот согнулся, Лосев добавил по затылку. Это всё было отработано, старшина хоть и пару раз всего ездил с нами в патрули, но руку в этих действиях набить успел. Сам я, схватив автомат со стола, взял на прицел комнату, тогда как Бабочкин держал на прицеле кухню, а Лосев склонился над резидентом, накидывая на руки верёвочную петлю, чтобы захлестнуть их за спиной.

Тут-то события и понеслись вскачь. Стариk, который только что закрыл дверь и, шаркая тапками, входил в зал, с неожиданным проворством вытряхнул из рукава финку и полоснул Лосева. Удар должен был пройтись в грудь, но тот хоть и не ожидал от старика таких действий, почти успел уйти. Резаная рана предплечья – вот результат ошибки старшины. Старика нужно было отслеживать постоянно. При этом стариk успел крикнуть, так что я дал две коротких очереди в открытую дверь, пятная занавеску пулевыми отверстиями, ещё и косяк зацепил – брызнула щепа, а Бабочкин, также дав пару очередей, резко развернулся, сбил прикладом старика на пол, тот второй замах попытался сделать, и, приставив к его груди ствол автомата, дал короткую очередь. Тот дёрнулся и затих. В это время в зал влетела граната, брошенная из спальни, «лимонка», и я сам не ожидая от себя такого проворства, зафутболил её обратно в спальню, крича:

– Ложись!

Грохнул взрыв, и после него, вскочив, мы разбежались. Сержант защищал кухню, там прозвучала короткая очередь, видимо был кто-то, Лосев, несмотря на рану, продолжал вязать резидента, пятная кровью пол, а я влетел в спальню. После подрыва такой гранаты вряд ли кто сможет меня встретить выстрелом, окно было распахнуто, из рамы торчали осколки, но само помещение оказалось пусто, выглянув наружу, я тут же отшатнулся, когда диверсант в форме лейтенанта госбезопасности дважды выстрелил из пистолета в окно. Чуть не попал, скотина. Ловок, я бы так не сумел. Он

выскочил на улицу и дёрнулся в сторону, когда моя очередь ударила у его ног, а был я на поражение. Ствол вбок увело. Тот, стреляя не глядя, просто пытаясь задавить огнём, имел все шансы уйти, у меня патрон перекосило, и я пытался вытащить из кобуры ТТ, когда подлетевший и резко затормозивший «захар» боднул его бампером, отчего лейтенант пропахал носом брускатку, а выскочивший из кабины старлей тут же стал крутить диверсанта. Водитель бросился ему на помощь, потому как лейтенант вертелся, визжал, кусался и пинался, но не давался. С обеих сторон слышался топот, милиционеры из оцепления бежали к нам. Где-то кричала женщина, были видны любопытные, включая тех, что из нашего дома, две женщины торопливо уводили детей из соседнего подъезда. Да уж, повоевали, но кто ж знал.

Свистнув, чтобы привлечь внимание, крикнул старлею, чтобы, как повяжут диверсанта, шёл сюда. Те только вчетвером, да и то с трудом удалось скрутить диверсанта. Причём двоим тот умудрился пустить юшку из носа. Матёрый. Вернувшись в комнату, я обнаружил Лосева сидящим на резиденте, а Бабочкин накладывал ему аккуратную повязку на руку.

– Докладывайте, – приказал я.

– На кухне женщина была, по описанию – радиостка. Та, что немка. Мертвa. Пыталась шифроблокнот скечь, я не дал.

– Рация в спальне в шкафу, покоцанная осколками, – кивнул я. – Что с рукой?

– Шить надо.

На это я с горечью покачал головой, отчего Лосев пригорюнился, чувствуя свою вину. Я направился открывать входную дверь, так как на лестнице уже был слышен топот сапог. Старлей, забежав в квартиру и осмотрев разрушу, покивал, приметил также радио в шкафу и стал выслушивать мои приказы. Оставить двух бойцов на охране, в ожидании спецов из НКВД, остальным грузиться в машину, и выдвигаемся на следующий адрес. Это ещё не всё. Так что мы бегом спустились, и пока шла погрузка в машину, я поинтересовался у Лосева, как он. Похоже, в следующей операции участвовать тому не придётся. Так что, когда старшине помогли забраться в кузов, я прошёл к кабине и приказал ехать в госпиталь. Там Лосева приняли врачи, их задача – обработать и зашить рану, а мы сразу поехали дальше. Кстати, ППД старшины я забрал, передал его временно одному из милиционеров, он будет подстраховывать нас. В этот раз в операции будут участвовать все, хотя бы в оцеплении. Когда мы подъехали к нужному адресу, грузовик снова остался за углом соседней улицы, я приказал высаживаться, и, вышагивая перед строем милиционеров

и одного бойца НКВД – это Бабочкин в строй встал, – ставил задачи, при этом особо на зевак не обращая внимания.

– Товарищи милиционеры, перед нами стоит новая по важности задача. Мы срубили голову немецкой резидентуре, но остались её руки, силовая группа. Наша задача и состоит в её ликвидации. В одном доме, даже в одном подъезде в двух квартирах стоят на постое немецкие диверсанты и их приспешники, это, возможно, известная вам воровская шайка некоего Аристократа. Наша задача – взять обе квартиры штурмом одновременно. Опять-таки я буду брать их со своим бойцом. Вы на подстраховке вокруг здания, если будут выпрыгивать из окон – по ситуации, откажутся поднять руки – стреляйте на поражение смело. Всё, расходимся.

Машина осталась, водитель встал около неё и не пускал никого на ту улицу, куда мы быстрым шагом ушли. Двигались, откровенно говоря, не по улице, наверняка у воров стоит кто-нибудь на стрёме, а, перебравшись через забор, прошли по частному яблоневому саду и вышли к забору, за которым была территория двухэтажного дома. Отлично, с этой стороны стояли столбики, на которых висело стираное постельное бельё, они и прикрыли нас, пока мы, выбив одну рейку, протискивались на территорию приусадебного участка этого многоквартирного дома. Кстати, тут множество арок и дворов, если кого упустим, уйдут дворами, вот я старлею и приказал их перекрыть. Тут, правда, не их зона ответственности, но он начал расставлять людей, а мы с Бабочкиным и милиционером – тот фронтовик, в Финской участвовал добровольцем, да и медаль «За отвагу» это подтверждала – проникли в подъезд, прокравшись к нему вдоль стены. Бабочкин и его напарник из милиционеров стали на цыпочках подниматься на второй этаж, они на пару будут брать шайку Аристократа, а я подготовил четыре гранаты, достал их заранее из сидора и снарядил, и сейчас те висели на ремне, вот я и стал разжимать усики.

Тут вдруг снаружи раздался крик:

– Шу-у-ухе-ер! Лягава-ае-е!

Так что короткой очередью разнесся замок, я выбил дверь и швырнулся внутрь первую гранату. Дверь открылась не до конца, она оказалась чем-то подпёрта, но граната в коридор улетела, и я крикнул, предупреждая:

– Бойся!

Милиционер не понял и остановился на верхней площадке, но Бабочкин, зная, что их не достанет, стал уже расстреливать замок, выбил дверь и, повторяя мои действия, стал закидывать внутрь гранаты. Милиционер его поддерживал. Потом, переждав разрывы, они зашли

внутрь, стреляя и крича, чтобы все ложились и не смели шевелиться. В общем, огнём выдавливали тех, кто выжил, на улицу, а там под окнами их ждут. Я занимался примерно тем же. Переждав разрыв своей гранаты, ловко закинул в приоткрывшуюся взрывной волной дверь одной из комнат вторую гранату, снова прокричав, чтобы все боялись. Дальше, ещё дважды ударив ногой по двери, чтобы та распахнулась, клинили её, оказалось, стулом, и пройдя в коридор, по очереди накидывал на ручки дверей верёвочную петлю и с лестничной площадки дёргал. Как оказалось, зря, не минировано, да и пока я возился, всё было кончено. Двоих диверсантов были убиты моей гранатой, когда та влетела в приоткрытую дверь, ещё четверо держали под окнами, на приказ поднять руки и сдаться те открывали огонь из пистолетов и автоматов, вот и получили от залёгших в укрытии милиционеров. Проверив квартиру, никого не обнаружил, потом поднялся к Бабочкину. Они тут взяли двух оглушёнными, один вор был убит, двое раненых. Ещё двое под окнами лежали. Одного милиционеры застрелили, второй сломал ногу, прыгая из второго окна.

Обе квартиры сразу же заполонили милиционеры, всё осматривая. Забежавший к нам старлей только восхищённо качал головой, против такой группы они кровью бы умылись, а тут без потерь. Я лишь смущенно улыбнулся, понимая, что нам тупо повезло, без подготовки на шару полезли, и так всё закончилось. Нас спасли гранаты, именно они выдавили противника наружу, заставляя покидать квартиры через окна, а там милиционеры, под их выстрелы попадали. Вот и всё.

— Держи, — сняв с плеча автомат, протянул старлею, потом снял и также передал чехол с запасным диском, добавив: — Подарок.

Посмотрев на Бабочкина, я велел ему тоже передать милиционерам свой автомат и запасной диск, автомат Лосева и так был у них, так что, похлопав старлея по плечу, посоветовал сразу колоть ворьё на связь с немецкой разведкой, отправить человека за помощью, ну и ждать сотрудников НКВД, а сам отправил Бабочкина наружу, машину ловить. И сидора из кузова грузовика забрать, тот милиции оставался. Да вон, судя по шуму движка, он уже въезжал во двор. Дальше передал планшетку старлею, тот активно включился в дело, колол ворьё, и уже были интересные результаты, в планшетке были документы, что мы взяли с диверсантов, я только при себе пустые бланки оставил. Также в планшетке было удостоверение сотрудника НКВД, под личиной которого я сейчас работал, командировочного из Казани.

После этого, распрощавшись, выбежал из подъезда дома и быстро подошел к открытой двери чёрной «эмки», у которой стоял Бабочкин, ему

этую машину удалось тормознуть, и сел внутрь и приказал везти нас в госпиталь, сообщив адрес водителю. Когда машина уже поворачивала за угол, я обернулся на возглас сидевшего сзади сержанта и рассмотрел, как у въезда во двор дома, где только что произошёл штурм, останавливаются две полуторки, кузова которых быстро покидают бойцы в таких же фуражках, как у нас. Едва успели, а шустро люди Берии сработали, не только на информацию о диверсантах с их особым заданием стойку сделали, но и на то, что я в Москве. А ведь я знаю, как они меня ищут. Хм, надо бы газет местных прикупить, почитать, что пишут, а то мы давно оторваны от цивилизации, связи не имеем.

– Чёрт, – пробормотал я и велел водителю не останавливаться и ехать дальше. В госпиталь нам было уже не нужно.

Подъезжая к госпиталю, а тот за кованым забором находился, вся территория и стоянка у ворот как на ладони, рассмотрел, как двое сотрудников НКВД, можно сказать нежно придерживая под руки, сопровождают старшину к такой же «эмке», что была у нас. Рука у старшины была на косынке. Причём я понял, что обращение с ним было предупредительно-вежливым. Видимо, сверху спустили такой приказ.

– Тормози, – приказал я водителю, от ворот мы не успели далеко отъехать.

Выйдя из остановившейся машины, я махнул рукой, чтобы один из сопровождающих Лосева бойцов заметил движение боковым зрением. Тот заметил и возгласом привлёк внимание остальных, напарника и водителя машины, включая старшину, а когда тот посмотрел на меня, я сложил щепоткой пальцы и, приставив ко рту, сделал жест, как будто говорю, убрал и согласно кивнул. Таким образом давая тому разрешение сообщить следователям, что будут с ним разговаривать, всё обо мне, без секретов. На что старшина кивнул, разобрав, что я имею в виду. Вытянувшись по стойке смирино, я чётким движением отдал ему честь и успел сесть в машину, когда бойцы НКВД вышли из оцепенения и бросились к воротам. Да поздно было, мы уехали. Недалеко, через квартал мы отпустили водителя, тем более тот служащий, а ему ещё за начальником ехать, и направились по улице в один из дворов.

– Я тебе один дом покажу, – сообщил я Бабочкину. – У меня там служебная квартира была. Она мне очень нравилась, двухкомнатная на меня одного.

– Товарищ майор, нас же искать будут? – поправив оба сидора, свой и Лосева, мой за спиной у меня был, сказал Бабочкин.

– Конечно будут, кстати, нужно сменить одежду, и я знаю, как это

сделать. Дом, в котором я жил, нам и поможет.

– Это как?

– Увидишь. Идём.

Мы прошли улочками до нужного двора и, свернув в арку, сразу направились к нужному подъезду. А вообще это был тупиковый квадратный двор с небольшим сквером в центре, и в него выходило шесть подъездов, дом был номенклатурный, но интересовал меня третий подъезд. Именно там я и жил. В стороне, у шестого подъезда шаркал метлой дворник, который бросил на нас пристальный взгляд, я знал, что он работал на ту же организацию, и как ни в чём не бывало продолжал мести. Ну, а мы, пройдя через дверь с тугой пружиной в фойе, где находились стол консьержа, лифтовая клеть и лестница, что её обивала по кругу, подошли к консьержу. Тот был на месте.

– Вы к кому, товарищи? – поправив левый рукав рубахи, спросил тот.

Это был мужчина лет сорока с хорошо видной военной выправкой. Одна нога у него плохо гнулась, вот его и пристроили на эту работу. Кстати, он и при мне работал, и бывало, мы с ним гоняли чаи, ничего так мужик, но себе на уме.

– Здравствуйте, Наум Ильич, – поздоровался я. – Не стоит так смотреть на меня, пытаясь вспомнить, лично мы пока не знакомы. Майор Корнев, Андрей Иванович. Вы должны были слышать о действиях моей группы в газетах. Майор К., моторизованная группа которого уничтожила в немецком тылу штаб и фронтовой аэродром немцев. Взяла в плен двух генералов.

– Что-то такое припоминаю, – осторожно пробормотал тот, пристально нас изучая.

– Руки уберите от тревожной кнопки, – направив на того пистолет, слегка улыбнулся я. – Не беспокойтесь, чуть позже ситуация разрешится, и надеюсь, обойдётся без проблем. Тем более помню, как вы мне рассказывали за чаем, как со Стариковым работали в Испании. Подрыв того поезда я считаю легендарным для советской разведки. Кстати, помнится, вы наградной «валтер» за поясом носите. Осторожно достаньте его и положите на стол. Бабочкин, заберёшь оружие, осторожно с ним, тот и так поцарапан, не стоит наносить оружию новых повреждений. Тем более потом нужно будет его вернуть уважаемому ветерану нашей внешней разведки.

– Что дальше? – положив руки на столешницу и проследив, как его наградной пистолет исчез в кармане галифе сержанта, спросил консьерж.

– А дальше ответьте, Сергей Павлович в своей квартире или ещё на

работе? – спросил я и тут же пояснил Бабочкину: – Это профессор-химик, подо мной жил, он имеет великолепный гардероб на все случаи жизни. Там можно подобрать одежду как мне, так и тебе. Хотя у нас и размеры разные. Ключ, пожалуйста.

Повернувшись, консьерж открыл шкафчик и достал ключ.

– Ещё вопрос, квартира под номером четырнадцать занята?

– Жилец недавно съехал, – хмуро ответил тот.

– Отлично, и ключ от этой квартиры ещё.

Забрав ключи, я повёл консьержа к квартире профессора. Тут действительно оказалось всё, что нужно. Сложеные сидора убрали в кофр, сначала опустошив их, потом подобрали одежду по размеру. К профессору часто ассистенты, с которыми тот работал, заглядывали, ночевали, бывало, на них одежда тоже была. Поэтому и под меня костюм нашелся, и для Бабочкина.

– Ну ты и франт, – улыбнулся я, с интересом разглядывая сержанта. Бабочкину костюм действительно шёл, а когда тот надел шляпу, так совсем стал похож на американского гангстера тридцатых годов.

Наша форма с сапогами и ремнями ушла в чемодан, оружие убрали за пояс. Потом покинули квартиру профессора, кстати, я демонстративно оставил пачку банкнот, попросив консьержа объяснить, что это в качестве оплаты и моих извинений. Потом мы поднялись в квартиру номер четырнадцать, мою бывшую, где обошли все комнаты. Да, даже ностальгия накрыла. Частью той мебели, что сейчас стояла, и я пользовался.

– Ничего не изменилось, – осматриваясь, вздохнул я. – Даже замок в ванную всё так же изредка клинит. Кстати, когда я тут жил, случайно тайник нашёл, пустой, заинтересовался и стал искать – вдруг есть? И действительно нашёл. Не пустой.

При обоих зрителях я сначала показал пустой, в нём действительно ничего не было, а потом и тот, где имелись находки. Причём открыл и, не глядя внутрь, по памяти перечислил, что там было. Устаревшие пустые бланки советских паспортов, пара печатей и такие же старые банкноты, советские. Ну, и набор фальшивомонетчика. Всё так и было. Набор я забрал, остальное оставил. После этого, прихватив обоих свидетелей и зрителей с собой, спустился в холл, где вернул оба ключа и попросил дать ключ от квартиры под номером три, и протянул его Бабочкину.

– Открой окно и приготовься, будем уходить через него.

Тот кивнул и, прихватив все наши вещи, ушёл, чуть позже щёлкнула замком дверь квартиры. Пистолет консьержа остался у меня, так что, вдохнув, я сказал, посмотрев на Наума Ильича:

– Ну что, пора и пообщаться. Мне нужна связь с наркоматом НКВД, а точнее, лично с Берией. Связь по ВЧ у вас есть, а с Берией я сам свяжусь.

Всё так и было, ВЧ-связь имелась у всех консьержей подъездов, если звучал срочный звонок, тот поднимал жильца нужной квартиры и сопровождал к телефону. Сам телефон хранился в сейфе у консьержа. Мы прошли в каморку консьержа, где тот достал из сейфа массивный телефонный аппарат, и, спокойно вызвав телефонистку, сообщил свой номер и попросил дежурного по управлению НКВД, потом передал мне трубку. После этого консьерж устроился за столом и стал с интересом слушать.

– Лейтенант? – уточнил я звание дежурного, когда тот закончил представляться. – Вот что, лейтенант. Берию к телефону хочу. Срочно выходи на его секретариат и сообщи, что на связь вышел майор Корнев. Времени у меня мало, если быстро не свяжешь, пообщаться с твоим начальством я не успею, влетит не мне. Торопись, лейтенант.

– Ожидайте, – коротко сообщил тот.

Связали меня действительно на удивление быстро, похоже, на уши был поднят весь наркомат, и кого ищут, дежурному было точно известно, потому как не прошло и минуты разных щелчков и переключений, как я услышал знакомый голос с лёгким кавказским акцентом. Это точно был тот, кто мне нужен.

– Слушаю.

– Доброго дня, Лаврентий Павлович. Майор Корnev у аппарата. Рад снова вас слышать.

– Здравствуйте, Анатолий Александрович. Я не ошибся, это ваши настоящие имя и отчество?

– Всё верно, получил от мамы и папы.

– Лично мы с вами не знакомы, но я надеюсь, вскоре познакомимся.

– Это я вам не знаком, а с вашим, скажем так, двойником я знаком отлично, и на днях рождения его бывал, и к себе приглашал. Только ваш двойник меня всего пару раз посещал. Но дело сейчас не в этом. Вы уже в курсе причин моего появления в Москве?

– Да, и работаем по этому направлению.

– Отлично. Ваши люди бойца моего забрали, старшину Лосева. Хороший боец, вы особо на него не давите, он и сам всё расскажет, я лично попросил его об этом. Тем более он секретоноситель высшей категории. К вам Смирнова попала?

– Мы очень много с ней разговаривали. Поначалу не верили, а потом... Когда вы придёте к нам, товарищ Суворов?

– Отлично, – с некоторым облегчением вздохнул я и улыбнулся. – А то уж я опасался, что не долетели. Вернусь к Лосеву, пока есть время, в последнее дни я заставлял его учить информацию по месторождениям на территории Советского Союза. Всё, что знал. Где нефть находится, уран, алмазы и всё остальное. Он крепко всё вызубрил. Не то чтобы я предполагал отправить его к вам так быстро, но, как видите, пригодилось. Вы сможете отправить в те места поисковые партии, и они всё подтвердят. Сколько времени сэкономите! По поводу же моего прихода к вам, обещаю, что приду, но не сейчас. Я чужих ошибок повторять не буду.

– О чём вы говорите, какие ошибки?

– Понимаете, у вас есть не вся информация. Связь защищённая, поэтому скажу. Этот мир, в котором я сейчас нахожусь, у меня третий. У меня есть друг, Сева Суворов, просто однофамилец, он из двухтысячных годов попал в сорок первый, он лётчик, подготовленный по современным методикам, о которых сейчас и мечтать не могут, за всю войну Сева сбил больше сотни самолётов люфтваффе и является трижды Героем Советского Союза. Вот только когда он раскрылся, его в золотую клетку посадили, он как мог боролся, рвался на фронт, и изредка ему давали над своей территорией повоевать. Я тоже попал в тот мир, помогал в танкостроении, так как у себя проходил срочную службу в танковых войсках, был инспектором танковых войск. Родился и жил в Российской Федерации – это государство, образовавшееся после развода Советского Союза в девяносто первом. А в сорок седьмом была возможность отправиться в родной мир... В общем, я оказался у вас. Это был мой шанс, и вот воюю. Я же с фронтовиками общался, слушал их рассказы о четырёх годах этой страшной войны, и, как видите, использую их опыт. Поэтому говорю, я понимаю, как я вам нужен, но пример Севы всё ещё стоит у меня перед глазами. Поэтому я сам к вам приду, но или перед заморозками, или по ранению меня бойцы доставят, и никак иначе. Если погибну, война всё же, то сразу прошу прощения. А то я в том мире просидел в тылу инспектором, по заводам кочуя, а народ воевал, вот я и решил исправить ситуацию, чтобы совесть не мучила. Ещё, Лаврентий Павлович, в доме, из которого я звоню, есть четырнадцатая квартира, там она была записана на меня, прошу, сохраните её, мне она нравилась, и вид из окон тоже. Проспект красивый.

– Хм, я постараюсь.

– Извините, Лаврентий Павлович, как вы ни тянули время, но оно закончилось. Ваши волкодавы наверняка уже вычислили, откуда я звоню, и мчатся сюда, а мне, извините, пора, немцев бить нужно... Ещё, тут весь наш разговор консьерж слышал из третьего подъезда, мужик он

нормальный, но не на своём месте, отправьте его к Старинову, аналитикой и проработкой операций в тылу противника и с негнущейся ногой можно заниматься, а у него это неплохо получается. На этом прощаюсь.

Положив трубку на место, я достал пистолет и, покачав его в руке, показал консьержу.

– В третьей квартире заберёшь. И извини, что так подставил, но сам понимаешь, – развёл я руками.

После чего быстро покинул помещение и прошёл в квартиру, запер дверь изнутри и оставил пистолет на подоконнике, следом за сержантом покинул дом через окно, приняв вещи. Зеваки на тротуаре удивлённо остановились, милиционер было дёрнулся к нам, но замер, когда Бабочкина предъявил удостоверение сотрудника НКВД и сказал, что мы на задании. Так и ушли. Точно ушли, хотя район на удивление быстро оцепили. Да через ливневую канализацию. Зря, что ли, у нас фонарики сохранились?

Вышли уже далеко от зоны поисков, причём снова в форме НКВД. У меня были планы насчёт них, именно поэтому, найдя подходящее место в катакомбах, я достал бланки удостоверений, и пока Бабочкин мне подсвечивал, нарисовал новое удостоверение, в этот раз на старшего лейтенанта госбезопасности Корнева. Пригодился-таки набор фальшивомонетчика, ох как я мечтал о нём в тылу немцев, когда использовал подручные средства для подделки! Свежие метки на документы ещё немцы поставили, так что эта липа в первое время должна нормально работать, тем более предъявлять её спецам я не планировал.

Часть вещей мы укрыли внизу, потом заберём, а выбравшись наверх, осмотрелись и направились к одной из улиц, нужно поймать машину. Пока шли, Бабочкин поинтересовался:

– Командир, какие планы?

– Сейчас? Поищем ресторанчик или столовую и поедим, а то уже кишит кишкой играет. Потом ловим машину и едем на окраину. Там один интереснейший персонаж проживает. Очень хочется с ним пообщаться. Кстати, тоже связан с немецкой агентурой.

– Кто такой?

– Настоящий вор в законе. Но мне его дела побоку, тем более не сегодня-завтра его возьмут, связник сдаст, а интерес к нему у меня другой. Машина нужна, а у этого вора в тайниках и схронах есть несколько угнанных авто, причём с перебитыми номерами и фальшивыми документами. То, что нам надо. Берём его за шкирку, выбиваем машины и уезжаем. Едем в ближайший военкомат, показываем ксивы...

– Кого?

– Удостоверения. Показываем и говорим, что у нас приказ собрать особую группу. Лосева нет, а вдвоём работать не вариант. Окруженцы или освобождённые военнопленные – это конечно, но костяк из своих людей должен быть обязательно, вот и наберём его, причём официально и через военкомат. Пять-шесть, думаю, хватит. Когда наши про это признают, мы уже на территории немцев будем. Вот для мобильности и нужна машина. Кстати, этот вор, работая на немцев, добывал им военную форму. Причём зачастую снимая с убитых. Так что и бойцов оденем, есть что у того брать, и вооружим. Нас же армейские тылы не снабжают, придётся самим крутиться... О, смотри, какая симпатичная пельменная. Что-то пельменей захотелось, давай зайдём.

Мы и зашли, тем более Бабочкин водил носом не меньше меня и уже облизывался. К счастью, племени были, нам буфетчица сама и вынесла в глубоких тарелках с белыми пятнами сметаны. Хлеб свежий, корка так и хрустит, уксус, ядрёная горчица были вполне неплохи и пошли с пельмешками на ура. Мы так навернули с Бабочкиным, что даже слегка перенасытились. Тем более сержант с моего разрешения хлопнул пятьдесят граммов водки, чисто для аппетита, а я отказался, чаем отпаивался.

Посетители в пельменную то заходили, то выходили, пока мы с полчаса находились внутри. Особо на нас внимания не обращали, ну служивые, ну из НКВД, тоже живые, тоже есть хотят, так что пообедали мы спокойно. Пусть всего одиннадцать час, однако после того, что было, на еду нас серьёзно пробило. Когда мы допивали чай, я негромко сказал:

– Думаю, пока не стоит мелькать в этой форме, сейчас, скорее всего, всех в форме НКВД проверяют. Машина нужна.

– К вору едем?

– Я вот что подумал. А начнём-ка мы с военкомата. Наберём парней, вот и устроим им проверку на выбывание. Дело-то кровавое предстоит, людей у вора хватает, шестёрки разные крутятся. Так и поставим вопрос, специально будут проходить психологический тест, кто пройдёт, тот попадёт в нашу секретную группу осназа, нет – извиняйте, вы выбываете. Десять человек наберём, всё равно кто-то покинет группу.

– Красиво завернул, командир, – восхитился Бабочкин.

– Да это всё в процессе разработки, так, основу описал, детали пока проработать нужно. Ещё продумать стиль поведения с военкомом. Он ведь должен доложить по инстанции о покупателе. Сколько времени у меня будет, пока там не поймут, что такого команда нет и всё это липа. Ещё бумага нужна военкому, что мне разрешено у него набирать людей, с пустыми руками же не придёшь. Это всё прикинуть нужно. Час, во всяком

случае, у нас точно есть.

– Покупатель?

– Так именуют тех, кто отбирает людей в свои части прямо в военкомате.

– Забавно.

– Ну да. Ладно, выйди и поймай машину, поедем в военкомат. Просто скажем куда, в какой район привезёт, там и выйдем. По пути я и продумаю стиль поведения. Твоя же задача всегда стоять у меня за спиной вроде охранника и бросать вокруг полные подозрения взгляды. Подозревай всех, что они немецкие шпионы... Во-во-во, сохрани это выражение, тебе очень идёт. Потом включишь его в военкомате, а сейчас машину лови.

– Хорошо.

Я приглядывал за Бабочкиным в окно и видел, как тот уже через минуту смог остановить таксомотор, редкость в Москве в начале войны, повезло, так что я поспешил освободить столик, буфетчица благожелательно посмотрела нам вслед, чаевые я оставил. Велел везти нас сначала к магазину, а потом к военкомату, водитель даже не спросил, к какому, и уже минут через двадцать высадил у ближайшего. Тут волновалась довольно солидная толпа. Шёл новый набор москвичей в дивизии народного ополчения, и я решил, что нам повезло. О такой ситуации можно только мечтать. Мы спокойно прошли к дверям, Бабочкин шёл позади, хмуро поглядывая по сторонам, и все встречные сотрудники военкомата и призывники, видя его, старались податься в сторону. Молодец, хорошо играет. Мельком обернувшись, я заметил, что он ещё и руку на закрытую кобуру положил, что добавляло впечатления, но как мне кажется, явно было перебором. Висевший на плече у сержанта сидор лишь слегка покачивался по ходу движения. Уточнив у пары встречных работников путь к кабинету военкома – тот на обед сорваться ещё не успел, – мы дошли до нужной двери.

Предъявив удостоверение секретарше, я попросил срочно сообщить военкому о нашем прибытии. Мы, кстати, в одном звании с ним были, он майор, и я в табеле о званиях считался на уровне армейского майора. У меня и шпальты теперь в петлицах. В сидорах диверсантов была фурнитура на все случаи жизни, даже пилотки, сменил фуражку, перешил петлицы и нашивки на рукавах, и готово, сапёр, артиллерист или танкист. Только мы пока этим не воспользовались, просто заменил петлицы у себя, и всё. У военкома секретарём была женщина, она спокойно прошла в кабинет, неторопливой походкой, и так же выплыла из него и вежливо нас пригласила. Только Бабочкин остался в приёмной, лишь передал мне сидор,

а я прошёл внутрь. Майор был не один, тут находилось ещё два сотрудника военкомата, один в звании капитана, другой младший лейтенант. Представившись, я попросил сотрудников покинуть кабинет, и когда те сделали это, откинул горловину сидора, развязал завязки и достал бутылку настоящего армянского коньяка. Недавняя покупка из-под прилавка.

– Мы что-то отмечаем? – удивился тот, наблюдая за моими манипуляциями.

– Нет. Это благодарность за вашу будущую помощь, – вздохнув, сказал я. – Меня начальство поставило в такую позу. В общем, мне за неделю нужно сбить группу и отправить её в тыл противника, а ни людей, ни подготовленных специалистов нет. Вот я и решил через вас людей набрать. Желательно успевших послужить, имеющих воинские специальности. Если фронтовики, так совсем отлично. Спортсмены тоже пойдут. У меня меньше часа, успеем?

– Ну, мне хотя бы какие-то бумаги нужны, – сказал тот.

– Какие бумаги? Я проезжал мимо военкомата, и мне пришла идея к вам обратиться. Потом всё оформим, задним числом. Кстати, я всего трое суток как из немецкого тыла, трофеи есть. Вот пара плиток шоколада, под коньяк отлично идут, а это банка сладких фруктов. Детей порадуешь.

– Что, так припёрло?

– Во как, – ударил я по горлу.

– Ладно, поможем.

Тот убрал всё со стола в сейф и вызвал того младшего лейтенанта, который ранее уже присутствовал в кабинете, и приказал ему помочь подобрать людей, дав полистать личные дела призывников, ну и описал, кто мне нужен. Дальше мы уже с лейтенантом общались, прошли в его кабинет. Тот папки приносил, а мы с Бабочкиным, устроившись за двумя столами, изучали дела. К счастью, много дел не было, действительно приносили всё, что нужно. Так что мы подобрали опытного сапёра, тот ещё доты на линии Маннергейма рвал, спортсмена, занимался стрельбой из винтовки и на лыжах ходил. Потом трёх танкистов, двое из которых механики-водители, двух спортсменов, помощника повара из «Метрополя», молодого фельдшера и разбитного морячка, тот ходил ранее на бронекатерах, во время срочной службы. Морячок и один спортсмен, судя по личным делам, хорошо говорили по-немецки. Все молодые, пышут здоровьем и, думаю, рейды по тылам немцев выдержат. Показав на отобранные папки, я сообщил лейтенанту, что хочу пообщаться с этими призывниками. Пусть обеспечит это, причём как можно быстрее.

Тот сообщил, что приносил дела только тех призывников, что

присутствовали на площади и готовились сегодня к отправке в дивизии в качестве ополчения. Часть в запасные полки на учёбу. Не все ранее служили. Уже через десять минут мы с Бабочкиным прогуливались у строя призывников. Гражданская одежда, у всех вещмешки с личными вещами, удивлённые переглядывания, те не ожидали увидеть командиров НКВД, но вполне справная выправка и ровный строй. А ничего так, они мне нравятся. Вон, Бабочкин с Лосевым тоже были не бойцами, а вообще «партизанами», как называли тех, кого призывали на сборы, а сейчас натуральные волкодавы, давно расprobовавшие кровь противника и спокойно воевавшие с ним. Без нервов, как на привычной работе. Не как в первые дни, когда мне приходилось их успокаивать и сбивать всплески адреналина. Серьёзно их тогда потряхивало. Сейчас ничего подобного нет. Я надеялся, что и этот десяток сделаю такими же правильными бойцами.

— Товарищи призывники, — ещё раз осмотрев строй, сказал я, Бабочкин, стоявший за спиной, молча внушал поддержку, и я уверенно продолжил: — Сейчас вам предстоит принять непростое решение, которое изменит всю вашу жизнь. Мне нужны добровольцы, добровольцы для вступления в секретную группу осназа, она настолько секретная, что о ней мало кто знает. После изучения многих личных дел я выбрал вас. Сейчас вы можете решить, или вступить в мою группу, а я майор Корнев, её командир, или воевать общим порядком. У кого есть воинское звание, в нашей группе оно ничего не значит, там вы все будете рядовым составом, имейте это в виду. Лишь скажу, придётся много перемещаться по вражеским тылам, пускать под откос поезда, взрывать мосты и вражескую технику. Действовать в тылу противника мы будем до наступления заморозков, после возвращения вы отправитесь в школу осназа в качестве инструкторов, где будете делиться полученным боевым опытом. Итак, я даю вам десять минут, мне нужны те, кто отчётливо понимает, что выбирает. Время пошло. Разойдись.

Отойдя в сторону, мельком глянул на ручной хронометр и приказал Бабочкину:

— Давай на улицу, найди машину. Грузовую. Скажи, реквизируешь её на пару часов вместе с водителем на нужды НКВД. Все претензии в наркомат. Жди на выезде с улицы, по которой мы приехали. Да, и ещё, загляни в газетный кисок, накупи газеты за разные дни, всех изданий, что есть. Нужно почитать, что там пишут, особенно про нас.

— Есть, — козырнул тот и отправился выполнять поручение, придерживая продолжавший висеть на плече практически пустой сидор.

Отойдя в сторону, я стал откровенно скучать да изредка поглядывал на

часы. Однако десяти минут мне не дали, подошёл один из бойцов, тот самый сапёр-подрывник, и сообщил за всех:

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, мы уже всё решили, все хотят вступить в группу.

– Постройте группу, – приказал я.

Когда строй снова замер одной ровной шеренгой, я так же прогулялся, вглядываясь в лица и в глаза добровольцев, вот они, те самые парни, что поднимались как один, а всякая шваль, отсиживаясь в тылу, потом пожинала плоды их трудов, их дети позже развалили страну. Парни, я постараюсь, чтобы вы выжили. По крайней мере, дам вам шанс на это.

Снова встав перед строем, осмотрел их и произнёс:

– Я рад вашему решению, но сейчас мы посмотрим, годитесь ли вы для службы в нашей группе. Будет экзамен. Сегодня. Сейчас. Вы будущие диверсанты, служб снабжения в тылу нет, значит, вы должны всё добывать сами. Это и будет первым уроком. Сама задача будет поставлена позже, а сейчас вы получаете полчаса личного времени. Если на площади у вас есть родные, то попрощайтесь с ними. Также передайте им свои вещи, вместе с вещмешками. Служить вам придётся в тылу, носить немецкую форму, носить правильно, говорить на языке противника и пользоваться немецкими бытовым оснащением. Ваши вещи вам не пригодятся. Передайте их родным. Машина вас ожидает у выезда с площади возле книжного магазина. Вольно. Разойдись.

Мои будущие бойцы, удивлённо и увлеченно общаясь, покинули через ворота дворик военкомата, а я прошёл в здание, где сообщил лейтенанту, что предварительно отобрал всех десятерых. Будет проведена проверка, если кто отсеется, верну его к ним в военкомат, дальше пусть сами распорядятся, куда отправить призывника. После этого дал списать данные из своего удостоверения, информацию по призывникам отправят в отдел кадров наркомата НКВД, ну и покинул здание. М-да, наглость города берёт, не думал, что это в Москве пригодится.

На подходе к грузовику Бабочкин нашёл крытую полуторку, перехватил меня с пачкой газет и с радостным лицом, улыбка до ушей.

– Товарищ майор! – ёщё подбегая, прокричал он, что при шуме, стоявшем на площади, не особо привлекло к нам внимания. – Михайлов прорвался к нашим и так ударил по немцам с тыла, в неожиданном для них месте, что в окружении оказалась целая дивизия. Её почти всю побить успели. Пока остатки не вырвались из «котла».

Он захлёбывался от восторга, пока я вчитывался в строчки заметки. Да уж, дал Михайлов прикурить, тут он молодец. Вон, в следующих газетах

отмечено, что он представлен к званию Героя Советского Союза с повышением в звании на две ступени. Меня догнал, да и то по ложному званию. Другие командиры и бойцы группы также представлены к наградам. Одним словом, оставалось только радоваться его успехам. Дальше, передавая из рук в руки газеты, мы изучали, есть ли ещё что по нашим действиям, и нашлось. И про партизанский авиационный отряд было несколько крупных статей с фото, даже с перепечатками, в подробностях расписывали свободную охоту трофеиных истребителей за паровозами и автомобилями в немецком тылу, и какая у немцев истерика поднялась по этому поводу. Побив изрядное их число, наш партизанский отряд сыпал песочку в механизмы снабжения вражеских войск. Теперь немецкие эшелоны без зениток не ходили. Про то, что все бойцы и командиры нашего партизанского отряда перелетели на трофеях в тыл Красной Армии, где их встретили чуть ли не с цветами, тоже описывалось. Представители Политуправления даже митинг устроили. Оба корреспондента в группе Михайлова уцелели, и я нашёл несколько заметок с их участием. Точнее, Бабочкин нашёл и мне передал. И про то описали, как мы заезжали в деревеньку, где жители ушли под руку немецкой власти, фото повешенного командира на въезде тоже было. Вон, заметка о том, как окружёнцы сами под штыками вывели своих собратьев к нам на дорогу, с парой фото, не помню, чтобы кто-то их делал. Нормально, пусть у бойцов и командиров злость накапливается.

Хм, а когда три красноармейца под охраной других окружёнцев выводили их на дорогу, то на запечатлённом фото была и моя фигура, я спиной стоял к фотографу, а всё равно под фото была информация, что второй слева в форме унтер-офицера и есть тот самый, уже ставший легендарным, майор К. И бойцы, что совершили предательство, ещё не знают, что это не немцы на дороге, а бойцы и командиры диверсионной группы РККА. Предатели были расстреляны, а освобождённые бойцы чуть позже прорвались со всеми к нашим. Я ещё на одном фото мелькнул, а там, где староста деревни, кланяясь мне, стелется, показывая, как он рад новой власти. Тут я тоже боком был. Берёзов, помнится, снимал. Про атаку на подразделения штаба группы армий «Центр» тоже было, но мельком, видимо добиться тех успехов, что планировалось, не удалось, хотя потрепать некоторые части и смогли. Про группу генерала Кротова ничего найти мы не смогли, видимо прорваться к нашим те не сумели, ладно хоть аэродром фактически уничтожили, это я от пленных узнал и из перехваченных радиосообщений, о чём ранее также доложил в одном из своих рапортов в Генштаб в Москву. Кстати, когда Михайлов прорвался к

нашим, его группа насчитывала почти четыре тысячи бойцов и командиров. Да он всех окруженцев на себя собирал, единолично командуя ими, вот и смог прорваться. Бразды правления он так никому и не передал, хотя там были и в высоких званиях командиры, «шпалоносцы».

Ещё я отметил, что информация, предаваемая мной, всё же действует на ситуацию в целом. Немцы продвинулись не так серьёзно, как в истории прошлого мира или моего родного. Зная, где готовятся удары, наши успевали сформировывать оборону. Конечно, ее прорывали, но с такими потерями, что о дальнейшем наступлении не имело смысла и думать. В общем, наши постепенно перемалывали немцев, сидя в активной обороне, бессмысленные атаки на окопавшихся немцев прекратились, даже создали два малых «котла» своими силами. Один полностью закрыть не смогли, и это всё закончилось пшиком, а вот во втором две дивизии полностью «переварили», и деблокировать их не дали. Вроде удалось избежать «котла» под Киевом, купировав попытки охвата и не сдав город, и дивизии ополченцев сейчас использовались как войска второй линии обороны.

Мы успели изучить самое интересное за эти полчаса, передавая друг другу газеты, но начали подходить бойцы. Их родные маялись в стороночке, разглядывая нас, у большинства взгляды были уж больно тоскливы. Так что Бабочкин сложил толстую пачку газет в аккуратный тюк, у него и бечёвка была, и убрал в кузов. Потом дочитаем, а сейчас основное дело, которое на тормозах спускать никак нельзя. Вот так, когда у грузовика собрались все призывники, я приказал загружаться в кузов. Все бойцы действительно избавились от вещмешков, значит, можно начинать их учить всё добывать самим. Начнём пока в нашем тылу. А потом уже и перекинем наши интересы на оккупированные территории. Я научу их быть хомяками. Так что, чувствуя бодрость в теле и неслабую радость – мы с Бабочкиным получили немало позитива, читая газеты, хотя чернухи там тоже хватало, с описанием, какие города оставили, но ничего, выдержим – и забравшись в кабину к водителю, что дремал, натянув кепку на глаза, толкнул его в плечо и назвал адрес.

– Так это же на другой стороне города? – удивился тот.
– Какие-то проблемы? – уточнил я.
– Да нет, только справку о том, что машину на время задержали нужно, а то мне попадёт.

– Будет справка, – подтвердил я обещание Бабочкина.

Тот кивнул и, прихватив кривой стартер, выбрался наружу. Запустив движок, водитель вернулся в кабину и, стронув машину с места, покатил по уложкам к нужному месту. Ехали-ехали и добрались. Не доехая – а я

сверялся с картой – велел ему остановиться. Когда до адреса, по которому жил вор, это был частный сектор и частный дом, осталось метров двести, через пять домов тот находился, я приказал остановить машину. Водитель пытался сказать, что ещё не доехали, но я лишь отмахнулся, сам знаю. Дальше отдал приказ Бабочкину начать выгрузку бойцов, а сам на капоте машины быстро начеркал справку от руки на вырванном листке блокнота, что мной была машина занята с такого-то по такое-то время, подписался и вручил водителю, сообщив, что мы его больше не задерживаем. Правда, тот уезжать сразу не стал, движок заглушён, остывал, и, открыв капот, стал копаться в двигателе. Я же, проверив, не забыл ли что в кабине, прошёл к заднему борту, где в шеренгу были построены бойцы нашей группы. Бабочкин доложился и встал у моего правого плеча, внимательно поглядывая теперь уже на наш отряд. Не знаю пока, отсеется ли кто, но такое вполне возможно.

Несмотря на то что тут был не центр, а окраина столицы, мы привлекли внимание, собралось с десяток мальчишек, и пара бабулек устроились неподалёку на лавочке, ну и так, зеваки стали появляться и уходить не спешили. А когда я подошёл к строю и осмотрев его, стал достаточно громко ставить задачу, все зеваки превратились в одно ухо. В основном тут были старики, женщины и дети, никого похожего на подручных вора, поэтому особо скрывать планы на ближайшие действия группы я не стал. Те, кто поумнее, хватая детей, спешили уйти, понимая, что захват бандитов дело серьёзное и может дойти до перестрелки. Я же говорил и говорил, ставя задачу разом посерёзнейшим бойцам, которые только сейчас начали понимать, какое дело я собирался им поручить для проверки:

– Товарищи бойцы, – осмотрев строй внимательным и проницательным взглядом, сказал я. – Я понимаю, что дело очень серьёзное и захват подобной крупной банды фактически безоружным отрядом, два пистолета у меня и у зама я не считаю, может поставить всё на грань провала, однако всё так и есть. Будем брать. Это и есть тот экзамен, что вам предстоит. Перед тем как я буду ставить задачи каждому бойцу, сначала опишу, кого мы будем брать. Вор в законе со своей шайкой, работая на немцев, выполнял их задачи. Захват машин, подделка документов для внедрения агентов в госслужбы в городе, захват формы командиров и бойцов Красной Армии, возможно НКВД. Они убивали их, чтобы снять форму и получить документы. Подло, исподтишка. Заманивали на «малины», используя своих гуляющих девок, и травили ядами, чтобы снять форму без крови. Захватывали машины с

продовольствием, оружием и разным имуществом, создавая склады в разных местах. Это всё должно было помочь немецкой группе диверсантов освоиться в столице и, создав из этих предателей пятую колонну, нанести удары по уязвимым точкам обороны города. Наша задача – захват любого «языка» и физическое устранение всех остальных, кто находится на территории частного участка и построек. Захвачено бандитами многое, нужно выявить, где это хранится, и вернуть всё государству. Также бандиты совершили налёты на сберкассы, почтальонов, ювелирные магазины и квартиры богатых москвичей. Всё что ими захвачено, мы, под именем своей группы отправим в Фонд Обороны, с пометкой все средства пустить на постройку самолётов-истребителей, а то у нас сейчас с авиацией всё плохо, несмотря на то что моя группа не раз пригоняла трофейные самолёты к нашим. Я могу принять такое решение, как командир группы, проводившей захват. Есть у кого возражения моему решению?

– Всё правильно говоришь, командир, – кивнув, за всех сказал тот же сапёр, вот и неформальный лидер выявился в группе. – Мы на фронт, а они в тылу жировать будут? Не бывать этому.

– Молодец, держи подарок.

Достав из кармана галифе «лимонку», я бросил её сапёру, который ту ловко поймал, мельком осмотрев, повесил на ремешок пояса, тонкий, гражданский. Я же стал ставить задачи всем бойцам, включая Бабочкина, кто и что делает на начальном этапе, а дальше уже по ситуации. Мне нужно знать, как каждый себя поведёт в непростой ситуации, не имея за спиной командира, подсказывающего, что делать. Мне нужно, чтобы те умели импровизировать и не застывали в сложной ситуации. Инициативность нужна. Про это тоже сказал. Фактически я собирался готовить из них индивидуальных бойцов, что мне и надо было. Ещё я достал нож из голенища сапога и передал его одному из спортсменов, тот сообщил, что вполне хорошо владеет ножевым боем, обучали его. После этого мы толпой направились к тому дому, что нам нужен. Именно толпой, идти строем это привлекать внимание, тем более мы диверсанты, строем не ходим. Шли таким образом, я с Бабочкиным позади, чтобы не заметили нас, даже фуражки сняли, в руках несли, остальные впереди, прикрывая нас в форме.

Что делать и говорить, бойцы знали, одеты те по гражданке, кто как, только у двоих была вполне неплохая одежда, остальные, видимо, надели то, что не жалко, всё равно форму должны выдать, так что, чем-то на голову похожи были. Поэтому, когда двое идущих впереди открыли калитку, то в глубине участка кто-то поднял тревогу, но это и понятно, подобраться быстро и незаметно было бы невозможно. Однако оба парня,

идущие впереди, проинструктированные мной, лишь крикнули, что мы от Аристократа, за товаром. Надеюсь, местные ещё не знают о захвате, прошло с того момента около двух с половиной часов. Однако маскировка работала недолго, до той поры, пока мы с Бабочкиным, шедшие замыкающими по тропинке к дому, не были замечены из окна, раздался звук разбитого стекла, и, сообразив, что это значит, я громко скомандовал:

– В укрытие!

Бойцы прыснули в разные стороны, укрываясь в разных местах. Мой приказ – на всё время, пока те идут что к дому, что по участку, искать по пути укрытия, чтобы сразу там затаиться, а не тратить время на поиски – явно выполнялся неукоснительно. Так что секунда до того, как хлопнул первый выстрел, из «нагана», как я определил по звуку, и все уже успели скрыться. Кстати, тут произошла изрядно курьёзная ситуация, несмотря на серьёзность ситуации, мы с Бабочкиным весело переглянулись. Тот весь дрожал от с трудом сдерживаемого смеха. А дело в том, что два бойца присмотрели одно укрытие и рванули к нему, столкнулись на месте и, выпав из-за ствола яблони, после чего на четвереньках рванули в разные стороны. Один спрятался за корытом, полным воды, а другой провалился в яму с теплицей и затих там.

Мы же с Бабочкиным сразу открыли огонь в ответ, пока сапёр с другим бойцом, используя разные укрытия, по-пластунски подбирались к дому. Мы успели завалить одного стрелка. Тот, получив пару пуль в грудь, исчез из виду, тупо стреляя чуть ли не высунувшись, вот и схлопотал. Второй поступил умнее – не высовывался, только руку было видно с ТТ. Вот в эту руку и попал Бабочкин, метров десять было до окна, отчего пистолет выпал, и им тут же завладел боец, что сопровождал сапёра. Тот, посмотрев на меня и получив кивок, закинул гранату в избу, и после того как произошёл взрыв, он с вооружённым напарником полез внутрь через окна, перед этим выбив остатки стекла вместе с рамами, а мы рванули к дому, обтекая его с двух сторон, это чтобы не ушли остальные бандиты. Их тут обычно пять-шесть одновременно находится. Вор ценил свою безопасность и всегда имел под рукой охранников. Три бойца с Бабочкиным обтекали дом слева, а я с тремя другими справа, двое лезли в дом следом за сапёром и его помощником. В доме было чем вооружиться, потом подстрахуют. Причём я научил, пусть и на словах, как штурмовать комнаты. Граната была одна, и её уже использовали, но противник о том, что больше у нас их нет, не в курсе, поэтому можно брать из комнаты предметы, любые, что внешне схожи с гранатами, и бросать в помещение, крича, что это гранаты, врываться следом, пока противник ищет укрытие. Обманки слабенькие, но

при штурме могут помочь хорошо.

За домом я рассмотрел спины троих и, успев перезарядить пистолет, сразу открыл огонь на поражение, меня поддержал Бабочкин с другой стороны. В общем, положили всю тройку. Тут из окна дома, что выходил на огород, в брызгах рамы и остатках стекла вывалились двое в смертельных объятиях борьбы. Боец, спортсмен из боксёров, сплевав щуплого на вид вора руками, вывалился наружу и рухнул на него сверху. Однако приподнялся быстро и тремя ударами отправил типчика в нокаут.

— Чуть не порезал меня, сволочь, ну очень быстрый. Хорошо, нож выбить успел, — сообщил тот и вытер щеку, на которой была кровь. Это он о стекло порезался.

Я же стал сразу отдавать приказы, следя, чтобы бойцы выполняли их, да те и не думали не выполнять:

— Собрать оружие, разбиться на пары и начать осмотр всех помещений, прикрывая друг друга. Пленных не брать, один есть, этого хватит. Потом поиск и сбор трофеев. Выполнять!

Все тут же разбежались. Даже те, что выглядывали через окна изнутри дома, Бабочкин стал отслеживать выполнение приказа, а я направился к той тройке, что лежала в огороде у зарослей вишни. Ещё чуть-чуть, и ушли бы огородами. Подходить и как последний лох переворачивать их, чтобы получить пулю или клинок от подраненного бандита, притворяющегося убитым, я не собирался. Подошёл, выстрелил прицельно в головы всем трём, а потом и стал изучать, кто тут есть. Сразу приметил, что один и был вором в законе, опознал по описанию. Не спутаешь, связник очень хорошо его расписал. У того в руках был тяжелый портфель, видимо с трофеями, за полой пиджака ТТ. У двух других оружие было в руках. ТТ и «наган», только выстрелить они успели всего пару раз, да и то не прицельно, просто в нашу сторону, оттого и не поразили никого.

Собрав с них всё ценное, я прошёл к дому, где передал оружие тем бойцам, что вооружиться ещё не успели. Хотя я приметил, что у двоих уже были карабины Мосина, видимо в доме обнаружили, а у одного так вообще ДП в руках. Вот портфель оставил при себе, я в него уже глянул, там и золото было, и пачки банкнот. Резерв вора, видимо, или часть общака. Живых больше на участке не было, так что бойцы разбежались, их задача — обыскать все помещения дома и соседние строения и осмотреть на предмет ценного. Потом доложить мне. Бабочкин вёл список, а я с сапёром допрашивал пленного, тот, усмехаясь в усы, вполне справно мне помогал, чую, есть у него схожий опыт, приобретённый где-то. Вполне возможно, и на Финской. Тот сообщил, что ничего ценного вор тут не держал, ещё не

хватало на хазу навести легавых, так, оружие и по мелочи имелось, ну и часть общака, но зато расписал то, что знал. Сломать щипача удалось быстро, диверсанты дольше держались. Тот и описал, где что находится, а знал он много, ближайший подручный вора в законе. Я задавал уточняющие вопросы, ну а когда те закончились, кивнул сапёру, и тот вбил финку в грудь вора. Раз приказ был живых не оставлять, значит, так и будет.

Наши трофеи действительно были в основном скромными. Три карабина Мосина, к одному подсумков не было, пулемёт ДП, которым вооружился один из бывших танкистов, с двумя запасными дисками, шесть «наганов» и три ТТ, с куцым запасом патронов. Правда, было шесть гранат, в комоде нашли, РГД-33, но тоже неплохо. Всё это мы забрали, включая ножи всех воров, у бойцов они должны быть. Холодного оружия даже оказалось больше нужного, мне мой вернули, всего в трофеях было одиннадцать ножей. Разобрали их мигом. Ну а мы, затарившись трофеями, двинули по огороду, по тому маршруту, по которому не смогли уйти бандиты, я уже чувствовал, что милиция вот-вот прибудет к дому. Три бойца несли ящики из одного строения, там продовольствие хранилось, немного, но всё нам не унести. Вот и прихватили два ящика с тушёнкой и один со сгущённым молоком. А вообще вор хитрый был, технику у себя не держал, пару лошадей да рессорную коляску, это было для выездов, ну и чтобы не реквизировали, так если пройти огородами, то можно выйти на другую сторону квартала, где у этой шайки был арендован амбар. По словам взятого «языка», там стояли две машины, для побега подготовили. «Фаэтон» и крытая полуторка. Я сначала хотел грузовик только брать, но потом подумал и решил, что обе пригодятся. Так что, когда мы добежали до амбара, пока часть грузилась в машины, один открывал ворота, и два бойца заводили машины, я их водителями пока назначил, мы готовились к дальнейшим действиям, бойцы проверяли оружие. Гранаты распределяли друг другу, ну и несколько возбуждённо описывали, как прошёл первый их общий бой. Меня радовало то, что никто не отсаялся из группы. Фельдшер обходил бойцов, общался, осматривал каждого. Когда мы трофеи собирали на территории участка, он в доме нашёл неплохой запас лекарств и перевязочного материала. Подобрал чистый вещмешок и сложил туда находки, так что было ему чем обрабатывать царапины. Это единственное, кроме синяков, что получили в этой первой схватке.

Задержались мы в амбаре минут на пять, дольше просто нельзя, по следам найдут, или со слов свидетелей узнают, куда мы ушли, а последних хватало. Непонятно, стрельба идёт, а всех тянет поближе, посмотреть. Вот так, завывая моторами, обе машины выкатились наружу и, покрутившись

по улочкам, направились по первому адресу. Тут воевать не придётся, частный сарай на участке, где находились гаражи. Можно арендовать или выкупить любой сарай, шайка выкупила и хранила там то, что им заказали немцы. То есть комплекты оружия и формы на целый взвод. Всё там и хранилось, даже выглажено было, со слов «языка». Добрались мы нормально, въехали на территорию гаражей и, найдя нужный, встали у него. Пара поворотов монтировкой, и наш силач в группе просто сорвал по очереди два замка, после чего, распахнув створки, мы стали заниматься делом. Бойцы изучали форму, а себе подбирали красноармейскую, искали по размеру, сразу переодевались, убирая из петлиц знаки различия, где были, оставляли тут свои, сапоги выбрали также по размеру. Нательное бельё и портнянки также имелись в узлах. Мы тоже с Бабочкиным в стороне не стояли, записывали, что каждому ушло: сидора, форма, головные уборы, даже шесть касок нашлось, вот уж не ожидал, но приказал забрать, фляжки на всех были, пехотные лопатки на восьмерых, тоже забрали. Особенно порадовали три плащ-палатки. Жаль, что так мало. Две мы забрали себе с Бабочкиным, третья ушла сапёру. Так что почти час ушел на снаряжение группы, те одевались и вооружались. Оружие тут было.

У всех бойцов на ремнях теперь были кобуры с личным оружием, в сидорах пачки патронов к ним, ещё два ДП на группу и семь карабинов. В гранатных подсумках гранаты. Тут целый ящик стоял, правда, всё тех же РГД-33, но, распределив гранаты, остатки ящика закинули в кузов грузовика, туда же два ящика с патронами и цинк патронов для «наганов». К сожалению, к ТТ было не так и много, около трёхсот, разошлись по тем, у кого был этот тип оружия, включая нас с Бабочкиным. Формы тут был избыток, больше чем на взвод, как меня убеждал «язык», да и оружия хватало, жаль только, автоматов не было, поэтому и удалось всю форму подобрать по размеру. Бойцы заканчивали проверять друг на друге, как на них всё сидит, некоторые в касках ходили, после чего я приказал прикрыть створки сарая и садиться в машины. Пользуясь случаем, пока было время, я написал рапорт на имя наркома Берии и оставил его на одном из ящиков. Рапорт дойдёт до кого нужно, я уж позабочусь. В нём же был список бойцов, которых я забрал в свою группу, попросил похлопотать, чтобы бумаги на них были оформлены и семьи получали пайки, ну и всё что положено. На рядовой состав это не распространялось, но главное, чтобы на тех документы были оформлены и они не считались дезертирами.

Устроились мы так же, как ранее приехали сюда. Я с водителем в «фаэтоне», расположился на заднем сиденье как командир, Бабочкин с другим водителем в кабине полуторки, остальные в кузове грузовика.

Кстати, там в кузове полная бочка топлива оказалась, нашли, когда машины в амбаре изучали, она и сейчас там стояла. Это хорошо, топливо нам понадобится. Дальше мы доехали до очередного дома, в этот раз многоквартирного, где проживала часть шайки убитого нами недавно вора. Штурм тут не занял много времени, мы, действуя по типовому плану захвата, тупо забросали воров гранатами, а тех, кто покидал квартиры через окна, просто расстреливали, три пулемётные позиции были, шансов у тех не было. Потом последовала зачистка по всем правилам, сначала в помещение летит граната, после взрыва уже боец с пистолетом в руках. Карабины находились за спинами, я учил проводить захват с короткостволом в руках. Только двое бойцов не участвовали в этом, дело серьёзное, вот те и гоняли зевак, и криком сообщали жильцам, чтобы не покидали квартиры, нашли укрытие и пережидали там. Ладно хоть жильцов было мало, все на работе. Вот так постепенно опыт и наберётся. По крайней мере, тут, действуя парами, хоть и неуверенно, с заметными огрехами, сработали как надо. Мы снова успели покинуть место захвата до прибытия милиции или сотрудников НКВД, хотя нам и попались на одной из улиц два пролетевших навстречу грузовика, набитых милиционерами. Потом мы остановились у спуска в подземные catacombs, куда Бабочкин, прихватив одного бойца, спустился, не так и далеко мы всё спрятали, чтобы он запутал. Вернулись они быстро, и мы покатили дальше.

Приметив здание сберкассы, я приказал припарковаться рядом с ней, и пока бойцы ожидали, лишь фельдшер, взяв толстую пачку денег, бегал к ближайшей аптеке накупить лекарств и перевязочного материала, мы с Бабочкиным и сапёром, старшиной Бабаевым, прошли в здание, попросив пропустить нас без очереди, а она всё же была, известили кассира, что хотим передать захваченные у бандитов средства в Фонд обороны Москвы, и передали, получив квитанцию. Кстати, Фонда обороны Москвы, оказалось, пока не существовало, был просто Фонд обороны, туда мы все средства и перевели. Дальше ожидали, когда всё оценят и пересчитают, чем всё остальное. Пока ждали, я отошёл и купил в соседнем помещении, там почта располагалась, конверт, и позже убрал в него квитанцию и отправил на адрес наркомата Берии, ему лично, со своими комментариями, как можно серьёзно пополнить счета Фонда обороны за счёт общаков ворья и бандитов. Пусть думает.

Дальше, остановившись у уличного телефонного аппарата, я позвонил в НКВД. Соединили меня мигом, вот я дежурному и перечислил все хазы, включая те, которые мы не успели посетить, с отстойниками для угнанных машин и складами, а также где находится мой последний рапорт. Тот

записал, даже неожиданно поблагодарил за информацию, сообщив, что наши штурмы уже наделали переполоху в городе, слухов в столице стало ходить преизрядно. Местные милиционеры и сотрудники НКВД так не действуют, а тут до гранат доходит, настоящие бои. Повезло, что случайных жертв удалось избежать. Но я всё равно посоветовал в схожих случаях также использовать гранаты, эффект неплохой. Дежурный ещё добавил, что есть просьба ко мне, больше не работать по этому направлению, сильно мешаю в некоторых операциях, что ведёт НКВД. Ну, это и понятно.

Потом, несмотря на то что дежурный явно тянул время, я повесил трубку и, вернувшись в салон легкового автомобиля, велел ехать к ближайшему колхозному рынку, где мы задержались всего на десять минут. Бабочкин, прихватив трёх бойцов, закупил десять круглых краюх хлеба, свежих овощей и килограмм десять солёного сала. На первое время хватит, дальше сориентируемся. Среди бойцов был и повар, а он у нас за интенданта и за повара, о чём был прекрасно осведомлён, специй накупил и три новеньких котла, два литров на пять, для чая и второго, третий уже на десять, для готовки первых блюд. Всё это было отправлено в кузов грузовика. Посмотрев на часы, я приказал выезжать из города, причём поставил задачу водителю сделать это так, чтобы получилось незаметно для тех, кто строил оборону у Москвы и стоял на блокпостах. То есть это был как бы ещё один экзамен. Тот сам не справился, остановился, посоветовался с другими москвичами из нашей группы, и вот таким образом найдя лазейку, мы смогли покинуть Москву. Действительно тропками и полевыми дорогами не только выбрались, но и стали удаляться, ни разу не выехав на шоссе или трассы, где было оживлённое движение. А двигались мы к одному интересному селу, оно находилось в тридцати километрах от Москвы. Есть там некто, меня заинтересовавший. Очередной связник немцев.

Приметив, как сбоку мелькнула синяя милицейская гимнастёрка, приметная среди светлых пятен одежды сельчан, я приказал водителю притормозить. Не ошибся, был сотрудник милиции в селе, видимо участковый. Догнав его, мы притормозили. Открыв дверцу, я вышел наружу.

– Боец, ко мне, – скомандовал я, и младший сержант, в петлицах по одному треугольнику было, подбежал и начал было докладывать, но я махнул рукой, останавливая его.

Интерес мой был не к нему, а к одному из жителей села, тем более участковый, а нам встретился именно участковый, должен был его знать.

Тот и знал. Удивился даже, чем этот старик так заинтересовал нас. Живёт бобылем, семьи нет, занимается рыбалкой и охотой, то есть ружьё-двустволку имеет. В остальном не сильно примечательная личность. Была у него лошадь с телегой, так забрали в армию, против чего тот сильно не возражал. Держит пару коз и курей. На этом всё.

– Понятно, – выслушав сержанта, кивнул я и добавил: – Только вот выходит так, что непрост этот твой старик-бобыль, что живёт на окраине села, ох непрост. Связник он немецкий, о чём нами получена достоверная информация. Мало того, что связник, так ещё и подготовленный радиист, и радиоимеет. Слышал про дела в Москве? Сегодня началось?

– Пока нет, товарищ старший лейтенант госбезопасности. До нас тут не скоро всё доходит.

– Услышишь ещё. Его подельников брали, так до гранат дело дошло. Он хоть и находится в резерве, можно сказать, глубоко законспирированный агент немцев, но всё равно интерес повышенный у нас имеет. Кстати, давно в селе тот появился?

– Этой зимой, дом купил, живёт, документы в порядке, я проверял, – задумчиво сообщил тот. – Из-под Киева он, говорок такой характерный. Сейчас, как мужики наши в армию пошли, сторожем на склады заготконторы устроился. По ночам дежурит.

– Давняя заброска, к войне готовились.

– Чем я смогу вам помочь? – с готовностью уточнил сержант.

– Игратъ мы его будем. Просто сделай вид, что ничего не видел. Ненадолго. Кстати, мы по плану машины в селе оставим, у твоего дома, присмотришь. Где живёшь?

– А вон мой дом, – указал тот на крепкий дом-пятистенок. – Та изба.

– Так ты местный?

Дом был слишком справный, его рубили для себя и с любовью, одни резные наличники чего стоят. Так что на служебную избу, которую тот мог бы получить, дом похож не был.

– Да, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Родители там мои живут, с младшим братом и двумя сёстрами.

– Понятно. Ну что ж, работай, а про ту сторону села пока забудь. До вечера. Мои бойцы подгонят машины. Если мы в течение суток не вернёмся, по своей линии сообщи, пусть заберут технику.

– Сделаю, товарищ старший лейтенант госбезопасности.

– Хорошо. И ещё, всегда проверяй документы, всегда. У меня ты не проверил, машины и боец за рулём не делают меня настоящим сотрудником НКВД. Всегда нужно проверять. Немцы так навострились засылать

диверсантов в наш тыл, даже в форме нашего наркомата, что определить, где настоящий сотрудник НКВД, или той же милиции, а где поддельный, не так-то просто.

– Так они и документы, наверное, поддельные тоже имеют.

– Это точно, – усмехнулся я. – Но всё равно бдительности не теряй. Всегда на мелочи постараися подловить. Спроси откуда, например, собеседник, а не знает ли он то-то село, там шикарная рыба продаётся. Никакого села с таким названием в той местности не может быть. Так на мелких нестыковках и лови. Только осторожно, поймёт, что раскрыт, и нож в сердце всадит. Мы вчера ночью уже привозили тело участкового. На поле ночью находился, заметил высадку парашютистов, вот его на нож и взяли. Будь бдительным.

– Я понял, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Спасибо за науку.

– Надеюсь, пригодится. Всё, бывай.

Тот козырнул и, развернувшись, направился к своему дому. Скорее даже промаршевал. Документы у него я тоже не проверил, возможно и глупость, но по виду сопляк совсем, не удивлюсь, что его с началом войны прежде срока выпустили из школы милиции и отправили участковым в родное село.

Я вернулся в машину к скучающему бойцу, и мы покатили к нужному дому. Дорогу мне участковый расписал достаточно подробно. Дом встретил нас тишиной и некоторой неприветливостью. Однако мы лихо остановились у забора, подняв клубы пыли, и пока боец, выйдя и подняв капот, изучал, что под ним есть, я, откинув защёлку калитки, тут верёвочная петля была, и пройдя на участок, направился к дому. Собаки у связного не было, это хорошо. В таких случаях собак не держат, вдруг голос подаст, если кто ночью подойдёт к дому, встретить или весточку передать. Так что собака тут совсем не в тему.

Пройдя к крыльцу, я мельком глянул за дом, там огород спускался к реке, были видны сохнущие сети и лодка, вытащенная на берег, но хозяина не имелось. Так что, поднявшись на крыльцо, постучал в дверь. Ответили не сразу, но всё же прозвучал хриплый вопрос:

– Кто?

– Извините, у вас спичек нет? А то мои отсырели, прикурить нечем.

– Спичек нет, но печку затопил, уголёк имеется. Вынести?

– Можно и уголёк, – закончил я отзыв.

Всё прошло нормально, и тот правильно ответил, и я. За дверью зашумели, открывая щеколду, и дверь приоткрылась. На меня глянули

пристальные глаза не такого уж старика, как мне описали, крепкий такой мужик, пусть и далеко за пятьдесят. Изучал тот меня не столько придирчиво, скорее пристально и настороженно, но и с некоторой внутренней злобой. Но пропустил меня в дом и, заведя на кухню, осведомился:

– Почему днём? Люди же всё видят. Ещё участковый этот новенький, ко всему интерес имеет. Наверняка прибежит спрашивать, кто приезжал и что хотел.

– Воды дай, горло пересохло, – буркнул я и выругался по-немецки, неожиданно и зло. Хозяин дома явно вздрогнул.

Напившись воды, при этом часть расплескал себе на грудь, я с грохотом вернул ковш на стол и зло, с некоторой усталостью, сказал:

– У нас полный провал операции. Людей, которых вчера ночью высадили с самолёта, приняли русские. Смогли разговорить их и пытались под видом наших выйти на контакт, и пароли знают, с отзывами. Хорошо, резидент у нас матёрый, всё понял. Прорвались мы, четверых потеряли, но и немало советов положили. Нам самолёт нужен, радио нет, разбита, радиострел убит, у резидента две пули в животе, и одна в глаз попала, ещё пятеро ранены, и двое из них серьёзно. Мы русского врача на дороге прихватили, тот сделал всё что смог, пришлось прирезать потом, но всех надо к нашим отправить срочно. Повезло, что резидент пришёл в себя, дал ваш адрес, с резервной радиостанцией. Резидент долго не выдержит, а вы должны знать, как он много значит для агента. Уникальный агент и специалист.

– Ясно, – покивал хозяина дома, всё так же пристально меня изучая.

После чего задал несколько вопросов, на некоторые я только недоумённо пожимал плечами, говоря, что простой силовик, и это не в моей компетенции, но на часть ответил. Видимо, смог растопить ледок недоверия, так как тот стал собираться, откопал в сарае мешок с радиостанцией и антенной, мы устроились в машине и покатили к выезду из села. На окраине старики, который сидел рядом с водителем, указал в сторону. Присмотревшись, я заметил участкового. Вот оно как, нарушил приказ, следил всё-таки. Может, и получится из него какой толк.

Дальше мы попытали по дороге и свернули по полю в сторону леса. Через полчаса оказались на месте. На опушке была укрыта машина, а рядом лежало трое раненых, все в бинтах, у резидента и голова и туловище перемотаны, кровавые пятна так и выступают, раздаются стоны. Ну артисты! Ещё у двух бойцов повязки также пятнали кровью, но эти хоть ходячие, стояли на часах. Этот антураж наш фельдшер создал минут за

десять, ворча на непредвиденной расход бинтов, дольше самодельные носилки рубили и вязали, на которых лежали все трое «тяжёлых раненых». А кровь взяли от невинно задавленной курицы, когда мы проезжали одну деревеньку. Хозяйка курицы тут же выскочила и начала на нас орать. Я приказал остановиться, подумал, выкупил курицу и велел фельдшеру слить кровь в ёмкость, и вот пригодилась, пропитали бинты. Даже матёрый подсыпал так ничего и не понял. А бойцы, которым я подробно объяснил роль каждого, продолжали изображать побитую группу немецких диверсантов. И вопросы не задавали, надо – значит, надо. О том, что мы под видом этой самой диверсионной группы хотим захватить немецкий самолёт, они уже были в курсе, шокированы, конечно, такой наглостью, но главное, в курсе.

Осмотревшись, стариик лишь покачал головой, видно, что нас потрепало серьёзно, но стал спешно заниматься радиостанцией. Тут я его остановил, нас могут запеленговать, так что нужно сменить место работы радиостанции. Мы отъехали километров на пятнадцать, тут была подходящая роща, дальше я ему помогал забросить провод на верхнюю ветку дерева. Потом он отправил шифровку и ожидал ответа. Шифровку мы составляли вместе. Мол, задание провалено, всё по случайности, высадка произошла чуть ли не на головы армейцам. Резидент ранен, есть ещё раненые, имеются потери. Требуется срочная эвакуация, этой же ночью, двое из раненых совсем тяжелые. Ну и сообщили координаты поляны в лесу, где будем ждать самолёт. Поляна подходящая, там уже трижды «юнкерсы» садились, экипажи местность знают. В этом же лесу она и находилась. Ответ пришёл только через полчаса, подтвердили вылет самолёта. Дали коды опознавания для лётчиков. На этом всё. Стариик лишь подтвердил получение, и мы начали сворачивать радиостанцию. Один из бойцов, что нам помогал, по моему кивку мигом заехал в солнечное сплетение старику – больше он нам не нужен, своё дело сделал, и мы скрутили радиста. Вставили кляп, проверили узлы, тот лишь с ненавистью вращал глазами, после чего, посмотрев на часы, я сообщил:

– Всё, грузите этого архаровца в одну из машин и перегоните к дому участкового. Радиста сдадите ему вместе с радиостанцией на руки, пусть отправляет его в столицу, причём чем быстрее, тем лучше. Шифроблокнот тоже передадите, всё по описи. После этого бегом сюда. До темноты должны успеть, а потом к поляне двинем, где самолёт должен сесть.

Мы доехали до леса, где находилась вся группа и вторая машина, после чего оба авто уехали, а я направился чуть вглубь, где наш зампотылу уже готовил в двух котлах ужин. Так как изображать раненых не

требовалось, а бинты ещё будут нужны, то бойцы ходили по опушке, общались, смеялись, тот цирк, что они устроили для немецкого агента, им понравился, ну и принюхивались к ароматам, что шли от котлов, проголодаться успели все, тем более отправляясь к военкомату только позавтракали, обед почти все пропустили, ну кроме нас с Бабочкиным. Ах, какие же хорошие пельмени были, до сих пор вспоминать приятно. Время было свободное, я дал отбой для отдыха, только повар работал и два бойца на часах стояли, поэтому, пройдя к Бабочину, что лежал на травке под дубом, и устроившись рядом, натянул фуражку на нос, решив до ужина вздремнуть с часок. Однако бойцу, видимо, спокойно не лежалось, уже через минуту он тихо спросил:

– Командир, а как у тебя это всё получается?

– Ты о чём?

– Да насчёт этого дня. Столько провернули дел, вчера ещё у немцев в тылу были, а тут и настоящие бои на улицах Москвы устроили... Лосева, вон, потеряли, ладно хоть ранен не серьёзно, через пару недель уже рукой свободно сможет пользоваться. Только вот я не понимаю, мы в Москве чем только ни занимались, да взять тех же призывников. Ты же нахрапом брал, где наглостью, где подкупом, где обаянием. Скажи, как?

– Знаешь, штука это действительно сложная в понимании. Трудно описать, я лучше на примере объясню. – Подняв фуражку на лоб, я сел и осмотрелся, рядом никого не было, чтобы подслушать, бойцы тактично отдыхали в стороне. Я пояснил: – Ты же в курсе, что я был в будущем главным инспектором бронетанковых сил? Так вот, в первое время мне было сложно проводить свою работу, у каждого директора и его помощников свой характер, желания и интересы. То в баньку пригласят, то ещё что, ходов много, вот мне Лаврентий Павлович Берия и отправил одного старичка. Да вроде ординарца. Тот за полгода так меня построил, обучил общению с людьми, что по сравнению с тем, что было раньше, – небо и земля. Особенно общению с такими людьми, что находятся на высоких постах и чуют за собой власть. Психологический прессинг одним взглядом, манера поведения, разговора, да даже жесты подбираются индивидуально под каждого человека, с которым я общаюсь... Я не слишком заумно говорю?

– Не всё понял, но вроде главное уловил. Этот старик тебя учил говорить с директорами как начальник с подчинёнными.

– Точно. Молодец, всё правильно уловил. Так вот, обучив меня, дав основы, тот дал мне возможность дальше набираться личного опыта самостоятельно. И следующие два с половиной года, с ограхами в первое

время, я смог набраться этого опыта до такой степени, что уже подобная манера поведения настолько въелась в привычку, что по-другому я не могу. Именно поэтому мне было достаточно просто вести беседы как с теми милиционерами, беря их на дело, так и с военкомом. К каждому нужно подбирать свой ключик.

– А можно этому научиться?

– Ну, вообще-то вас с Лосевым я этому и так учу, с первого дня. Не явно, исподволь, но учу. Так что года через полтора ты сможешь уже без поддержки сам вести беседу. Только тут проблема одна, подучиться тебе надо. Вид деревенского рубахи-парня тебе, конечно, идёт, но образованные люди легко вскроют этот твой стиль поведения. Нужно уметь поддержать беседу по любой теме в любых слоях общества, что интеллигент, что военный, что колхозник, даже если ты её не знаешь, и сойти за умного и образованного человека. Раз это пройдёт, два, потом отловят и поймут, что их дурили. А вообще ты вполне неплохо себя вести начал. Вспомни, как ты впервые изображал немецкого постового, старался не смотреть в сторону немцев, чтобы не выдать себя взглядом, чуть ли не дрожал в ознобе, руки не знал куда деть. А сейчас? Лениво облокотился о коляску мотоцикла и лишь презрительно поглядываешь вокруг взглядом опытного матёрого солдата подвижного патруля. Именно так тебя воспринимают немцы, которых мы останавливаем для проверки. Да им даже в голову не придёт, что этот отличный парень откуда-нибудь из Дрездена на самом деле русский Иван, который хоть и выучил с десяток слов до совершенства, но немецкого и не знает. Вот к немцам переберёмся, начнём снова патрули образовывать, увидишь разницу между нами и новичками, им ещё предстоит набираться опыта и привыкать. Кстати, этим ты и займёшься, будешь учить их всему. Передача опыта тоже своего рода уроки, и на многое, что мы делали ранее, ты сможешь взглянуть с другой стороны, расширив свои знания и опыт во многих вопросах.

– Даже интересно стало, – покосиввшись на отдыхающих, пробормотал тот.

– Ха. Ты ещё не знаешь моих планов насчёт этого самолёта, что мы, надеюсь, захватим. Пока раскрывать все свои замыслы я не буду, но надеюсь, в будущем ты их поддержишь. Да что надеюсь, уверен. Мне его доработать надо, слишком сырой план будущей операции, а потом просвещу. Может, ошибку какую выявишь или неточность. Свежий взгляд со стороны тоже бывает полезен.

Дальше мы отдыхали молча, пока повар не сообщил, что обед готов. Это порадовало, проголодались все, включая нас. А под конец ужина

сменившиеся часовые сообщили, что по дороге к нам бегут оба бойца. Успели. Те доложились, что выполнили мой приказ в точности, машины оставили, милиционеру агента передали по описи, выдали мне лист с актом. Так что я их даже похвалил, молодцы, всё сделали правильно. Покормив их также, мы собирались и, нагрузившись вещами, направились к поляне. Тут до неё километра три будет. Вышли прямо на неё, трудно проскочить мимо, по краю поляны овраг проходил, а он через весь лес тянется, наткнёшься, а там сориентироваться можно. Дальше мы сложили вещи на опушке, пустые пока носилки бросили там же, но бойцы, которые должны изображать раненых, примеривались и готовились к новой клоунаде, как они это называли. Пусть клоунада, главное транспортник захватить, пока это в моих планах.

На лес опустилась ночь, ещё когда мы опушку леса покидали, направляясь к поляне. Усталость чувствовали все, особенно мы с Бабочкиным. Последний так не спал вторые сутки, даже третий пошли, так что, когда добрались до места и расположились, я приказал подготовить сигнальные костры, в правильной последовательности, как указано в секретной шифровке, и отправил всех спать. Лишь двое часовых бодрствовали, вслушиваясь в шумы леса, не послышится ли гул моторов. Бабочкин уже спал, он сразу рухнул на носилки, на которые была постелена плащ-палатка, и мигом уснул. После ужина его окончательно разморило. Кстати, а вот я уснул не сразу. Прихватил свой сидор и прогулялся в поисках места для скрона, и нашёл его. При этом все свои следы я посыпал тем порошком, что Лосев подготовил. У нас ещё оставался запас. Несколько толстых пачек с банкнотами я сунул глубоко в дупло, завернув в два слоя портянок. Ну, и завалил листвой. После этого вернулся. На будущее сделал закладку, мало ли что. В принципе контакт с местным руководством налажен, просто НЗ. Не пригодится, также сдам государству. Просто я считал, что личные средства иметь обязательно нужно. Правда, убрал не всё, треть денег осталось, это на расходы группы, если мы снова в тылу наших войск окажемся, или где на оккупированной территории расплачиваться. Ведь там советские деньги ещё принимаются. Правда, плохой курс по отношению к оккупационной марке и уж тем более к рейхсмарке. Хм, денег у нас мало, надо будет добывать. Это я про немецкие рейхсмарки. В дальнейших планах они будут нужны.

Разбудило меня потряхивание за плечо, с трудом разлепив глаза, я тихо спросил:

– Что?

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, слышу двигатели самолёта. Приближаются.

– Отлично, поднимай остальных.

Сев, я яростно потёр лицо, чтобы прийти в себя, потом виски и уши. Классный метод, быстро проснулся. Вскочив, я стал бодро командовать сонными, ещё не проснувшимися бойцами. Труднее всего Бабочкина было поднять, но и это удалось. Двое с котелком, куда мы слили часть бензина из бочки, стоявшей в кузове грузовика, другой ёмкости не было, побежали к кострам, где плескали бензин и поджигали костры. Ну, вот и все четыре в линию горят, осталось ждать посадки. Сделав круг нал лесом, «юнкерс», а даже Бабочкин смог распознать характерный рёв его двигателей, пошёл на посадку. Ничего, сел вполне благополучно. Дальше я побежал к самолёту, там уже открылся люк и показались двое. У одного пистолет в руке, у другого автомат, позади меня при свете костра было видно, как несут носилки с ранеными к самолёту. Наш силач-спортсмен, тот самый, который фигурой похож на президента, даже ножку свесил с носилок, всем видом показывая, как он умирает. Сообщив пароль и услышав отзыв, я также на немецком подтвердил, что раненые пока живы, хотя один и при смерти. Дальше бойцы стали заносить раненых по очереди в салон самолёта, экипаж транспортника нам помогал. При этом моторы заглушены не были. И пилот находился в кабине. Вот так мы втихую и взяли экипаж, включая пилота. Наставили пистолеты и спеленали их. Костры тоже погасили. После этого стали носить вещи от опушки, загружая их в салон самолёта. Наконец, когда всё было готово, а я этим не командовал, Бабочкин вполнеправлялся, и я закончил с допросом пилота и, скажем так, склонением к сотрудничеству. А всё просто, я «попросил» дать мне уроки пилотирования этого типа машин. Бывший пилот «Люфтганзы», который намотал огромное количество воздушных километров, обещал помочь, поделиться опытом, за то, что мы ему жизнь оставим. Пришлось пообещать, хотя и неприятно поразившись, что просил тот только за себя, на остальных ему, видимо, было плевать. Убивать лично я его не буду. Как и обещал.

А вообще пилот оказался действительно на удивление толковым и, если я что не понимал, раз за разом повторял. Мы часа полтора простояли на поляне с выключенными моторами, я учился, сидя в кабине, как говорят лётчики, «всухую» управлять самолётом. Ещё бы поучился так, но лимит времени был исчерпан, так что под присмотром лётчика я запустил двигатели, тот подтвердил, что всё правильно, после чего развернул самолёт, оказалось, очень сложно это делать на таком тяжёлом аппарате да на мягкой почве, потом я, держа тормоза, дал газу движкам, раскочегарив

их, и отпустил тормоза. Часть бойцов спали, другие пленных контролировали, однако даже от той тряски и подпрыгиваний, что сопровождались при взлёте, те, что спали, так и не проснулись. Бабочкин так точно. Но мы уже летели и медленно поднимались в ночное небо, разворачиваясь в сторону передовой. Баки заполнены на две трети, так как экипаж заправлялся на фронтовом аэродроме у передовой, до Ровно должно хватить. Кстати, экипаж был тем самым, что нас выбрасывал прошлой ночью. Они, кстати, нас с Бабочкиным тоже узнали, не сразу, но узнали, серьёзно так перепугавшись.

Полёт мне запомнился надолго. Много нового узнал, принимая знания, весь в поту сидел. Но ничего, постепенно освоился. Даже делал некоторые манёвры, чтобы почувствовать самолёт. Главное, чтобы эти манёвры нам с курса не давали сходить. Пилот оказался очень толковым в плане обучения, всё объяснял, всё показывал. Уже начало светать, когда мы, снизившись, оставили в стороне Ровно и транспортный аэродром, куда должен был сесть этот «юнкерс», и практически на последних каплях долетели до леса и совершили посадку на поляне. Немец меня подстраховывал, но сел всё же я. Потрясло серьёзно, да и посадку сложно назвать идеальной, я впервые pilotировал подобную машину, однако сели, и, ревя моторами, я подогнал самолёт к опушке, повернув его к ней хвостом. Только после этого заглушил хорошо потрудившиеся движки, до сих пор не понимаю, как те не встали от недостатка бензина, видимо на парах работали, я со слабой усталой улыбкой хлопнул немца по плечу, сказав ему:

– А ты молодец. Не думал, что долетим, и уж тем более не думал, что сам смогу сесть. Да и за штурмана отлично поработал, добрались точно куда надо.

Дальше я приказал покинуть самолёт и закатить его под деревья. Сам я сразу встать не смог, ноги затекли, пока массировал, пока ожидал, что слабость пройдёт, это на меня так усталость подействовала, минут пять прошло. Однако ничего, я чуть позже встал и, пошатываясь, направился к выходу. Во землю качает! Дальше мы все впряглись и стали толкать самолёт к опушке. Да уж, пятнадцать человек, а сдвинуть эту машину смогли с трудом, хотя нам и немцы помогали. Потом проредили кустарник на опушке, расчистили и затащили хвостом под деревья. Ветви скрыли самолёт. Потом ветвями замаскировали саму машину. Ещё пятеро бегали по поляне, маскировали следы приземления, то есть шасси. После этого я тем, кто успел выспаться, были и такие, поставил задачи. Бабочкину – отвести всех на ту поляну, где стоит или должен стоять «шторых» и была организована наша база. Да, совершили посадку мы на другой поляне. Эта

была больше, а та совсем крохотная, и сесть там мог только такой самолёт, как «шторых» или У-2. А эту поляну мы изучали, когда к озеру ходили купаться, оно тут рядом, смотрели, вдруг удастся здесь организовать небольшой партизанский аэродром. Кочек на поляне было мало, и я решил, что для посадки самолёта годится. Правда, потрясло изрядно, практика показала, что всё же кочки лучше бы срыть, но сели. Норма.

Так вот, Бабочкину, который отлично выспался и был бодр и свеж, я поставил несколько задач. Сейчас он берёт бойцов и отправляется на нашу базу. Если Лосев о ней и рассказал, а он должен был рассказать, как и о наших скронах в польских землянках и бункере, то не стоит ожидать наших тут так быстро, посетить можно свободно. Проверить, как там всё, как самолёт и часть бойцов с нашим имуществом, включая палатку и форму, вернуться сюда, теперь у нас тут будет временная база, два-три дня, на большее я не рассчитываю. Далее, взяв трёх-четырёх бойцов, Бабочкин направится к взорванному нами двое суток назад мосту, посмотрит, что там. Проведёт визуальную разведку. Бойцам тоже нужно осознать, что мы на вражеской территории, попривыкнуть к немцам, самим их форму поносить, освоиться, так сказать. Потом группа осторожно посетит место, где мы спрятали оружие, и заберёт его. Помимо этого, когда стемнеет, тот с парой бойцов пусть пробежится к месту, где мы спрятали мотоцикл, пусть и столкнули его вниз, в овраг, но тот целый, заберёт его и форму, если те на месте. Нам форма немецкая нужна и документы. Мотоцикл пусть отгонит и спрячет в лесу. Потом, соединившись с теми, кто будет ждать его, вернётся к нам на базу. А я в это время отдохну и до конца обдумаю свой план. То есть до начала подготовительных мероприятий оставались сутки, даже чуть больше, времени достаточно.

Вот так Бабочкин ушёл, остались только два бойца. Фомин, это повар, и Игнатов, а это фельдшер. Те занимались хозяйством, Фомин убежал к озеру за водой, и присматривали за всеми тремя немцами. Ликвидировать их я пока не спешил, может, найду, как их использовать. Да и пилота обещал не трогать, но это не значит, что не поручу убрать его кому другому. Обещание я давал не трогать его лично.

Следующие сутки пролетели как один миг. Для начала я, после того как отдал приказы по лагерю, перекусил, а потом отрубился на десять часов, и бойцы, что вернулись от поляны с нашей старой базы, старались меня не беспокоить. Охраняли немцев и занимались делами, обустраивая временный лагерь. Старшим я поставил сапёра Бабаева, он был тут же. После того как я, выспавшись, проснулся и отужинал, а было время ужина,

то занялся делами, часа два потратил на бойцов, проводя первичное обучение их действиям в тылу противника, описывал и показывал на примере, как себя вести и что делать, если на них немецкая форма и они изображают немцев. К этой мысли тоже нужно привыкнуть и осознать её. Описывал особенности действий вермахта, что значат те или иные нашивки, звания, как себя ведут немцы в повседневной жизни и в бою, особенности их менталитета. И даже зачитывал некоторые пункты устава. А что, у меня книжка в планшетке была, я потом выдал её одному из тех двух бойцов в группе, что немецкий язык знают. Второго, морячка, не было, пока не вернулся с Бабочкиным из рейда.

Когда стемнело, я устроился чуть в сторонке и, подсвечивая фонариком карту местности, занимался работой, планировал будущую операцию и наши действия по её подготовке. А для этого нужна трофеинная форма, документы и какая-нибудь немецкая техника, тот же мотоцикл пойдёт. Как я уже говорил, основа плана будущей операции уже была готова, а мелочь ещё нет, вот и наращивал мясо будущей операции, занимаясь её подготовкой.

Бабочкин вернулся к полудню следующего дня. Причём вернулся не один. Пусть все бойцы были загружены до предела, тут и прикопанное нами оружие было, и коробки с мешками продовольствия, сержант заглянул в один из наших схронов, чтобы пополнить запасы продовольствия, а при возвращении наткнулся на группу наших. Пятеро летунов со сбитого дальнего бомбардировщика, Варшавский железнодорожный узел бомбили, где и получили снаряд, тянули сколько смогли и упали у Буга. Пробирались в сторону фронта и вот произошла эта встреча. Чуть до стрельбы не дошло, ладно лётчики рассмотрели советскую форму и то, что бойцы экипированы по полной, включая петлицы, каски и пехотные лопатки. Да и Бабочкина рассмотрели в его форме бойца НКВД, особенно фуражку характерной расцветки. А то уже встречали полицаев в красноармейской форме да с повязками на рукавах, вот и были на нервах. Немцы уже активно переодевали полицаев в свою униформу, но на всех её пока не хватало. Командиром экипажа был старший лейтенант Берёзов – ха, у моего бойца прошлой группы такая же фамилия была. Вот он, пообщавшись с Бабочкиным, и решил двигаться с ними. Те жуть какие голодные были, трети сутки на подножном корме, так что бойцы их на месте покормили, особо не усердствуя, и взяли с собой.

Сейчас пока всех новоприбывших, включая летунов, осматривал наш фельдшер Игнатов, я выслушивал доклад Бабочкина. Особо и сказать

нечего было, тот всё выполнил, как я и приказывал. Мотоцикл с формой на месте был, технику в лес отогнали и спрятали, форму с собой принесли. Оружие тоже нетронутым обнаружили, забрали всё из ухоронки и также доставили. Как и некоторое количество продовольствия. На неделю хватит, потом снова придётся сбегать и принести. Повар муке радовался, сможет хлеб печь, как именно, не сказал, лишь сообщил, что это его проблемы, есть идеи. По поводу моста сообщил, что остались от его каменного основания лишь обломки, но сверху уже заканчивают рубить деревянный настил, там немецкие сапёры работают. Сегодня утром пустили первые машины через него, хорошо ещё, наши за ночь успели перегнать мотоцикл, не попались.

Вот так выслушал доклад и велел идти обедать, потом, когда вернувшаяся группа высится и отдохнёт после бессонных суток, сержант займётся делами. Но уже сейчас отправит пару бойцов стирать трофейную форму, высушим и выгладим, и начнём учить носить её. Тех, кому по размеру она будет. Ну, и завтра уже можно отправляться к дороге, только работать начнём подальше от тех мест, где уже работали. Мало ли что. Нам нужна форма на всех моих бойцов, и после учёбы, когда та на них сядет и станет привычной, можно уже заняться серьёзными делами. А пока я решил пообщаться с Берёзовым, узнать, какие планы у летунов, а то они вон как возбудились, увидев самолёт, видимо, им не сообщили, что у нас есть транспортник, правда быстро скисли, узнав, что у него сухие баки. Летуны уже пообедали, их первыми покормили, сейчас остальные пищу готовились принять, Фомин наготовил побольше по моему приказу, по подсчётом наши вскоре должны были вернуться.

И они вернулись с опозданием всего на час. Правда, людей больше оказалось, но ничего, на всех хватило. Салом спасались, на остатки московского хлеба резали, бутерброды делали, это и увеличивало размеры пайков. И да, я распорядился со вчерашнего дня выдавать нашему силачу полутонную порцию, обычной ему не хватало, так что получил от него взгляд, полный благодарности.

Представившись и поздоровавшись с летуном за руку, я предложил ему отойти, что мы и сделали. Присели на ствол поваленного дерева, после чего повели неторопливую беседу. Я сразу скомандовал без чинов, всё же равняюсь армейскому майору, а тот старлей, это и позволило спокойно поговорить. Тот тянулся к фронту и хотел как можно быстрее выйти к своим, а когда я предложил временно присоединиться к нашей группе, тот задумался. Да ещё я маслица подлил в огонь, мол, «юнкерс» мне нужен для разовой акции, а потом передам его летунам, даже топливо выдам, чтобы те

до своего аэродрома долетели, это его и добило. Помотаться по местным землям они успели вволю. И старлей прекрасно представлял, сколько километров непростого пути до линии фронта, через которую тоже ещё нужно перебраться, ему предстоит. В общем, он согласился, причём за всех, являясь командиром. Дальше я спросил по поводу тех, кто был с ним. Штурман, к счастью, присутствовал. Поэтому я приказал пока осваивать трофейную технику и готовиться её эксплуатировать, после чего подозвал сапёра Бабаева и приказал ему избавиться от немцев, теперь они нам уже не нужны. Знаю, что это не совсем хорошо, но отпускать их было бы ещё большей глупостью, а три лишних рта уже мне были не нужны, так что выход тут был один. Немецкий летун с отчаяньем глянул в мою сторону, но наткнувшись на мой твёрдый, полный уверенности взгляд – кто бы знал, как трудно он мне дался, – поник. Понял: и его приговорили. А обещание я выполнил, свои руки не запачкал, только душу. Нужно было правильно составлять просьбы, чтобы нельзя было их обойти. Неприятно всё это, гадко, но их сюда никто не звал.

Дальше так и потянулась подготовка. Только на дело мы пошли не сразу, а только через два дня, больше времени на подготовку потребовалось, а точнее, на тренинг нашей группы, тяжело им было ещё освоиться с тем, что придётся работать в тылу и ничем не выдать себя, именно этим тренингом мы и занимались. Форму постиранную и выглаженную носили мы с Бабочкиным, она нам по размеру была, и один из бойцов. К сожалению, ни один из тех, кто умел говорить на немецком языке, трофейную форму не получил, размера подходящего не было, а у этого бойца фигура как у Лосева, вот и подошла. Так что, собравшись всей группой – мы трое были в полном немецком снаряжении, даже ранцы немецкие за спинами, – попрыгали, после чего, выстроившись в колонну, побежали к тому месту, где оставили технику. Говоря о всех, я имел в виду всю свою группу, включая повара и фельдшера, в боевых действиях у нас участвуют все бойцы, что не могло не радовать этих двоих. Так что на базе остались лишь летуны. Оборона тут была нами подготовлена, один ДП стоял в пулемётной ячейке, он контролировал часть поля и лагеря, отличное место для обороны. Как готовить и как разводить бездымные костры, мы летунов тоже научили. Они и остались, ожидая нашего возвращения, охраняли базу и несли службу. Избыток трофейного оружия пригодился. Все карабины получили. Продовольствие им оставили практически всё, дней на пять хватит, а там мы планировали вернуться. Перед уходом я предупредил, только чтобы не подстрелили ненароком, к тому моменту я планировал всех бойцов переодеть в трофейную форму. Летунам она без

надобности, они в рейдах участвовать не будут и фактически станут нашим тылом – тем, куда мы будем возвращаться.

Шли мы быстрым темпом, километр бежали, километр шли отыхая. И так всё время. Путь в основном был разведен, поэтому и двигались уверенно, выслав двух бойцов в головной дозор. Вот так, пока шли, я размышлял. Пролёт транспортника, которого немцы ждали, они засекли. Не могли не засечь, и то, что тот сошёл с маршрута и где-то стих поблизости, возможно сел, тоже засекли. Потому, пока я спал после прилёта, над лесом покрутился самолёт-разведчик, пару раз мелькнул, и всё. Видимо, так и не найдя, куда делись их самолёт с экипажем и диверсантами, те стали искать в другом месте, проводя также наземные поиски с опросом местного населения. Что кто слышал ночью. Нашу поляну и замаскированный самолёт лётчик-наблюдатель так и не обнаружил. Пролетели мимо, не покрутившись, чтобы рассмотреть что-то. Следы колеи тоже удалось благополучно замаскировать. Сейчас летуны, оставшиеся на поляне, получили пару трофейных пехотных лопаток и должны заниматься поляной, срывать кочки и подготавливать площадку для взлёта.

В остальном всё как обычно, работаем под подвижный патруль и тормозим то, что нам будет нужно, опыт есть, при этом нужно, чтобы такого же опыта набрались остальные бойцы группы. Для этого всех и взял, чтобы набирались, чтобы не казались желторотыми новичками. В будущем это ой как пригодится. Я даже с обоими бойцами, знающими немецкий, говорил только на языке противника, и для меня языковая практика, и для них тоже. Мне даже указывали на моменты, где я неправильно говорил или строил фразы, учили, и это правильно. Помимо этого я поставил обоим задачу обучить остальных бойцов хотя бы самым распространённым фразам, а потом уже к серьезному обучению перейти. Благо один из бойцов как раз и был ранее учителем немецкого языка, знал, что и как делать. А так всё они получат лишь с опытом и тренировками. Похоже, придётся задержаться тут чуть больше времени, чем я планировал. Парней придётся дольше обкатывать, работая под немцев, иначе какой-нибудь момент из-за их неопытности может сорвать нам всю основную операцию, а этого хотелось бы избежать.

Тут пришёл сигнал от дозора, вырывая меня из размышлений. Путая следы, мы удалились от базы с самолётом уже достаточно далеко, половину дороги точно преодолели, когда возникла первая неожиданность. В лесу дозор обнаружил чужаков. Ладно хоть не наткнулись, выбежав прямо к ним, а засекли движение и светлое пятно, и, упав, перекатились за ближайшие деревья. Один боец стал высматривать, кто это там шастает по

нашему лесу, а второй, по-пластунски уйдя в сторону, вскочил и побежал к нам навстречу, чтобы остановить и доложиться мне. Вот и доложился. Пришлось отправлять Бабочкина, тот пробежался и, вернувшись, доложил, деревенские это. С корзинами гуляют, похоже грибники. Три девчонки и с ними взрослая женщина, нас они услышали, шум движения, и, укрывшись за ёлкой, вслушивались в лес, явно дрожа. Испугались. Лешего, что ли? Выходить мы к ним не стали, обошли стороной и побежали дальше. Только вот грибники стали встречаться, чем дальше, тем больше. К счастью, обошлось без встреч.

К вечеру, выехав на перекрёсток дороги, я заглушил хорошо потрудившийся мотор и, выключив зажигание, последним покинул седло мотоцикла, двое других, Бабочкин и второй боец, которому досталась трофеинная форма, уже осматривались. Остальную группу под командованием Бабаева мы оставили в лесу и, используя мотоцикл, укатили почти за двадцать километров. Вернуться уже не сможем, топливо к концу подошло, но место для стоянки выбрали отличное. Жаль, так постов фельджандармов ни одного и не встретилось, очень надо, но и так пока неплохо. Тем более возвращаться без трофеев мы не планировали, а значит, и топливо добудем. Главная же задача на ближайшие дни не только обкатать основную группу под видом патрулей, чтобы те привыкли спокойно работать, но и добыть топливо для самолёта. Да тупо остановить машину с бочками и проверить. Если то, что нужно, то водилу под нож и отгоняем технику в лес. Нужно две машины, полетать придётся изрядно, так что запас иметь стоит. Запас карман не тянет, как говорится. Вот и нужно для этого добыть форму, причём достаточно много, так как для каждого бойца форма будет подбираться индивидуально, чтобы сидела идеально. Особенно с силачом нашим придётся потрудиться, чтобы найти под него подходящего размера форму. Однако надеюсь, найду, как технику, так и бляхи с документами фельджандармов и свежими картами, что у них обычно имеются. А вообще, пост фельджандармов – это наша первоочередная цель. Мы бы продолжили кататься, но топлива на дне бака осталось, а перекрёсток уж больно удачно попался, дороги хорошо укатанные, будет кого тормознуть.

– Ну что? – проверив мотоцикл, поинтересовался я у Бабочкина, что стоял чуть в стороне и внимательно осматривал в бинокль все четыре стороны, дороги изучал, есть пыль на них или нет.

Второй боец облокотился о коляску и поглаживал приклад пулемёта, мы за эти два дня всем бойцам провели краткий курс использования

трофейного вооружения, и тот эту машинку знал, пусть не так и хорошо и опыта применения не было совсем, но он у нас был за пулемётчика, вот и находился рядом с ним. Сам боец в первое время сильно нервничал. Как мы покинули лес, тарахтя мотоциклетным движком, то я заметил, как тот впивался во встречные машины взглядом, или те, что мы обгоняли, в телеги с полицаями всматривался. То есть вёл себя как новичок, даже Бабочкин это отметил, однако постепенно тот привёл нервы в порядок и сейчас ничего, поднял очки на каску и вытирая лицо платком от пыли. Я приказывал вести себя естественно, пусть думают, что для них немецкий тыл как наш, вроде как тут вокруг все свои, это позволит быстрее адаптироваться, но пока дело двигалось туда.

— Пусто, — сообщил Бабочкин и сменил направление наблюдения. — Вечер, движение стихает. Поздно встали в качестве поста. Если только опоздавшие какие появятся, спеша добраться до места назначения до темноты.

Бабочкин как будто предсказал, вскоре появилась пыль на горизонте, и мы в бинокль рассмотрели два грузовика, что двигались на довольно высокой скорости к нашему перекрёстку.

— Пропускаем, — рассмотрев в кузовах солдат, приказал я. — Нам с ними не справиться.

— Пулемёт повернуть в их сторону? — спросил второй боец.

— Нет. Это подозрительно. Постарайся вести себя непринужденно, а то, я смотрю, ты руки не знаешь куда деть. Посмотри, как опытный в этом деле сержант Бабочкин поставил ногу на запасное колесо коляски и бархатной тряпочкой начищает сапоги до зеркального блеска. Тут и делом занимается, и внимания к себе особо не привлекает. Для примера, ты можешь займеть сигареты, и когда такая колонна приближается, суёшь сигарету в рот, зажимая её губами, и делаешь вид, что ищешь спички или зажигалку, хлопая по карманам. Не нашёл, начал спрашивать у коллег. Пока ищешь, машины и прошли. Никто на тебя и внимания не обратил бы. А сейчас ты бледный, пот на лбу, и трясёт всего, очень подозрительный.

— Так я же не курю, товарищ командир, — слабо улыбнулся тот.

— И что? И я не курю, а пачка трофейных сигарет в кармане есть, бывает немцев угощаю, если попросят, или огоньку даю прикурить. А ещё у меня в нагрудном кармане очки имеются, с простыми стёклами, это позволяет тряпочкой их протирать, время тянуть. Облик меняют, если надеть. Мне сейчас этого не нужно, как видишь, я делаю вид, что песочу тебя, а ты стоишь навытяжку, руки по швам, это тоже для маскировки, позволяет не привлекать к себе внимания... Ну вот, немцы благополучно

проехали, но игру не заканчиваем, на нас ещё поглядывают из кузовов машин... Вот теперь всё, пыль скрыла нас от противника, продолжаем заниматься делами, то есть раз пост, значит пост, пусть и не жандармский, обычные армейцы из охранных дивизий тоже их организовывают.

– Ясно, товарищ командир, – кивнул тот, я был для него непререкаемым авторитетом после того, как бойцы нашей группы, наконец, услышали довольно подробное описание похождений нашей прошлой группы, даже групп – что я майор К., тот самый из газет, они ещё во внутреннем дворике военкомата узнали, а сейчас только осознали, что это действительно мы столько дел натворили в тылу врага, и о нас столько в газетах писали. Газеты тоже были в наличии, и все желающие могли их прочитать, мы с Бабочкиным их уже полностью изучили в личное время. Бойцы, читая ту или иную статью, обращались к Бабочину, ко мне лезть с вопросами они опасались, хотели услышать, как происходили те или иные события, описываемые в статьях. А мы рассказывали, делились так же таким образом тем самым опытом, и бойцы видели теперь эти операции совсем с другой стороны, чем они были описаны в газетах. Летуны, узнав, к кому они попали, изрядно возбудились и обрадовались. Выяснилось, что за эти два месяца войны я стал настоящей легендой в Красной Армии, обо мне не только в газетах писали, говорили на радио, да и бойцы передавали разные слухи. Например, об авиационном партизанском отряде какие только слухи ни ходили. Да и сами летуны однажды видели такой же транспортный «юнкерс», что у нас сейчас имелся, своими глазами видели. Тот садился на их аэродроме для дозаправки, вот и узнали хозяева аэродрома от гостей, кто захватил этот аппарат, наслушались разных небылиц. Когда пересказали их нам, мы с Бабочкиным только посмеялись и описали, как на самом деле всё было. Между прочим, аэродром, где мы те четыре «юнкера» трофеями захватили, находился не так и далеко, меньше чем в тридцати километрах. Ещё штурман сказал, что видел меня на фото. Правда, со спиной, но в немецкой форме. На том фото, что было сделано с борта бронетранспортёра одним из корреспондентов, где три красноармейца вели к немецкому посту пленённых ими окружёнцев. Я даже признался, что на мне сейчас как раз и была та самая трофейная форма, только нашивки перешиты. Тот подтвердил, со спиной я один в один как на фото. Ну ещё бы. Так что популярность наша с Бабочкиным у других бойцов группы и у летунов была огромной. На лекциях или на рассказах была стопроцентная явка.

Осмотревшись, я подумал и протянул бойцу свои очки, сказав:

– Держи, на первое время пригодятся, а дальше тебе они уже не

понадобятся, сам найдёшь стиль поведения, как вести себя, пока проезжают рядом немцы. А пока хоть руки займёшь.

– Спасибо, товарищ командир.

Пока боец открывал очки и протирал их, то есть тренировался даже в этом, чтобы потом не накосячить, мы с Бабочкиным стали всматриваться в очередные клубы пыли. Пока непонятно, кто там так гнал, что поднимал огромное облако пыли. Торопились успеть до темноты куда-то.

– Легковушка, – наконец сказал я, рассмотрев характерную кабину «опель-кадета», что показалась впереди.

– Сопровождения не вижу. Есть или нет, – добавил сержант.

– Остановим – увидим, – пожал я плечами. – Внимание, готовимся.

Подняв руку, я приказал водителю легковушки остановиться. У той всё же было сопровождение, когда пыль стала оседать, а машина окончательно остановилась, мы рассмотрели позади мотоцикл с тремя седоками, запылёнными до такой степени, что грязь покрывала их сантиметровым слоем. Бабочкин направился к мотоциклистам, это его клиенты, а я подошёл к водительской двери «опеля». Боец стоял у коляски, к пулемёту он и не тянулся, но автомат был наготове, тот должен был прикрыть того из нас, у кого могут возникнуть проблемы. А так у нас у всех троих были МП, у меня и у Бабочкина ещё и пистолеты в кобурах. Гранаты и всё остальное также имелось. В общем, от обычных пехотинцев не отличить. Разве что наличием автомата у рядового, а не карабина, как должно быть.

В салоне легковушки сидел вальяжный оберст, подполковник по нашему, с лейтенантом, тот на переднем сиденье находился, и ещё водитель за рулём. На заднем сиденье также находились какие-то мешки, причём опечатанные, попалась на глаза эта печать на одном из мешков. Пока я брал для проверки протянутые водителем документы, оберст надменно спросил:

– В чём дело, унтер? Мы торопимся.

Ответить я не успел, Бабочкин рявкнул те фразы на немецком языке, которые хорошо запомнил, зазубрил, заставляя сопровождение оберста поднять руки и не шевелиться. Да уж, под стволом автомата не подёргаешься, срежет всех одной очередью. Наш боец бросился к нему, верёвки – вязать пленных – уже были готовы, а я просто бросил внутрь кабины гранату, оберст замер, выпучив глаза, а лейтенант, явно его адъютант, мигом выскочил из машины. Водителя я приголубил по голове такой же гранатой, а лейтенанта взял на прицел, держа его и оберста в кабине под стволом автомата. Граната была не взведена, так что опасаться её не стоило, чего не знали немцы. Когда бойцы спеленали охрану, то и за них взялись. Грязное это дело войны. Но опросив захваченных «языков»,

мы отвезли их подальше и без особой жалости отправили под нож. Ну не нужны нам пленные, которые могут рассказать о нас. В том-то и доля простого диверсанта, мы стараемся следов и свидетелей не оставлять. А взяли мы не много не мало, а начфина первой танковой группы Клейста. Я больше скажу, денег офицеры и солдаты этой группы за последний месяц не увидят. А тугие пачки рейхсмарок, что были набиты в шести опечатанных мешках, находились в небольшом багажнике и в самой кабине. Так что оберсту было позади тесновато с мешками. Откуда они тут взялись такие красавцы, тот мне описал. И свела нас не судьба, а всего лишь поломка их броневика охраны.

Деньги пригодятся, так что, развернувшись, мы сменили место стоянки и по пути остановили грузовик с автомобильными запчастями. Появилось у нас ещё три комплекта трофейной формы, в кузове солдат сидел, и уже когда окончательно стемнело, мы доехали до леса, где оставили бойцов. Так и заехали в лес, где выгрузили мешки и запчасти с бочкой бензина в один из схронов. Следы старались не оставлять. И да, мешки с деньгами я выгрузил не все, один оставил при себе. А так в кузове грузовика ещё одна бочка была, должно хватить. Дальше, те бойцы, которым подошла форма, переоделись, то, что не подошло, ушло в схрон, после этого, оставив замаскированную легковушку финчести в лесу – мотоцикл охраны, после небольших раздумий, я решил забрать, – мы погрузились на захваченную технику и покинули лес. Все со мной были, и те, что в трофеях, и те, что в красноармейской форме, кузов крытый, кто внутри, не видно. Мы так ранее не раз делали. Отъедем подальше, начфина, особенно те деньги, что он вёз, немцы с собаками будут искать, вот и уедем из зоны поисков, и будем захватывать то, что нам нужно, а это авиационный бензин. Почему-то самолёты без него не летают. Причём покидали этот район так, чтобы заехать и забрать тело оберста и пары его солдат, надо будет подбросить их в другом месте с документами и мотоциклом, пусть там ищут, подальше от нашего леса. Всё это и выполнили.

* * *

Вот уже как неделю мы работали на разных дорогах, где изрядно пропало машин и разных колонн, и всё благодаря нам. Немцы только поиск начинали, а мы уже в другой район перебирались. Тело начфина танковой группы подбросили поблизости от одной из оживлённых дорог, чтобы

заметно было, и его нашли. Как выяснилось из допроса некоторых «языков», и поиски шли там же, а не где мы их действительно захватили.

За эту неделю мои бойцы действительно освоились, заматерели, очки мои с простыми линзами в первое время из рук в руки переходили, уже все обзавелись трофейными папиросами и зажигалками, хотя курили всего двое, гармошками – учились пиликать на них. Те есть нормально, уже не казались такими новичками, как в первые дни. Но Бабочкин всё гонял их, учил и учил, так что наше подразделение очень хорошо походило на немецкое. За эту неделю мы кем только не бывали: и связистами, и лётчиками, и танкистами, и моторизованной частью, даже артиллеристами, – нашивки и номера на машинах способствовали этому, а сейчас мы работали под усиленный пост фельдшандармов, вчера добыли всё, что нужно, вырезав пост, и глазастый Бабочкин только что рассмотрел на подходившей к нам колонне эмблемы люфтваффе и бочки в кузове. Неужели наконец повезло, и есть авиационное топливо? Это впервые, когда мы за эту неделю встретили нужные машины, иначе я бы свернул поиски раньше. Вон, у нас летуны второй день должны без еды сидеть, на пять дней же запасов было.

– В колонне два бензовоза, – сообщил, не отрываясь от бинокля, Бабочкин.

– Берём всё, – принял я решение. – Водил берём живыми. У нас своих на всю технику не хватит.

– Понял.

С колонной могут быть проблемы. Та шла с охраной, однако у нас уже не было выбора. Топливо требовалось до зарезу. До такой степени, что мы с Бабочкиным уже подумывали совершить рейд к одному из аэродромов и устроить налёт. А тут в колонне было четыре грузовика, заставленных немецкими бочками с топливом, уже по расцветке было ясно, что там авиационный бензин, ещё один крытый, два бензовоза, и охрана на двух «ганомагах» и в сопровождении мотоцикла. Последний явно осуществлял головной дозор, двигался метрах в двухстах впереди колонны. Один бронетранспортёр возглавлял колонну, второй шёл позади. Правда, мы тоже не лыком шиты были, имели такой же «ганомаг», как и у охраны, пару мотоциклов с пулемётами и броневик с автоматической пушкой. Вроде той, что на танках стояли, тип «Два». Все трофеи имели обозначения той же части, где и мы служили, то есть имели нашивки. Потому особо на нас внимания не обращали. На самом деле техника была из других подразделений, мы просто наносили новые эмблемы и перешивали нашивки по мере надобности. Танкисты из моей группы уже освоили как

броневик, двое в нём были, так и «ганомаг», там был сформирован свой экипаж. Мы с Бабочкиным управляли мотоциклами при движении нашей колонны. В запасе был ещё один водитель, резервный, но на всю эту колонну нас всё равно не хватит.

Дальше, пока колонна приближалась, я стал обходить бойцов и ставить им задачи. Сам я был теперь очкастым рядовым, а оба наших переводчика учились проверять документы, вести беседу с водителями и сопровождением, с офицерами. Так что один был в форме лейтенанта, это морячок, другой унтер. Именно унтер и вышел на дорогу, подняв жезл, чтобы остановить дозорный мотоцикл. Дальше тот проверял у трёх немцев документы, пока колонна подходила, а я закончил ставить всем задачи, включая нашего офицера. Наблюдатель в «ганомаге» подал сигнал, всё чисто, свидетелей нет, дороги пусты, можно работать. Сразу же вышедший на дорогу наш офицер, заложив руки за спину, направился к кабине передней машины, где сидел интендант, тоже офицер. Тот вышел и, явно проявляя недовольство, стал показывать бумаги, но тут произошло две вещи, наш офицер показал жетон СД, отчего интендант сразу скис, а также наш бронетранспортёр, рыкнув двигателем, выкатился на дорогу, перерезая колонне путь вперёд. У броневика шевельнулась пушка, было понятно, что на любое сопротивление будет открыт шквальный огонь. Дальше наш офицер скомандовал вывести всех водителей для проверки, так как было подозрение, что колонна ложная, всем известно, как тут бесчинствовали русские диверсанты. Потом будет проверена охрана. То есть действовали мы вполне по инструкциям, написанным самими же немцами, и, судя по тому, как те начали выполнять приказ, такую проверку им уже приходилось проходить.

Как только все водители выстроились в шеренгу, очередью ударила пушка нашего броневика, и выпущенные им снаряды кромсали борта второго «ганомага», а в десантный отсек передового в колонне полетели гранаты, отчего корпус затрясся от разрывов. Из этого бронетранспортёра уже вылез унтер, чтобы узнать причину остановки, так его из автомата срезали, а все его солдаты остались внутри в виде фарша, нашпигованные осколками. Интенданта и всех водил поставили на колени, а я тут тоже работал, продолжая делать вид, что рядовой, все и так знали, что делать дальше. Потом проверили оба бронетранспортёра, к счастью они не загорелись, после чего один отогнали своим ходом в овраг и столкнули вниз, тот был на ходу. А вот второй утащили уже нашим бронетранспортёром на буксире и столкнули туда же. Ещё постарались подмести следы на дороге вениками, они у нас заготовлены были. Дальше

было объяснено водителям, что те должны делать, получив их согласие, они сели в кабину, естественно не одни, под охраной бойцов, что сменили автоматы на пистолеты, и колонна, уже под охраной фельдшандармов, отправилась в путь. Только свернула не направо, в сторону своего родного аэродрома, куда и доставлялось топливо, а влево, и направилась прямиком к тому лесу, где и находилась наша база. Ох, надеюсь, что туда ещё не высадили советскую разведгруппу партизанскую борьбу организовывать, благо запасы мы для этого создали основательные, ну и меня поискать. А ведь вполне могли, времени-то сколько прошло. Пару бойцов для проверки пошлю сначала на поляну. Если всё в норме, то и сами подъедем. Первоначальная фаза операции подходит к концу, топливо добыли, только многовато, но да ладно, главное, лишь бы довезти, всё же сто километров без малого по прямой до него, теперь можно переходить на основную часть операции. Кстати, а в крытом грузовике были коробки с лётными пайками, полный грузовик высококалорийной пищи.

Несмотря на то что до леса было больше сотни километров, тем более путь наш увеличивался вдвое в связи с тем, что пришлось обезжать лес, добрались мы благополучно. Тем более половину пути проехали ночью. Мы обезжали те дороги, где стояли посты, но на один всё же наткнулись, на моей карте его не было, видимо свежий. Остановились по требованию, как и положено, пока наш офицер ругался с местным унтером, старшим поста, мы выявили все огненные точки, разом погасили их, никто даже в ответ выстрелить не успел, и правильно, у нас бензин, собрали трофеи и двинули дальше. И карта свежая была с новыми отметками постов. Вот ведь, почти все дороги перекрыли, и откуда у немцев тут столько войск? А лес обезжали по той причине, что близко к поляне с самолётом с этой стороны подъехать не сможем, это со стороны, где мы мост взорвали, и вблизи наши схроны находятся. Там овраг глубокий, а мост сгорел, не проехать, вот я и решил въехать в лес с другой стороны. Немцы этими лесными дорогами, частью заросшими, не пользовались, а нам кто помешает?

Вот так добрались и, найдя в прошлом хорошо укатанную, явно грузовиками, дорогу, въехали в лес. Судя по следам, а точнее их отсутствию, тут давненько никого не было, однако ничего, проехали метров шестьсот, углубившись в лес, и прямо на дороге встали, броневик развернул башню, он замыкал колонну, мы выставили двух часовых и расположились на ночёвку. Да тут же на обочине дороги, используя советские и немецкие плащ-палатки, а также немногочисленные немецкие шинели. Бойцы прогуливались, сторожа наш сон, а мы отсыпались. Завтра

и продолжим движение. Всё равно ночью непонятно куда ехать и на какие тропинки нужно свернуть, чтобы подобраться к поляне максимально близко.

Побудку я назначил на восемь утра, дав бойцам пару дополнительных часов для сна. Вчера все хорошо потрудились и заслужили время дополнительного отдыха. Часовые, которые уже сменили прежних, поглядывая на часы, поднимали также остальных. Насчёт часов, то тут есть такое дело. Я сразу сообщил, что мы диверсанты и снабжать нас должны немцы, так что что снял с самолично убитого противника, всё твоё. Законы мародёрства на нас не распространялись, так что наручными хронометрами успели обзавестись все, и давно уже. Кстати, Фомин был поднят на полчаса раньше, в стороне уже горели пара костерков, где булькала вода, мы её запас в канистрах возим, и готовился завтрак. Только двое бойцов горяченького не поедят, я отправил их к поляне, проверить, нет ли там чужаков. Если есть, на поляну не выходить, себя не обнаруживать и возвращаться к нам. По пути нужно будет найти подходящий маршрут к поляне. Можно ли подогнать туда технику или нет. Это основное, так что, получив задание, а также сухпай, между прочим, лётные пайки, бойцы побежали выполнять приказ. Пленных водителей мы тоже покормили, пока сами завтракали. Офицера, старшего колонны, с нами сейчас не было, в том же овраге его тело лежит, куда мы бронетранспортёры и мотоцикл охраны столкнули. После завтрака пара бойцов ещё не вернулась, я отправил ещё троих, этих уже непосредственно исследовать дорогу, старшим наш сапёр Бабаев был, приличный дядька, он быстрее всего освоился и носил форму ефрейтора привычно, не особо комплексуя. Лишь одно ему мешало – усы. Как и Лосев, он категорически отказывался их сбривать, очень ими дорожил. Я особо и не настаивал, если бы приказал, тот бы сбрил, никуда не делся, однако это мне было не важно. Тот просто на виду не показывался, вот и всё, стоял за пулемётчика или наводчика в башне броневика.

Возвращения обеих групп пришлось ждать достаточно долго, сначала вернулась пара, причём с одним из летунов, я даже вздохнул с облегчением, дождались, потом та тройка. Есть путь к поляне. Оказалось, проблем с продовольствием у летунов не было, они ещё на третий день ожидания подстрелили кабанчика да заготовили мясо, так что хватило нас дождаться, а вот само ожидание действительно тяготило, мы раньше должны были вернуться, но Берёзов строго приказал панические разговоры прекратить, ждать решили до упора. Вот и дождались. Никого на поляне за это время не

было, однако пару дней назад ночью слышали летуны шум моторов над лесом и уверены, что это был «дуглас». Значит, советскую разведгруппу всё же сбросили над лесом. К счастью, те про поляну не знают, и надеюсь, до наступления ночи не узнают, так как ночью мы улетаем, и маршрут наш будет проложен на Берлин. А что? Немцам можно акции в Москве устраивать, а нам нет? Неправильно это. Вон, они на Сталина устроить охоту решили, вот я и решил ответить им алаверды. Пока о моих планах операции никто не знает, сообщу это перед самым вылетом.

Выслушав доклады, я кивнул и отдал приказ, «ганомаг» двигается впереди, прокладывает дорогу, ломая мелкую поросль, бойцы будут показывать путь. Так что, вернув пленных в кабины, мы направили колонну к поляне. Прямой дороги к поляне не было, пришлось частью рубить небольшие деревца, оттаскивая их в сторону, частью просто обезжать, маневрируя. Однако до опушки добрались и выстроили там грузовики. Бабочкина и трёх бойцов пока не было, следы за нами маскировали. Пока радостные летуны вскрывали лётные пайки и насыщались, прикидывая, как будут заправлять самолёт, я поставил несколько задач. Значит, так, половина группы помогает летунам готовить самолёт и загружает вещами салон самолёта, а вторую я отправил отсыпаться. Дал им пять часов, как отдохнут, сменятся с первой группой и продолжат незаконченные работы. Также велел бойцам привести себя в порядок, искупаться в озере, постирать трофеиную и нашу форму, которую мы всё так и возили узлами с собой, погладить её. В общем, дел хватало, так что бойцы ими занялись, а я, устроившись у палатки, прикидывал, где нам лучше совершиТЬ посадку, чтобы и самолёт отстоялся за всё время нашего отсутствия, и летунов не обнаружили, что будут его охранять. Сколько мы будем отсутствовать, я не знаю, но дождаться нашего возвращения те должны. Потом стал составлять список того, что возьмём с собой, нужен минимум, грузоподъёмность самолёта не резиновая, а я ещё планировал пару бочек с бензином прихватить, чтобы точно хватило вернуться. Вот по этому списку бойцы и загружали салон самолёта. Сначала всё выгрузили, облегчая его, там штурман командовал, пока пилот и остальные занимались заправкой, подогнав бензовоз, а теперь шла загрузка.

Бабочкин закончил с маскировкой следов нашей колонны, что-то вроде получилось, первый же дождь окончательно скроет все следы, и усталый пошёл к озеру. Бойцы направились с ним. Вздориться хотели. А вернувшись через час голышом, постиранное нательное бельё и форму те несли на руках, развесили всё сушиться, накинули запасные портки и включились в дело.

За час до рассвета я велел всем построиться. Отдохнуть успели все, что бойцы, что летуны, пусть посменно, по пять часов, но хоть не будем выглядеть как сонные муhi. Оглядел строй. Все мои бойцы в чистенькой выглаженной форме вермахта, с бляхами фельджандармов, летуны в своих комбинезонах и шлемофонах, вооружённые трофейным оружием. Всех пленных водителей отправили к экипажу самолёта, то есть прикопали – извините, парни, война. Хотя какое извините, это вы на нас напали. Так вот, всё было подготовлено к вылету, и я уже сообщил, кто летит с нами, а кто нет, два лётчика из экипажа старшего лейтенанта Берёзова не летели. Они останутся тут. Более того, их задача за время нашего отсутствия не только замаскировать все следы взлёта, но и укрыть грузовики и бензовозы. То есть отогнать чуть в сторону, но не дальше двухсот метров, вырыть для каждой машины капониры и замаскировать ветками. Я планирую в будущем тут устроить аэродром подскока, где смогут садиться что бомбардировщики, что транспортники, пока топливо для них будет. Если немцы прочухают, могут разбомбить, вот и подстраховался, чтобы не накрыли всё разом. Если к тому моменту тут что останется. Ну, или партизанский отряд будет пользоваться бензином, грузы им будут доставлять, и есть чем заправить для обратного полёта. Нам столько не надо, до Берлина и обратно, потом летуны заправятся и улетят на свой аэродром, а мы уйдём в другой район и будем там действовать. Может, раньше разойдёмся с летунами. Возвращаться на эту поляну я не хотел, чуял, к моменту нашего возвращения тут будут меня ждать. Рано ещё, ну вот рано. Кстати, отдал одному из двух лётчиков, что остаются тут, запечатанное письмо. Передать требуется тем, кто выйдет на них, из советских парашютистов. Просто подстраховался.

Так вот, осмотрев строй бойцов и командиров, тут Бабочкин командовал построением и мне доложился, когда закончил, я осмотрел парней и негромко начал, но с каждым словом сила в моем голосе росла:

– Товарищи бойцы и командиры. Не так давно гитлеровские прихвостни решили убить товарища Сталина, организовав эту подлую со всех сторон акцию. Я со своими бойцами, узнав об этом, решил не дать совершившейся такой подлости. Мы под видом немецких диверсантов прибыли в Москву и уничтожили как диверсантов, так и их пособников, в двух операциях участвовали и вы, уничтожая вора в законе, а потом на квартире его людей, но это уже была мелочь. Так вот, будучи возмущённым подобной акцией, я решил показать гитлеровцам, что мы тоже способны на подобные операции. Если немцы устраивали на улицах Москвы чуть ли не

бои с применением гранат, то и мы сможем это провернуть. Так что слушайте боевую задачу. Я не обещаю, что мы все вернёмся, но могу пообещать, что нас внесут в историю, и особенности этой операции будут разбирать на уроках в военных училищах или академиях. Возможно, и на уроках истории в школе. Наша задача состоит в том, чтобы максимально незаметно долететь до Берлина, где совершить посадку неподалёку, желательно, как и сейчас, на лесной поляне. Замаскировать самолёт, оставив лётчиков нас дожидаться, после чего под видом солдат вермахта проникнуть в столицу Третьего рейха и провести несколько громких акций. Причём проводить мы их будем в Берлине в форме советских бойцов. Именно поэтому я приказал погрузить её на борт самолёта. Мы будем вести постоянный фотопортаж наших действий, ведь не зря же за время работы под патрули мы смогли взять трофеями два фотоаппарата и большое количество фотоплёнки. Подробности операции будут озвучены на месте. На этом всё, командир экипажа и штурман ко мне, будем составлять маршрут полёта. Остальным разойтись. Вылет назначаю на пол-одиннадцатого, отдыхайте.

Да какой уж тут отдых, все были так возбуждены от шокировавших их планов операции, что усидеть на одном месте не смогли. Один боец уточнил у Бабочкина, о чём я говорил, под каких диверсантов мы маскировались? Ранее эту историю мы не озвучивали, так что, когда сержант с моего разрешения начал рассказывать, тут же все собрались вокруг него, я как разставил задачу. Летуны с завистью поглядывали на кружок бойцов вокруг Бабочкина, но слушали меня всё же внимательно, поглядывая на карту, что я расстелил на ящике из-под патронов.

– Смотрите. С этого транспортного аэродрома, каждую вторую ночь, в одиннадцать часов, курсом на Берлин вылетает пассажирский самолёт. Тоже «юнкерс», но не транспортный, как у нас, а чисто пассажирский. Немцы этими регулярными рейсами часто пользуются, а именно достаточно высокопоставленные офицеры. Отдых, командировки или по вызовам вылетают в Берлин. Неважно. Ваша задача такова, мы взлетаем примерно в то же время. Нагоняем его и пристраиваемся в хвосте. На борту нет бортстрелка, нас не должны обнаружить. Зенитчики и воздушная разведка знают о пролёте этого самолёта, постарайтесь сделать так, чтобы гул наших моторов если не совмешался, то хотя бы перекликался с пассажирским. Пусть думают, что это эхо от звука моторов, а не два летят, как будет на самом деле. Как вы это сделаете, не мои проблемы, это вы лётчики, а не я. Под такой маскировкой мы добираемся до Берлина, на подлёте быстрым снижением уходим в сторону и направляемся к этому

лесу. Он, правда, в сорока километрах от Берлина, но очень крупный, поляны тут должны быть, находим и садимся. Вы остаётесь, мы добываем технику, ну и там наша работа. Самолёт замаскировать поможем, подготовить позиции для обороны тоже. Запасов продовольствия оставим в этот раз достаточно. Сидите там тихо, носа никуда не суйте, вы наш единственный шанс на эвакуацию. Главное, у леса мало поселений, и о нашем появлении там не должна разойтись информация, если вообще она разойдётся. Нас бы искали, если бы мы в одиночку летели, собирая на себя всех слухачей. Кстати, немцы используют этот рейс для такого же ночных возвращения. По чётным дням летят в Берлин, как сегодня, по нечётным возвращаются на этот аэродром. Имейте это в виду, обратно вылетаем в нечётный день и так же пристраиваемся к этому пассажирскому «юнкерсу». Осознали свою задачу?

— Да, товарищ старший лейтенант госбезопасности, осознали, — почесав затылок, сказал Берёзов. — Интересная задачка. Надо обмозговать, а времени мало.

— Ну, вот и обмозгуйте. У вас ещё те часы будут, что потратим на время полёта. Если что, подстрахую, сменю, всё же я этот самолёт сюда пригнал.

— Угу, — отстранённо кивнул Берёзов, явно находясь где-то далеко в своих мыслях.

Забрав карту, те со штурманом ушли, им изрядно поработать нужно, а я подошёл к группе бойцов. Бабочкин уже заканчивал повествование. Немного приврал, конечно, мол, нам лично товарищ Берия приказал сформировать свою группу, в которую и вошли все эти парни, и вот воюем. За неделю вон сколько прикопали или замаскировали тел немецких солдат, сколько техники утопили и повредили минами. Сколько частей своих грузов не дождались, которые им так необходимы. Не каждый стрелковый полк имеет подобное количество уничтоженного противника и техники на своём счету. Если так навскидку прикинуть, что мы успели сделать... Например, устроили шесть пулемётных засад, дважды там сгинули полноценные пехотные роты. Против восьми МГ в упор без возможности укрыться шансов у гансов не было совсем. Мы даже прятать следы своей деятельности не пытались. Сразу собирали трофеи, особенно документы убитых, вон пять немецких ранцев забиты доверху, и меняли район. Так вот, две роты были, трижды взводы. Один из которых велосипедный. Потом две гаубичные батареи, сапёр тут отлично поработал, минируя обычные дороги, и когда подрывалась передовая машина, мы крошили остальных. Правда, на дорогу не выходили. Раненых не добавили. Покрошили всех, кого могли достать, отползали, прыг на машины, и уходили. То-то немцы

так бесились от наших действий, и дорожная полиция так зверствовала. Особенно их бесило бессистемное минирование дорог. А мы трофеем целый грузовик взяли, там и противопехотные мины были, и противотанковые. Сплошного минирования мы не делали, например, ехали, находили подходящее место, останавливались, как будто оправиться, и там сапёр закладывал мину, обычно противотанковую под колесо, то есть под колею, и пару противопехотных на обочину, кому повезёт. Мины, естественно, ставил за колонной, чтобы мы сами не подорвались, после этого уезжали, не отслеживая, кто подорвётся. Потом следующая за нами машина, одиночная или передовая в колонне, подрывалась, кабины обычно напрочь отрывало. Да мы так часто этим минированием занимались всех дорог, где бывали, что за два дня истратили весь запас. Потом мы узнали, что многие офицеры и водители просто отказывались ездить по дорогам, пока сапёры их не проверят. Мы тогда под сапёров и работали, хорошо повеселились. Эти потери тоже стоит учитывать.

Бабочкин вёл журнал учёта действий нашей группы, и когда мы, это бывало раз пять, проезжали по дорогам, которые ранее минировали, то видели изувеченные обломки грузовиков, бронетранспортёров или другой техники, что тот педантично вносил в журнал. Изредка убитой техники виднелись и берёзовые кресты. От плениных мы потом узнавали, какие потери несла транспортная система вермахта. А так если навскидку припомнить, то на нашем счету ещё четыре угнанных танка, мы их частью утопили, частью спрятали, я приметил места, только броневик оставили. Потом про две гаубичных батареи я уже говорил, сапёров трижды отлавливали, два раза интендантов, колонн пять перехватили. Легковушки были, особенно одиночных любили, этих ни разу не упустили. Я понимал, что немцы моглипустить и ложные колонны, может, они и были, но нам не встречались. А в легковушках, бывало, ценных «языков» брали, причём четырёх полковников взяли, а вот с генералами в этот раз не везло. Мы с парой таких полковников интересные идеи и замутили. Да постреляли как-то отряд польских националистов, те в форме были, что им немцы выдали, прихватили их, а после расстрела машины одного такого полковника расположили их тела так, как будто это поляки устроили засаду и они с охраной уничтожили друг друга. В этих случаях никаких трофеев мы не собирали, всё оставляли на местах. Да ещё распихали по карманам убитых поляков трофеи с других засад, включая документы офицеров, мол, это они там поработали. Однако не усердствовали, чтобы не переборщить с доказательствами. Вроде сработало, немцы как-то к своим полякам-союзникам резко охладели. Так что за неделю на нашем счету, Бабочкин

специально посчитал, было пятьсот тридцать две солдатские книжки, и пятьдесят семь офицерских. И это ещё не считая те места засад, где зачистку мы не проводили. Так что с тысячу немцев, поляков и полякаев можно легко было записать на наш счёт, но мы имели официальную цифру, согласно собранным документам.

Вскоре подошло время, мы погрузились на самолёт, который на буксире «ганомага» выкатили из-под прикрытия деревьев, погоняли моторы в разных режимах, давая им прогреться, и после разгона поднялись в воздух. Мы направились к тому месту где должен был пролетать пассажирский «юнкерс». Время пролёта нам было известно. К счастью, нашли, усмотрели снизу на фоне ночного неба, даже едва не опоздали, пришлось нагонять, но главное, мы летели к Берлину. Кто бы поверил, да я сам до конца не верю. Авантура, как есть авантура на грани фантастики, но что бойцы моей группы, что лётчики были преисполнены такого энтузиазма и азарта, что завидки брали.

Я же, устроившись на мешках с пайками, среди них был и мешок с рейхсмарками, спокойно спал. Разбудить меня должны на подлёте. Почти все, кроме летунов, были заняты тем же. Отсыпались, готовились к действиям на территории Третьего рейха. Им потребуются все силы и тот полученный недельный опыт, чтобы выполнить все мои приказы. Пусть отдыхают.

Проснулся я от тряски. На самом деле самолёт и так потряхивало, но в этот раз меня разбудили намеренно. То есть потрясли за плечо, и я, открыв глаза, рассмотрел при тусклом свете лампочки над кабиной пилотов нашего штурмана. Сев, а под веки как будто песку насыпали, я осмотрелся, часто моргая. Все бойцы спали, летим-то уже часа три, четвёртый пошёл, как показывают стрелки наручных часов, значит, подлетаем. Встал так, что чуть не уронил компактную кучу узлов с советской формой, тут сбоку сетка была натянута, вот за ней, прижатой к стенке, и находилась наша форма. Только одна сторона почти развязалась, так что когда я ухватился за сетку, чтобы встать, чуть и не уронил всё на себя. Однако ничего, поправил, даже перевязал узел, и направился к кабине. Штурман уже там был, он сразу ушёл, как увидел, что смог разбудить меня. Вот так, балансируя, не хотелось бы наступить на кого из бойцов, я дошёл до кабины. Борттехник находился в люльке стрелка, этот самолёт был оборудован колпаком пулемётной точки. Там были спаренные авиационные МГ. Тот боец имел звание старшины, он поглядывал вокруг, голова у него была увенчана немецким лётным шлемом с наушником.

– Ну что у вас? – спросил я, тряхнув пилота за плечо и просунув голову в кабину.

– От прикрытия мы уже ушли, и сейчас со снижением уходим к тому лесу, что вы указали. Лететь стараемся так, чтобы населённые пункты были подальше от нас. Но это сложно, тут и деревенек, и отдельных хуторов хватает. Нужно найти место для посадки, поляны на карте не указаны.

– Понял! – прокричал я тому на ухо, после чего, вернувшись в салон, стал будить парней.

До места, где по плану будет проходить посадка, осталось минуты полторы лёта. В общем, мы были на месте, и нужны все глаза, чтобы высмотреть внизу что-нибудь подходящее. Пусть у транспортника и не было иллюминаторов, это не пассажирское воздушное судно, но всё равно бойцы смогут что-нибудь рассмотреть. И я не ошибся. Когда все проснулись, привели себя в порядок, то пара бойцов надели каски и мотоциклетные очки, после чего один из них открыл дверцу и, держа другого, стал ожидать результатов его визуальной разведки. Сам «юнкерс» уже кружил над лесом. Боец достаточно быстро высмотрел неплохую поляну, даже две, но одну летуны посчитали короткой, ну мы и пошли на посадку. Да наудачу, так как проверить, подходит поверхность поляны для посадки или нет, мы просто не могли. Нет, выпустили, конечно, осветительную ракету, та упала на траву и горела, но вроде всё ровно. Однако всё оказалось не так радужно, при посадке последовал страшный удар, и, сильно накренившись на левую сторону, наш транспортник заскользил на брюхе, слегка разворачиваясь. В общем, сели. Плюхнулись.

– Все живы? – спросил я, когда самолёт замер и рёв моторов затих. – Есть раненые или пострадавшие?.. Бабочкин, опросить и доложить.

– Есть, – выбирайся из-под узлов с нашей формой, козырнул тот и стал, морщась, массировать плечо, видимо отбил.

Я же последовал в кабину, где виртуозно матерился Берёзов. Летуны не пострадали, только штурман пытался отстегнуть заклинившую пряжку страховочного ремня у кресла, тот встать ему не давал. Достав нож, я просто полоснул по ремню и спросил у старлея:

– Что, так всё плохо? Что это было вообще?

– Пенёк. Я успел приметить его, но вот уйти – уже нет, мы катились по земле. Прямо левым шасси врезались, и нам его оторвало к чёрту, так что отлетались мы, похоже, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Шасси вырвано, крыло повреждено, у двух моторов винты погнуты. И это только то, что я из кабины вижу. Нужно осмотреть всё снаружи.

– Ну, отлетались так отлетались, – не особо расстроившись, сказал я. –

При разработке плана операции я это тоже учитывал. Сейчас быстро разгружаемся, груз весь под деревья на опушку, и нужно будет что-то с самолётом делать. Нужно его как-то скрыть, а то любой, кто будет пролетать над лесом, увидит его, немцы дотошные, сразу начнут выяснять, откуда тот здесь взялся.

– А мы?

– А вы с нами. Ничего, у немцев «юнкерсов» хватает, ещё добудем. Я что-нибудь придумаю, будь уверен.

– Вы командир, вам виднее, – пожал тот плечами.

– Это правильно.

Развернувшись, я направился к выходу. Дверь уже была открыта, и бойцы, встав цепью, передавали друг другу груз, освобождали салон самолёта. Была опаска, что тот загорится, да и бензином резко запахло, вот бойцы и торопились, так что, чтобы им не мешать, я покинул самолёт и отошёл в сторону. Спросил у подбежавшего Бабочкина:

– Ну что там?

– Синяков хватает, а так никто особо и не пострадал, все держались. Только на Фомина коробки с пайками упали, он их пытался удержать. Колено зашиб. В той стороне я поставил часового, будет отслеживать округу, а вот там у кустарника пулемётчика с ДП посадил, отличная позиция, прикроет, если что. Разгружать самолёт закончим минут через пять. Бочки тоже?

– Обязательно, глупо отказываться от подобного оружия.

– Оружия?

– Мост деревянный облить и поджечь, или ещё какую гадость сделать – самое то. Или самолёт найдём, а топливо где брать? А оно у нас есть. Или тот же заряд объёмного взрыва, – пришедшая только что идея показалась интересной, и я задумался. – Хм, неплохая идея. Чего же я раньше об этом не вспомнил? Надо обдумать. Как её сделать, я знаю, на словах описывали, а личного опыта нет. Надо только подумать, как разом распылить бензин и подорвать его. Ничего, с Бабаевым посоветуюсь, вдвоём решим. Может, и получится что.

– Заряд объёмного взрыва – а это что? – заинтересовался сержант.

Мы с ним в сторонке стояли, бойцы споро заканчивали разгружать самолёт, летуны помогали им, подавали груз из самолёта, а сейчас пытались вытащить одну из бочек. Вот оттуда меня и окликнули, так что, пояснив сержанту, что этот заряд просто отличная и нужная вещь, я побежал к самолёту. Выяснилось, что салон разгружен, даже пулемёты из башенки стрелка сняли, вместе с боеприпасом, теперь нужно подумать, что

делать с самим самолётом, так как до рассвета осталось меньше трёх часов.

– Что делать, что делать, – задумчиво пробормотал я, почесав затылок и стукнув пальцами по нижнему краю каски.

– Вот я и спрашиваю, что делать? – подтвердил Берёзов.

– А что в нашей ситуации мы сможем сделать? Тягача нет, чтобы отбуксировать под деревья, да ещё вон след какой от нашего приземления остался, значит, расходимся по опушке, лучше уйдем вглубь леса, и рубим небольшие невысокие деревья, приносим сюда и маскируем ими самолёт. Другого выхода всё равно нет. Так, старший лейтенант Берёзов, назначаю вас ответственным за маскировку. Мои бойцы будут приносить маскировочный материал, а вы – проводить непосредственное скрытие самолёта. Буду проверять лично. Всё ясно?

– Ясно, – уныло вздохнул тот, явно мысленно костеря себя, что привлёк моё внимание к себе.

Дальше я тоже включился в дело, топоров было всего два, один маленький, другой большой плотницкий. Это наш сапёр затрофеил, пока мы подвижный патруль изображали да посты, но остrozаточенные пехотные лопатки тоже годились в дело. Причём так, что свою наш силач умудрился сломать. Так что пока тот только переноской занимался, а новую лопатку он ещё добудет, уж я позабочусь. Вот так мы продолжали стаскивать к самолёту всё, что удалось набрать. В основном набрасывали сверху. Это чтобы с воздуха не видно было. Если кто на поляну выйдет, он так и так увидит всё что нужно, то есть обнаружит забросанный ветками самолёт, что уже подозрительно. Именно поэтому нам и была так важна маскировка с воздуха. За три часа мы справились, целую кучу веток навалили, обломок шасси в лес утащили, замаскировали борозду. Да теми же ветками забросали и травой. У сапёра нашего и коса имелась. Правда, без рукоятки, да и небольшая, как будто детская, но тот и ветку под рукоятку срезал, сам вставил и накосил сколько нужно травы. Хорошо замаскировали, даже я это признал. А ветки рубили в разных местах, чтобы не проредить одно место, так что это дело сверху не должно приметным остаться. Закончили как раз с рассветом. Теперь можно и задачу ставить.

Построив отряд – лётчики тоже стояли в строю, но в его конце, вроде как обособленно, – я хорошо поставленным голосом стал вещать:

– Товарищи командиры и бойцы. Мы находимся рядом с логовом хищника, что напал на нас. Ещё немного, последний рывок, и мы окажемся уже в нём, где будем действовать согласно обстановке. Наша задача не провести каких-нибудь операций с многочисленными жертвами среди мирного населения, этого нужно избежать, мы не немцы, а провести

громкие операции, да такие, чтобы о них заговорил весь мир. Чтобы немцы в панике разбегались, как это делали раньше, крича о казаках на улицах Берлина. А такое было. Чтобы во всех мировых газетах появились фото советских бойцов, находящихся на улицах Берлина. То есть нам нужно поднять авторитет нашего государства и Красной Армии на максимальную высоту, чтобы все думали, что если мы по улицам Берлина спокойно ходим, то что будет дальше? То есть мы явим себя немецкому народу. А сами будем фотографироваться в разных узнаваемых местах. Плёнки с этими фото будут отправлены в Москву, и вас, вас всех, будет знать вся наша страна в лицо. Готовьтесь к этому, мы должны нанести такой моральный удар немцам и их союзникам, чтобы они ещё долго не могли оправиться. Это основная задача, детали по ходу дела будут прорабатываться. Работать будем так же, как на Украине, под подвижные патрули. Значит, ставлю первую задачу: добыть технику, желательно взять в ножи фельджандармов. После допроса пленных уже определимся с дальнейшими шагами. Лётчики идут с нами и также будут участвовать в фотопортажах. На этом всё. Лётчики и часть бойцов остаются в лагере и подготавливают наш груз к транспортировке. Фомину через два часа начать готовить обед, а сейчас выдать лётные пайки. Завтракать будем на ходу. Остальные со мной выдвигаемся к ближайшей дороге. Будем брать технику. Бабочкин!

– Я!

– Отправь двух бойцов, пусть поищут дорогу или тропку, чтобы машины могли дойти до поляны. Если такая не будет найдена, придётся переносить груз на своих плечах до опушки леса.

– Есть.

Дальше, отобрав бойцов, я проверил, как на них сидит амуниция, поправил кое-какие детали, после чего скомандовал выдвигаться. Карту я уже изучил, определился, к какой дороге выходить, за старшего в лагере оставил Берёзова, а дальше всё зависит от нас, будет техника или нет. Как мне кажется, должна она тут быть. А вообще пригороды Берлина достаточно плотно забиты войсками, и больше всего среди них зенитчиков. Город прикрыт очень плотным противовоздушным зонтиком. На дорогах должно хватать военного транспорта, да и вообще военных, поэтому я надеялся не выделяться среди них. Только как тут не выделяться, если дивизия, в которой мы якобы служим, находится сейчас на Украине? Да и документы, что находятся в карманах, это подтверждают. Именно поэтому и нужно взять пару колонн, чтобы сменить принадлежность к местным подразделениям. То есть слиться с местными войсками. Мы ещё сохранили комплект документов и разные нашивки различных подразделений

вермахта и люфтваффе, мало ли придётся притворяться командировочными. Бланки от последних у нас тоже были, нашли в портфеле одного из посыльных среди других бумаг.

Двигались мы достаточно споро, той же привычной манерой передвижения, километр идти и километр бежать, так что на опушке уже были через полчаса. Вышли точно к мосту. По лесу проходила речушка, так что, наткнувшись на неё и сориентировавшись, я приказал двигаться по берегу. Над речкой нависал мост, и я надеялся там что-нибудь высмотреть. Пара бойцов так и бежала впереди в дозоре, поэтому добрались мы в этот раз без приключений, так никого и не встретили. Не водятся у немцев грибники, видимо, ну или не сезон. Основная группа осталась метрах в ста от опушки, в глубине леса, пока они завтракают, мы с Бабочкиным подползли к крайним деревьям и, достав бинокли, стали изучать дорогу.

— Пусто, — известил тот. — Только какой-то местный на телеге с большими колёсами везёт просто огромный стог сена.

— Это арба. — Мельком глянув в ту сторону — крестьянин действительно ехал к мосту, — я продолжил изучать мост и протянул: — Каменный.

Бабочкин аж подавился и, откашлявшись, просипел:

— Командир, ты его что, поджечь хотел?

— Было такое дело, планировал. Ведь не только на фото из газет должны будут немцы увидеть нас на своих землях, а точно знать, что мы тут были. Чтобы своими глазами видели доказательства. Мосты жечь, уничтожать дорожную инфраструктуру, может, пару поездов под откос наконец пустим. А то у нас по этому делу по нолям. Диверсии на заводах — это всё наше.

Бабочкин только радостно оскалился. Вот как раз против подобного он никак не был, только за. Маньяк-диверсант. Только бы что-нибудь взорвать, поджечь или пострелять. Это ещё он не видел, как весело эшелоны под откос слетают. На железке я практически и не работал, разве что когда у нас авиация была, та за подвижным составом охотилась. Хм, может быть, и исправим мы этот недостаток, уже тут, на территории Германии. Жаль только, не дадут нам долго веселиться, как пойдут первые диверсии, так всё население встанет на наши поиски, всё же мы не на оккупированной территории находимся, а в логове немцев. Не-е, отловят, и быстро. Думаю, дней пять удастся покататься вокруг Берлина, творя множество мелких диверсий, ну неделю максимум. О, надо будет заезжать на местные фермы, сначала изучать со стороны, а потом заезжать. Немцы уже второй месяц свозят в Германию молодежь с захваченных территорий. Тут должно быть

немало наших девушек и парней. Проверим, если бюргеры издеваются над ними, петлю на шею и повесим на воротах с табличкой на груди, сообщая о совершенных ими преступлениях. Но пару раз, не больше, просто напомнить местным, что они тоже смертны и возмездие доберётся до всех. Они тут пока не пуганые, вот и стоит этим воспользоваться. Ведь, вешая хозяев, мы подставляем вывезенных из Союза подростков. Придётся брать их с собой, оттого и такое минимальное количество акций. Много взять с собой не сможем. Средств эвакуации попросту не хватит. Самим бы после того, что тут натворить успеем, уйти. Главное – развернуться успеть, и не помешал бы какой пустяк. Всё же тут от случайностей зависит.

– Командир, а Берлин с какой стороны? – вдруг уточнил Бабочкин и погладил чисто выбритую щеку.

Перед выходом я проконтролировал, чтобы все побрились. Да тут и напоминать не надо было, все и так это знали, даже привычка выработалась.

– У нас за спиной. С противоположной от этой опушки.

– А чего мы тут тогда делаем? – озадачился тот.

– Только тут дорога подходит так близко к лесу. С той стороны, судя по карте, ничего подобного нет, поля да речка. Кстати, дорога из укатанного щебня. Я думал, тут асфальт везде будет, похоже, перехвалили немецкие дороги. Или это нам так повезло. Ладно, сейчас этот крестьянин проедет, и будем выходить на дорогу. Работать будем наудачу, времени отслеживать местный транспортный поток у нас нет.

– Понял.

Мы продолжали наблюдение, а я задумался. Мой авантюрный план, как ни странно, получился вполне благополучным, мы в Германии. Пусть самолёт изувечен, повреждён при посадке, но, к счастью, никто не пострадал. Вообще я старался очень подробно, до мелочей планировать свои будущие боевые операции. Тут ведь многое зависит от подобной тщательной проработки, не только благополучное завершение очередной операции, но и отсутствие потерь, а это немаловажно, поэтому я так долго и засиживался, стараясь учесть каждую деталь. Тот же Бабочкин считал, что именно это способствовало тому, что пока мы обходились без потерь и всё выходило так, как надо. А так как при работе подвижным патрулём или тем же постом большая часть боевых операций идёт в импровизации и доработку планов требуется проводить на ходу, то вообще удивительно, что мы смогли так долго протянуть. Не стоит так удивляться, я и сам этому дивлюсь, и, понимая в чём дело, стал больше времени тратить на планирование операций. Удача не может длиться вечно, и я это понимал

как никто другой, но надеюсь, за всё время запланированного пребывания в этом государстве-агрессоре мои бойцы успеют выполнить всё задуманное.

А вообще, это я уже откровенно признаюсь, что делать дальше после того, как мы доберёмся до места, я так тщательно не прорабатывал, всё время и силы ушли придумать, как вообще тут незаметно оказаться. Вот и придумал лететь под прикрытием рейсового пассажирского самолёта, а Берёзов с частью экипажа это блестяще исполнили. Дальше та же импровизация, и я не мог составить чётко работающий план, хотя бы мысленно, без информации по этой местности, разведка наше всё. Значит, тут нужно брать «языков», именно во множественном числе, узнавать обо всем и обо всех, и вот тогда можно будет уже что-то начинать планировать, а сейчас это как гадание на кофейной гуще. Меня как-то всё это мало устраивало. Я сторонник качественно проведённой разведки и анализа допросов «языков». На шару куда-либо лезть очень не хочется, не могу просчитать, что из этого выйдет, а это бесит больше всего. Импровизация – это проводимая операция, составленная на достоверных разведданных или фактах, полученных только что. А на шару – это лезть в неизвестность. Не путайте, всё же это разные вещи, и сейчас у нас операция идёт именно по второй, что мне и не нравится. Вот не люблю так работать, хотя изредка и приходится. Да что изредка, чаще, чем хотелось бы.

– Что-то дорога пуста, сорок минут уже лежим, арба эта давным-давно скрылась, никого так и нет, – осмотрев обе стороны дороги, пробормотал Бабочкин.

Достав карту из планшетки, я ещё раз бросил на неё взгляд, хотя местность вроде как изучил по ней по памяти отчётливо. Мне нужны эти, казалось бы лишние движения, чтобы подумать. И вроде надумал вполне возможную версию.

– Тут может влиять несколько факторов на загруженность дороги. Один из них – это то, что есть объездная дорога, вот она отмечена неподалёку от железной дороги. Но ещё стоит учитывать, что недавно рассвело, пока позавтракают, пока машины проверят и колонну сформируют... Но ты прав, один стариk на арбе, и всё, это странно. К тому же ранним утром, да на уже загруженной. Ты приметил, на стоге, что он вёз, вроде остатки росы были?

– Да вроде блестела трава при свете солнца, я ещё подумал, где тот её намочить успел, вроде дождя не было.

– Значит, он ещё вчера загрузил сеном телегу, а только сейчас перевозит её. То-то меня так удивило его появление. Ладно, давай к нашим, отправь сюда двух бойцов, пусть продолжат наблюдение, а мы

позавтракаем. Уже хочется что-то.

Чуть позже подползли бойцы, что продолжили наблюдение, они уже успели позавтракать, а я отполз обратно и, добравшись до лагеря, взял приготовленную Бабочкиным мою порцию, да ещё кружку с горячим чаем, у двух бойцов в ранцах были термосы, Фомин успел подогреть чаю и залить в термосы, пока мы самолёт маскировали. Так что под чай бутерброды пошли отлично. Да и немецкие сосиски с консервированным хлебом мне, откровенно говоря, нравились, особенно с голодухи. Сапёр наш уже выкопал незаметную ямку под местной елью, и чуть позже все следы нашего завтрака, все пустые упаковки и банки, были прикопаны там, а сверху на замаскированный еловой хвоей схрон с мусором ещё и средство от собак посыпали. Нет, то, что Лосев лично раньше готовил, у нас уже закончилось, сами новое сделали. Бабочкин сделал. Именно он старшине помогал эту смесь готовить и, как говорится, техпроцесс успел уловить и запомнить. Вроде всё правильно сделал.

Когда мы с ним закончили завтракать и бойцы прибрались на нашем временном месте пребывания, то направились к опушке. Наблюдатели на дороге видели минимум движения. Проехал почтальон на велосипеде с большой сумкой, закрепленной перед рулём, потом весело прокатила нарядно обряженная молодежь на подрессоренной коляске, но не горожане, чисто деревенские. И вот за пару минут до нашего появления прошёл немолодой, слегка бородатый мужчина в костюме, пешком с небольшим кожаным чемоданом в руках. Мне даже на карту смотреть не стоило, явно от железнодорожной станции идет. Она тут в четырёх километрах находится. Скорее всего, поезд прибыл ещё на рассвете. И с тех пор тот и идёт, так и не встретив попутку.

— Ясно. Значит, дорога действительно второстепенная, и ею пользуются в основном крестьяне из ближайших деревень и хуторов. Выходим на дорогу, строимся и направляемся к ближайшему перекрёстку. До него, судя по карте, три километра. Там и должна быть более оживлённая трасса. Будет на перекрёстке пост или нет, узнаем на месте. Сергей, командуй.

Сергей Ватутин, однофамилец известного в будущем комфронт, и он же бывший матрос речного флота, поправил свой офицерский френч, имеющий знаки различия лейтенанта вермахта, и, выведя нас на пустую дорогу, а я был всё так же в форме рядового, и построив в колонну, повёл нас в сторону перекрёстка, сам двигаясь чуть сбоку. Так и шли. Я же для изменения внешности в последние дни старался во время проведения операций носить очки, вот и сейчас они были на носу. Отличное

маскировочное средство, и я старался использовать их. К счастью, при посадке они не пострадали, да и жёсткий чехол помог, защитил.

До перекрёстка мы добрались нормально, и действительно выяснилось, что тут шоссе куда как оживлённее. Именно тут мы и узнали, почему та дорога, по которой мы шли, оказалась настолько пустой. Да тут знак был поставлен, на котором написано, что дальше на ней ведутся дорожные работы и пока действует объезд, вот этим объездом местные и пользовались. Основной транспортный поток шёл по нему, у той самой железнодорожной ветки. Подойдя к перекрёстку, наш лейтенант расставил часть бойцов, другие сели на обочину отдохнуть, а сам, заложив руки за спину, как бы прогуливаясь в стороне, пока наш унтер, слегка покачивая в руке жезл, вглядывался в колонны и машины. Нужно как-то незаметно выдернуть из этого потока хотя бы пару грузовиков. Нам одна машина нужна для перевозки всего добра, другая уже для людей. Одной на всё не хватит. Утренний поток и загруженность этой трассы поначалу удивляли, но если вспомнить, что неподалёку находится станция, кстати, с разгрузочными пандусами и складами, то удивляться особо не приходится. Для близлежащих частей и зенитных батарей грузы проще доставлять от неё. Хотя и из Берлина можно машины гонять, тут как надумают светлые головы интендантов, так и будут снабжать свои части. Однако для многих частей железнодорожные склады и пакгаузы действительно ближе, а это и времени на доставку меньше, топлива также меньше уходит, как и ресурса техники тратится. Со всех сторон плюсы. То-то тут большинство техники грузовая, всего с пяток мотоциклистов проехало, да и то посыльные одиночки, ну и легковушки. Вот их было немало, с полтора десятка было, и две из них принадлежали явно гражданским. А четыре вообще кабриолеты.

На таких оживлённых трассах работать я не любил. Если присмотришь какую колонну или одиночный грузовик, то за поворотом дороги уже шумят двигатели другой очередной колонны. В общем, свидетелей слишком много, выдернуть с трассы какую подходящую машину вот так сразу и не удастся. Как повезёт. Однако, как я стал замечать, мы на перекрёстке и часа не находились, поток начал стихать, в основном машины двигались к станции, а сейчас нет-нет пошли от неё уже загруженные. Так вот, на короткое время движение стихло, а с одной из сторон послышался рёв моторов.

– Вроде едет кто-то, – пробормотал я. – Если дорога так и останется пустой, берём.

– Гружёные вроде, по звуку слышно, – продолжая вслушиваться, ответил Ватутин.

– Да, моторы работают с надрывом. Но ничего не поделаешь, не геморрой же нам тут высиживать, выжиная. Ещё спалят, или патруль какой проезжать будет, приметит нас. А они должны знать, где какой пост стоит, им это сообщают перед тем, как отправить в патрулирование.

– Два грузовика, – сообщил Ватутин, продолжая смотреть на поворот, где появляются грузовики, и добавил: – Французские трофеи.

Ещё десять дней назад, проживая в Москве, до получения повестки, Ватутин, как и другие бойцы группы, в технике, состоявшей на вооружении вермахта, также не разбирался. Но после той недельной практики все стали экспертами в этом деле. Мы с Бабочкиным их учили этому серьёзно и упорно. Многие даже по звуку моторов узнавали, что за техника идёт. Тут моторы работали с перенапряжением, так что неудивительно, что сразу не распознали французов. Что находится за поворотом, мы не видели, тут такой поворот неудобный, высокий кустарник, да там ещё уклон, так что приходилось встречать технику на месте. На перекрёстке. В этот раз всё же повезло, остановили колонну, в ней было трое немцев, два водителя и сопровождающий в звании фельдфебеля. Его вырубили, водителей выдернули из кабин, форму сняли, а тела закинули в кузов. Потом прикопаем, оставлять следов не стоило. А в кузовах машин оказались снаряды для тяжелых крупнокалиберных зениток, и насчёт них у меня уже появились первые планы. Надо с фельдфебелем пообщаться, может, какие интересные сведения выдаст, а пока мы отогнали грузовики подальше на ту дорогу, по которой шли, поставив их на обочине в низине, чтобы с трассы не было видно. У перекрёстка, замаскировавшись, осталось двое бойцов, а остальные промаршировали колонной следом за грузовиками. В кузовах для них мест не было.

Грузовики перегоняли я и один из бойцов, что умел водить, со мной в кабине ехал наш сапёр, остальные колонной шли следом за нами. Поставив машину на обочине – вторая припарковалась позади, – я приказал Бабаеву:

– Забирайся в кузов, сейчас ещё наши подойдут, снимайте ящики и снаряжай снаряды.

– Подрывать будем? – сразу сообразил тот.

– Да, хочу воспользоваться удачным моментом и подорвать железнодорожную станцию. Тем более что все наряды на поездку к ней у нас есть. И я хочу оставить при подрыве машины у складов или пакгаузов, пусть и те рванут, чтобы часть снарядов просто разлетелись. Так что их нужно снаряdzić. Эх, бочек бы с бензином ещё, огня надо, но времени на это нет. Всё, работай.

– Немцы быстро узнают, что это был умышленный подрыв.

– С чего это? – даже удивился я. – А где доказательства? Пусть думают, что подрыв случайный из-за небрежного обращения со взрывчатыми материалами. Думаю, множество техники и людей при этом погибнет, если удастся подорвать не только грузовики, но и пару складов. Это позволит нам в этой неразберихе добыть и форму, и машины, а их спишут как уничтоженные на железнодорожной станции. То есть искать не будут, а что может быть лучше для нашего брата-диверсанта?

– Хм, тонко продумано, – ухмыльнулся тот в усы, открывая дверцу со своей стороны.

– Кстати, у тебя есть чем подорвать машины? Не жмись, вкладывай запасы.

– С пяток шашек в ранце и бикфордова шнура запас. Один кусок на пять минут, второй на три, не больше. Подрывная машинка и кусок провода метров сорок, в наших вещах в лагере. Там же ещё одиннадцать шашек, НЗ наше.

– Угу, учту. Ну всё, иди работай, вон уже наши показались, сейчас помогут. Выполняй приказ.

– Есть, – козырнул тот и, покинув кабину, направился к заднему борту грузовика, там уже крутился водитель второй машины, что и стал ему помогать. Ну, и я тоже выбрался наружу и осмотрелся. Пусто, местных пока не было.

Работали мы с полчаса, все снаряды, понятное дело, снаряжать просто не успели, но большую часть ящиков у задних бортов обоих грузовиков разместить всё же смогли. Пару раз деревенские по дороге проезжали, но мы на них не обратили внимания. Как, в принципе, и они на нас. Свою куртку я отдал одному из бойцов, тот перешивал нашивки того подразделения, к которому принадлежали грузовики, я под водителя буду работать, Ватутин сменил форму офицера на фельдфебеля, она ему по размеру была. В общем, в операции участвуют трое, по количеству добытой формы и документов. Я же, пока наш сапёр возился с грузом, снаряжая его и закладывая под ящиками одного из грузовиков шашки, допрашивал фельдфебеля. Пришлось постараться, чтобы его разговорить, ну очень упорный оказался. Однако разговорили, и дальше потекла информация. Ну наконец-то, ох как мне не нравилось быть слепым на местных землях, а тут хоть стал знать, где какие части расположены, где утром стоял пост фельджандармов, ну и остальное. Особенно меня интересовала станция, по ней тоже получил немало информации, так как этому фельдфебелю частенько приходилось там бывать.

Когда мы закончили, то я всю группу под командованием Бабочкина

отправил к лагерю, дороги найти подходящей не удалось, поэтому поставил бойцам задачу начать перетаскивать всё наше имущество к опушке, куда мы, надеюсь, подгоним технику, что удастся добыть. Для перетаскивания можно сбить носилки. Отдав приказ, я забрался в кабину и, развернув машину на узкой дороге, покатил к перекрёстку, вторая машина последовала за нами, а Ватутин сидел тут же рядом со мной. На перекрёстке мы встали на пару минут, Ватутин вышел и сделал вид, что спрашивает малую нужду, а сам передал бойцам мой приказ ожидать нашего возвращения, если будем на технике, то подхватим их, а так пока могут продолжать наблюдать и вести записи по движению на дороге. После этого мы повернули вправо и покатили в сторону железнодорожной станции.

Добрались нормально, даже встретили с пяток машин из той же части, что и мы. Надеюсь, сидевшие в них солдаты не поняли, что лица наши им не знакомы. Да и мы замаскировались под местных солдат, каски сняли, в кепи сидели, блях тоже не было, только нашивки местной части – в общем, постарались использовать все возможности, чтобы не привлекать внимания. У меня нашивка за ранение была, и медаль за участие во Французской кампании. На въезде на станцию нас тормознули. Однако документы были в порядке, а причину возвращения Ватутин пояснил тем, что получили мы не всё, а поначалу в спешке не поняли этого. С этой стороны въезда на станцию было два, не зная, каким пользовались пришлые владельцы этих машин, и предположив, что ближайшим, мы проехали мимо него и завернули ко второму, что находился в полутора километрах дальше. Так что удалось благополучно проехать на территорию станции. Нас пропустили. Документы-то настоящие были. Однако складов тут было порядочно, и какой из них наш, мы знали примерно, по описанию фельдфебеля. Вот и Ватутин, держа бумажку со схемой станции так, чтобы её не было видно снаружи, командовал мной, куда именно рулить. Там стрелками всё указано было.

– Сейчас направо, через две ветки железнодорожных путей и до упора, – сказал тот, и я, повернув на нужном перекрёстке, стараясь не задеть при выруливании встречный грузовик, следовал его указаниям. Вторая машина неотрывно шла за нами.

– Всё, вон тот склад, с которого наши снаряды разгружали, – указал рукой Ватутин.

– Отлично, в центре он находится, значит, если рванут оба, пострадают и соседние, пожары и следующие подрывы обеспечены, – осматриваясь, сказал я и добавил: – К пандусу, где идёт погрузка, подъезжать близко не будем, вплотную к стене грузовик поставим. Потом второй прямо к

нашему, борт о борт, чтобы оба одновременно рванули. Должны сдетонировать снаряды на складе. Вы пока остаётесь тут, делайте вид, что ожидаете своей очереди, как я вижу, погрузка этой колонны в самом разгаре, да и техника не из нашей части, а я пока пробегусь по станции, осмотрюсь. Уходить будем на технике, но уже на другой. Помните, один шнур горит три минуты, у нас мало времени. Поджигаем один, потом второй, и сваливаем.

– Может, один поджечь?

– Да понимаешь, я хочу на какой-нибудь склад пройти, если удастся, конечно, – останавливая машину и паркуя её у стены склада, пояснил я и заглушил двигатель. – У меня в кармане шашка и свёрнутый шнур, тот самый, на пять минут. Зайду, если там боеприпасы, подальше вглубь склада отойду, подложу, и рвану к вам. Но это когда уже машины присмотрим, а то и приберём их вместе с документами.

– Два взрыва. Понять смогут, что это диверсия.

– С чего это? – удивился я. – При детонации не все снаряды взрываются, а разлетаются по территории, второй взрыв могут списать на это. Да на горящие разлетающиеся обломки.

– Понятно... Командир, смотри, ящики какие знакомые.

Ватутин показывал налево, то есть мы встали так, что по нашему левому борту была ещё одна складская «улица», где метрах в пятидесяти от нас у открытого склада стояло три машины. Одна видно, что пока загружена, вторая на выгрузке была, третья уже разгружена. По виду вроде обычные солдаты работали. Не сапёры. Так вот, на склад с грузовиков пяток солдат переносили и разгружали такие знакомые нам ящики, точнее маркировка была знакомая. Противотанковые мины. Похоже, где-то рядом или производство их было, или откуда-то доставляли на этот склад, чтобы отправить во Францию. Эта железнодорожная ветка соединилась с линией, что шла в сторону Франции, а там вроде усиленно строили оборону, и мины были нужны.

– Чёрт, как вовремя-то, – даже возликовал я. – Значит, так, всех солдат берём в ножи, включая кладовщика, что принимает груз. Ни у кого оружия я не вижу, должны будем взять без шума.

– Три водителя, сопровождающий, что с кладовщиком ругается, сам кладовщик и пятеро солдат – итого девять. Что-то многовато-то на нас троих, – пробормотал Ватутин, пристально глядываясь в сторону примеченного нами склада, закончив подсчёт.

– Должны справиться. Этот склад и рванём. Подожжём шнур в грузовике и на складе, садимся в те грузовики и покидаем станцию через

тот выезд, который пропустили, после чего двигаем к нашим. Мины нам тоже пригодятся. Должны успеть отъехать подальше. По крайней мере, с территории станции выберемся точно. А сейчас бери второго бойца, я вас на фоне грузовиков и склада сфотографирую. Эту операцию мы ведём с плотным фоторепортажем, чтобы, когда будем составлять отчёт по операции, у нас на руках были доказательства.

Так мы и сделали, снимков я нашёлкал два. Один на фоне грузовиков, другой на фоне разгрузки мин на склад. После этого, поправив оружие, фотоаппарат так и покачивался у меня на уровне груди, мы направились к складу. Ватутин с ходу отозвал кладовщика и сопровождающего, сообщив, что у него для них есть важная информация, а когда предъявил жетон офицера СД, то побледнели те оба и последовали вглубь склада, под нашей со вторым бойцом охраной. Крутить на измену и всё такое мы их не стали, точные удары ножами, и всё, аккуратно положили обоих на пол, зажимая рты, чтобы не подняли крик. Боец сработал тоже неплохо, хотя это было всего в шестой раз, когда он так ножом убивает немца, но некоторую сноровку всё же показал. Ушли мы за штабель ящиков, не видно нас, а Ватутин страховал, встав в проходе, чтобы никто внезапно не появился. Разгрузку мы остановили, ещё когда увидели этих двоих, так что солдаты стояли в сторонке, но не курили, технику безопасности тут чтили. Поэтому, когда я появился на пандусе, указав на всех трёх водителей, и сообщил, что господин фельдфебель вызывает их для опроса, то те направились за мной, где мы их и приняли. Потом и остальных пятерых так же отработали, сначала двух вызвали, потом и последних трёх. Причём каждый раз старались заводить в те проходы между штабелей, где ещё никого не убивали. Для последней тройки места уже не было, пришлось волоком утаскивать трупы за угол, и потом один из немцев поскользнулся в крови и упал, отчего мой удар прошёл мимо. Но крикнуть тот не успел, я исправился. Уф-ф, чуть сам не завалил всё дело. Сердечко так и бьётся.

Дальше мы занялись делом. Разобрали друг для друга документы, стараясь, чтобы фото хотя бы примерно походили на наши лица, да в принципе, как мы убедились ранее, постовые редко сравнивают их, больше проездные проверяют. Потом, пока Ватутин и второй боец перешивали нашивки – всё должно быть идеально, я гружёный грузовик и второй, разгруженный наполовину, развернул мордами к выезду, поставив их друг за другом, и оставил так с работающими двигателями. Бегал, накинув френч одного из убитых солдат, не майкой же трофейной сверкать. Потом делал закладку под ящиками с минами. Мы специально вскрыли пару ящиков, снарядили мины и обложили ими заряд. Дальше, надев свой

френч, на нём уже новые нашивки были, проверил документы, после чего я поджёг пятиминутный шнур на складе с минами, а Ватутин, добежав быстрым шагом до наших грузовиков, поджёг там в кузове шнур. При этом отмахнулся от кладовщика, сообщая, что пропускает очередь, она уже до нас дошла, и вернулся к нам спешным шагом. Я успел закрыть двери склада, мы сели в машину и покатили к выезду. Второй боец на полуразгруженном грузовике следовал за нами.

К счастью, на выезде пробки не было, как раз выезжала очередная колонна, когда подъехали мы. Ха, нас даже не остановили, а я думал, будет проверка, вот так мы и покатили подальше. Когда отъехали на полкилометра, то припарковались, и едва я успел выйти из машины и приготовить фотоаппарат, как рвануло. Когда грохочущий гриб встал над станцией, сделал первый снимок, и следом второй, когда последовал второй взрыв, и за ним ещё подрывы, и дымы заполонили станцию. Даже до нас ударная волна дошла, заставив пошатнуться, а машины – слегка закачаться. Удачный снимок, на мой взгляд, получился, да ещё с обоими лыбящимися бойцами в немецкой форме на переднем плане, но те старались не загораживать задний фон. После этого мы покатили дальше, закончив любоваться делом своих рук. Да одно это уже окупало наше тут появление, однако это было ещё не всё.

До перекрёстка мы добрались нормально, там, повернув, подхватили обоих бойцов-наблюдателей, те нырнули под тент второго притормозившего на миг грузовика. Потом, добравшись до места, где должны были быть наши, я съехал с дороги и, подминая траву, покатил на опушку. Там нас уже ждали. Не всё было перенесено от поляны, но большая часть уже была тут. Так что пока бойцы частично разгружали мой грузовик, тот самый гружёный, сняв две трети ящиков и убрав их в кустарник и хорошенъко замаскировав, я сидел с картой и планировал дальнейшие наши действия. Жаль, Ватутин водить не умел, иначе мы бы тот грузовик пустой также прихватили. А так мины ещё пригодятся, я тут тоже минный террор планировал устроить, и пофиг, кто там подорвётся, военные или гражданские. Война, судари, а на войне как на войне. Всё дело слепого случая. Да и пока минированием заниматься не буду. Как подорвётся кто первым, то сразу поиски начнутся, догадки перейдут в уверенность, что тут действует неизвестная диверсионная группа. А я сначала решил по-другому поработать, пару акций в самом Берлине устроить, потом повеселиться в окрестностях столицы Третьего рейха, как раз занимаясь минированием, ну а уже потом ищем самолёт и покидаем этот клоповник. Планы пока такие предварительные были, а как всё

выйдет, узнаем уже на деле.

Ближе к обеду Фомин всё успел приготовить, а когда мы обедали, активно и возбуждённо обсуждая при этом подрыв станции, все видели и слышали это да вдали дымы рассмотрели, а мы лишь описали, как всё это устроили. Когда закончили обедать, машины были загружены. Правда, для всех бойцов моей группы, включая лётчиков, места было мало, на верх ящиков забирались у кабины, лёжа ехали, но уместились все. А технику мы ещё добудем. Так что, покинув лес, мы вернулись к тому же перекрёстку и повернули не направо, к станции, а налево. Несколько раз нам попались несущиеся на полных парах пожарные машины и грузовики, набитые солдатами. Видимо, для тушения пожаров были направлены, но ехали спокойно, приближаясь к Берлину. Километров через десять свернули к рощице, где встали на опушке и ещё частично разгрузили машины, создав ещё один схрон. Тут десять ящиков ветками закидали. Потом ушли с трассы, впереди должен был быть пост, согласно информации, полученной от фельдфебеля. Я решил объехать его по просёлочным второстепенным дорогам, и, кстати, тоже покрытым щебнем. А свернули мы с асфальтированной трассы.

Не успели мы проехать и шести километров, как я притормозил на небольшом перекрёстке разных дорог. Пустых, кстати, лишь вдали пропылил какой-то гражданский на мотоцикле. Он не в военной форме был. Так вот, на перекрёстке был знак, даже на одном столбике сразу несколько знаков, указателей в разные стороны. К паре деревень и – «Берлин – 18». Увидев его, я чуть ли не юзом стал тормозить, отчего в кузове раздался шум и мат, подобного от меня явно не ожидали. Да и водитель второго грузовика едва успел затормозить.

– Что случись, никого же вокруг? – осмотревшись, спросил Ватутин, потирая ушибленную ладонь, которую отбил, пытаясь удержаться. Слишком резкое движение рукой сделал.

– Знак нашёл подходящий, – кивнул я на дорожный знак, открывая дверь и выбираясь наружу.

Ватутин последовал за мной и, обходя передок, бормотал:

– Знак как знак, мы сколько таких уже проезжали.

– Верно, но тут подходящее место. Не забывай, зачем мы здесь. Показать, что мы тут были. Фотографироваться будем. Сделаем пару постановочных снимков.

В это время откинулся тент кузова моего грузовика и осторожно выглянул Бабочкин, стреляя туда-сюда глазами. Убедившись, что никакой опасности тут нет, он удивлённо, с нотками возмущения в голосе спросил:

– Командир, какого чёрта?! Нас тут чуть ящиками не побило. Чудом никто не пострадал, только синяков новых получили.

– Нормально всё, – мотанулся я. – Построй группу. Задачу на ближайшее время ставить буду.

– Есть, – козырнул тот и стал сразу же командовать.

Я планировал сделать несколько постановочных фото, как советские диверсанты на виду у этого указателя взяли колонну, немцы лежат убитые у кабин грузовиков, часть бойцов потрошат их карманы или осматривают кузова, двое-трое позируют на переднем фоне в полном советском снаряжении. Это чтобы было понятно, что наша группа действует в предместьях Берлина. Именно эту задачу я и стал ставить бойцам, когда те построились. После этого семь бойцов полезли в кузова обоих грузовиков, чтобы переодеться внутри, трое получили ППД, те самые, что мы оставили в лагере, отправившись взрывать мост, а неведомыми путями-дорожками оказались в Москве, у одного ДП будет, СВТ радиста, у остальных двух карабины Мосина. Соответственно и подсумки на поясах под это оружие. Ножи трофейные только будут. У автоматчиков чехлы с запасными дисками на ремнях. То есть вид полностью должен соответствовать делу, даже сидора на спинах, показывая, что те в рейде, всё на ходу делают. Ну, а пару пленных и убитых уже мы будем изображать, те, кто остался в трофеиной форме. Мы с Берёзовым и Бабочкиным обсуждали мелочи по поводу постановки, а лётчики тут собирались все участвовать, будут играть за наших, когда наблюдатель засёк столб пыли на горизонте. Вокруг поля были, хотя с двух сторон и темнели на горизонте то ли рощи, то ли леса, так что видимость отличная была.

– Если солдат мало, берём колонну, – отдал я приказ. – Ватутин, командуй.

Бойцам, что уже успели переодеться в советскую форму и, спрыгнув на утрамбованный, укатанный щебень, поправляли последние детали в амуниции да проверяли оружие, снова пришлось лезть в кузова, укрываясь. Лётчики последовали за ними, а мы остались стоять. Один боец делал вид, что копается в двигателе, подняв капот, а Ватутин, когда колонна подошла, поднял руку, останавливая её. Потом, пока проверял документы, выяснилось, что немцев всего шестеро, в кабинах сидели, а в кузовах лопаты, кирки и ручные пожарные помпы. Их направили к горевшей станции с дополнительным комплектом пожарных средств. Так что по сигналу Ватутина ударили пулемёты и автоматы, пятнадцать кузова и кабины грузовиков пулевыми отверстиями. Один осел на пробитых шинах, остальные остались стоять. Однако немцев мы побили. Дорога пуста, так

что сразу стали готовить всё для фотографирования. Уже не постановочное, ну кроме некоторых моментов. Всего я сделал шесть снимков с разных ракурсов. На первом стояли на переднем фоне Бабочкин в форме младшего сержанта, форму бойца НКВД надевать он не стал, с ППД поперёк груди, из голенища сапога торчит рукоятка ножа, ещё немецкий штык висит в ножнах на поясе рядом с чехлом запасного диска к автомату. Тут же подсумок для гранат и за пояс заткнуты две немецкие гранаты. На голове каска, так что того можно хоть на агитационный плакат, так и просился. Смелый красноармеец с задорной улыбкой, бьющий врага. Он широко улыбался, сверкая белоснежными зубами. Рядом стоял Берёзов в своём лётном комбинезоне и шлеме. Но воротник откинут был, чтобы было видно петлицы с кубарями старшего лейтенанта. Позади них бойцы в советской форме и двое лётчиков обыскивали немцев или досматривали машины. Дорожный знак тоже был, в левом углу. Под ним – присевший у стоявшего на сошках ДП пулемётчик, берущий из перевёрнутой советской каски патроны, снаряжал отстрелянный диск. Пулевые отверстия в стёклах грузовиков и тентах были отчётливо видны. Из кабины второго грузовика свешивалось тело убитого водителя. У первой было видно, как разгибается боец, вытирая трофейный штык о тряпичку, как будто он этого фрица и прирезал. В общем, отличный снимок получился. Это первый. Со вторым и в принципе с остальными всё было так же, только бойцы по очереди фотографировали, а остальные на заднем фоне были, в разные не повторяющиеся на других снимках моменты засняты. Как будто мы их по ходу дела делаем. Я один, кто не переоделся в советскую форму и только занимался фотографированием. Благо без ложной скромности скажу, что у меня это неплохо выходит. Потом, пока я менял плёнку на запасную, бойцы все бросились переодеваться. Кроме летунов. Кстати, грузовики были из комендатуры Берлина, так что и нашивки спороли, и документы собрали. Под их видом нам будет проще действовать в столице Третьего рейха.

А дальше прибрались на перекрёстке, две машины взяли на буксир, третья на ходу была, и покатили прочь. По пути избавились от битой техники. Да просто столкнули её в глубокий овраг, с дороги не видно. Там ещё кустарник был, прикрывал. Да и мы немного нарубили, накидали сверху, чтобы с воздуха не видно было. После этого, когда наш сапёр заминировал дорогу, поставив первую противотанковую мину, замаскировали мы место установки неплохо, а излишки щебня и грунта унесли в сторону, и после этого направились к Берлину. На машинах уже были нанесены эмблемы подразделения того полка, что стоял в столице, баночки с краской мы всегда с собой носим, часто нужны, поэтому шанс

спокойно проехать в город у нас был немалый. Время приближалось к пяти часам дня, и я думаю, у нас немало времени будет на пару акций. Ночью покинем город да начнём веселиться в пригороде, после этого уже можно будет сбежать, то есть возвращаться обратно к месту взлёта. К тому же я обещал Берёзову, что верну его к тем двум, что ждут нас на поляне в лесу под Ровно. Тот их заберёт, заправится и полетит к своим, прихватив мой доклад с вещественными доказательствами в виде фотоплёнки. План у меня был такой, и стоило бы его придерживаться. Доработать чуток в том, что касается добычи нового транспортника, но в целом на него ориентироваться.

Заехали мы в Берлин действительно благополучно и спокойно, и, ревя мощными моторами грузовиков, двигались по улице. Кстати, не везде тут было разрешено передвигаться на тяжёлой технике. Но мы ушли в предместье, где были частные усадьбы и дома, и вот там, выбрав первый же подходящий дом, главное, у него высокий забор был, не позволяющий заглядывать во двор, мы остановились. Ватутин постучал в железную калитку. Когда та открылась, показал жетон СД и сообщил, что мы из гестапо. После этого во двор ворвались бойцы, трое рассыпались по территории домового участка, беря его под контроль, а остальные занимались зачисткой дома и хозяйственных построек. Тут я командовал, и второй боец, что знал немецкий. То есть выкрики на немецком звучали только от нас. В общем, всех, кто находился в доме, мы спустили в подвал, заперли там, загнали грузовики во двор и поставили их за гараж и сараи, после чего заперлись внутри, выставив пулемёты у окон второго этажа – подготовили возможную оборону, и немного перевели дух. Дальше отдал приказ Фомину поработать на кухне, горячий ужин – это было бы неплохо, и выслушал Бабочкина и Ватутина, которые закончили осматривать постройки и сообщили, что тут есть и сколько человек удалось взять. Пятеро хозяев, один из которых ребёнок, остальные шестеро прислуга. В основном польская, но был и один француз. Садовник.

– Чёрная машина в гараже стоит? – уточнил я у Бабочкина, именно он осматривал гараж.

– Нет, красная, кабриолет.

– Фигово. Придётся легковушку поискать на улицах нужного типа. Значит, доставай из чемодана те два костюма, что мы в Москве позаимствовали. Ещё посмотри в гардеробе хозяев дома, надо пару чёрных плащей, будем под сотрудниками гестапо рядиться, есть пара идей, как этим можно воспользоваться. В остальном всё так же, выставить наблюдателей, остальным отдыхать. Разойдись. Да, и приготовьте легковушку, выезжаем

через час. Ну, и узнайте, чей это дом. Мало ли искать хозяина начнут.

Чей дом, мы выяснили быстро. В принципе, этот городской чиновник, инженер городских коммуникаций, не работал на каком-нибудь важном посту, который требовал постоянного его присутствия на рабочем месте. После опроса прислуги, узнали от одной из горничных, что, бывало, та звонила на работу хозяина и предупреждала, что тот заболел, мол, берёт несколько дней на лечение. Поэтому следующим утром, этот рабочий день уже закончился, та под присмотром Ватутина позвонит и так же предупредит начальство хозяина особняка о его задержке. Может, это позволит нам подольше держать этот особняк как базу.

Сразу после ужина мы планировали покинуть базу с сержантом, прокатимся и посмотрим, разведаем, что происходит в городе, газет купим. Когда мы ели, в обеденный зал вбежал один из только что сменившихся часовых. Я поначалу думал, что тревога, остальные тоже за оружие похвастались, но вид у того был какой-то ошарашенный, тащил он огромную раму. Точнее, картину, явно снятую со стены.

– Командир! – возопил тот. – Смотри, что я нашёл.

Он развернул картину к нам лицевой стороной. Это был портрет всего семейства, которое мы заперли в подвале. Хотя нет, рядом с хозяином дома стоял ещё молоденький паренёк в форме курсанта одного из гражданских лётных училищ. Точно лётного, крыльшки отсюда вижу. И лицо этого паренька мне было очень хорошо знакомо. Теперь понятно, отчего боец так возбудился, он его тоже узнал. А это был тот пилот угнанного нами у немцев «юнкерса», прикопанный вместе с экипажем рядом с базой в лесу. А самолёт его тут, неподалёку разбитый лежит.

– Да уж, – только и покачал я удивлённо головой. – Вот это случайность. Бабочкин, внеси эту информацию в журнал учёта боевых действий. Думаю, и фото можно сделать, а то не поверят.

– Сделаем, – с серьёзным видом кивнул тот, как и остальные с интересом изучая картину.

Мы продолжили прерванный ужин, Фомин расстарался, всё вкусно было, после чего стали готовиться к выходу. Так что техника подготовлена, просто мы переоделись в те костюмы, что привезли с собой из Москвы. А вообще одежда, производимая в Советском Союзе, отличается от той, что пошита тут же в Германии, и опытный глаз эти различия отлично видит. Да и не опытный тоже. К счастью, те комплекты костюмов и обуви, что мы позаимствовали у профессора, были пошиты в других странах. Например, мой в Италии, а Бабочкина – в Штатах, так что, думаю, внимания мы привлечь не должны. Поэтому, собравшись, сели в машину, верх был

поднят, и, выехав со двора, ворота нам открыл один из бойцов, всё так же одетый в форму рядового вермахта, покатили по улочке в центр города. Кстати, я приказал вести себя на территории усадьбы тише воды ниже травы, чтобы не привлечь внимания соседей. Правда, когда мы занимали особняк, всё равно привлекли, а по-другому как-то и не могло быть, но некоторые из зевак заметили, как Ватутин предъявлял жетон сотрудника гестапо. По виду они с жетонами СД одинаковые, так что у соседей вопросов не возникало, слух быстро по ним разнёсся. Если заняли дом и участок, значит, так и надо.

Только задерживаться надолго не стоит, слухи и до настоящих гестаповцев могут дойти, а оно нам надо? Я уверен, что сегодня ещё местный полицейский может посетить усадьбу, узнать, что происходит, и что мы тут делаем. Я об этом Ватутина предупредил, проинструктировав, как с тем говорить. Он в форме офицера, выйдет и пояснит, что проводится боевая операция, банду немецких коммунистов будем брать. К хозяевам дома претензий мы не имеем и получили их добровольное согласие на расквартирование подразделения на территории их участка. Сутки, а может, и двое спокойной обстановки нам это даст, а свалим мы раньше, сразу после проведённых акций. Каких именно, пока не знаю, оттого на разведку с Бабочкиным и поехал. Тот, кстати, на заднем сиденье расположился и изредка делал фотографии разных улиц и домов. Мы даже вышли и по очереди сфотографировались на фоне некоторых берлинских достопримечательностей. Например, Бранденбургские ворота посетили или рейхстаг. Ну а что, я тоже хотел иметь фото на память. Так что с пяток теперь у меня их было, а точнее, будет, когда проявлю и распечатаю. А от рейхстага нас прогнали, полицейский подбежал, фотографировать запрещено, но плёнку отбирать не стал, так что та у нас сохранилась. Пришлось уехать.

Потом остановились у газетного ларька, тут шла уличная распродажа газет, мы накупили с Бабочкиным почти всех возможных берлинских и иностранных газет, что были в продаже.

– Слушай, командир, а чего это на той площади столько флагов навешано? – спросил Бабочкин, приметив в стороне нечто интересное.

Я притормозил и припарковался, после чего достал купленную только что карту Берлина, а купил я их три десятка, всё что было выкупил, подарю со своим автографом всем членам нашей группы, на память. Остальные на памятные подарки оставлю. Тому же Лосеву или Смирновой точно подарю. Да найдётся кому. Найдя нужную улицу, на которой мы стояли, также нашёл и место, куда указывал сержант.

– Это Вильгельмплац... Хм, Вильгельмплац, Вильгельмплац... – забормотал я и зарылся в газетах. – Где-то я это название уже видел. На заголовке одной из газет. Во, точно есть.

– Что тут написано? – тут же заинтересовался напарник, видя, с каким интересом я читаю.

– А написано, что завтра на этой площади будет проводиться парад войск СС. Почти все дивизии СС прислали свои роты для участия. Также там будут присутствовать видные члены НСДАП, Третьего рейха и сам Гитлер. Начало парада назначено на три часа дня, открывать его будет лично рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Тут же и рейхсканцелярия расположена. Хм, какая интересная новость.

– Командир, что-то мне тон в твоём голосе знаком. Ты обычно так говоришь, когда какую-нибудь пакость придумываешь. А мне это нравится.

– Есть такое дело, – сворачивая газету и откладывая её в сторону, ответил я. – Оставим машину тут, а сами прогуляемся. Ты плёнку в фотоаппарате сменил?

– Нет ещё.

– Ну а что?

Подождав, когда сержант сделает это нужное дело, у его родителей фотоаппарат был, вот тот в юности фотокружок посещал, оттого достаточно ловко управлялся с фотоаппаратом. Когда он закончил, мы вышли из машины, не забыв её запереть, и лёгким прогулочным шагом направились к выходу на нужную площадь. Там незаметно сделали несколько фото рейхсканцелярии, естественно про себя не забыв на переднем фоне. И дальше проводили разведку.

На рекогносцировку мне понабился почти час, уже окончательно стемнело, когда мы вернулись к машине. Причём я был в изрядно задумчивом виде. Встряхнувшись, я открывал машину и молча мотнул головой, народу на улицах Берлина пребывало изрядно, ещё не хватало, чтобы кто услышал, как мы общаемся на русском языке, так что в людных местах нам хватало жестов и взглядов. За последнее время мы вполне научились друг друга понимать поnim. Уже устроившись в машине – окна подняты были – и запустив движок, я выехал на дорогу и сказал:

– Интересно.

– Не томи, командир, что надумал? – взмолился уже изнывающий от любопытства Бабочкин.

– Что я могу сказать? Разведка прошла более чем удачно, такой цели ещё поискать.

– Гитлера будем убивать?! – ахнул тот.

– Вот ещё. Этот клоун на своём месте, наоборот, нам на пользу. Если кто вместо него встанет, то может договориться с теми же англичанами вступить в союз против нас, а этого мы уже можем не выдержать. Нет, сержант, Гитлера нам нужно холить и лелеять, только пока тот на своём посту, у нас есть шансы победить в этой войне по тем правилам, которые устанавливаем мы. Но подранить его обязательно нужно. Специально нашему снайперу дам такое задание. А потом на местах лёжек будут оставлены письма немцам, объясняющие, что это ответная акция на решение Гитлера убить нашего товарища Сталина, а пуля ему в плечо – это намёк, что все мы смертны. Или пусть последнее яйцо отстрелит... Шучу.

– А остальные?

– А вот остальные мне не интересны, всех положим, особенно генералов. Тут тоже объяснения оставим, а потом листовки по улицам разбросаем, что те получили возмездие за жестокость, творимую на оккупированных территориях, ну и за обращение с военнопленными, где смертность превысила все возможные пределы. Ладно, я ещё мысленно составляю план предстоящей операции, а пока задача перед нами стоит подобрать две легковые машины, лучше всего, если они принадлежат полиции или гестапо, то есть номера, знакомые местным правоохранителям. Будем делать машины-бомбы. Мин у нас в грузовиках хватает.

– Вон машина стоит. Чёрная.

– Нам нужна с хозяином, чтобы и ключи были, и документы. Едем дальше.

– О, вон то, что нужно.

Из двухэтажного особняка с вывеской гостиницы вышли двое, сели в машину, как раз неприметную, и покатали по улице в одном им известном направлении.

– Что-то мне эти типы не нравятся. Заметил, как одеты? Между прочим, так одеваются сотрудники гестапо, как униформа у них. Плащи, шляпы. Чёрных очков только не хватает. Сейчас проследим, куда они едут.

Приехали мы к зданию гестапо, это точно оно, я уточнил у дёрнувшегося от меня прохожего. Дальше мы записали номера всех машин, что там стояли, и покатали к месту, где находилась наша база. Пока машину брать мы не стали, решив оставить это дело на завтра, чтобы шум по угону не подняли раньше времени. Угонять лучше за несколько часов до акции. Так шансов на полное его выполнение больше. По пути мы заметили открытый ресторанчик, остановились у него, и я сходил внутрь, прикупил шесть пирогов с разной сладкой или мясной начинкой. Больше готового не

было. Это ребятам на базе, пусть пирогов поедят, мой подарок перед акцией. Понятно, что, можно сказать, из них ещё домашние пирожки не вышли, столько времени всего служат, но всё равно порадовать их я был не против. Ну, а когда вышел с купленной тут же корзиной, внутри лежали ещё тёплые нарезанные пироги, то заметил, как Бабочкин в темноте возится у смутно знакомой машины, что припарковалась перед нашей. Точно, это были те гестаповцы, которых мы отслеживали от гостиницы. Выследили? У меня даже сердце забилось в волнении и пот на лбу выступил.

Быстро сунув корзину в нашу машину, я побежал к Бабочкину и помог ему засунуть тело второго немца в салон их авто, причём делал вид, что тот пьяный, даже со смехом говорил, как тот перебрал. Нормально. Ну вот, пока возились с ними, тот и шепнул, поясняя: те подъехали, сержант их сразу опознал и решил, что выследили, атаковал. Всё прошло из-за темноты практически незаметно, вырубил обоих рукояткой пистолета по голове, подкравшись сзади, и прятал тела в машине, когда я вышел. Так что Бабочкина я отправил в нашу машину, а сам сел за руль гестаповской, и мы покатили на базу. Еле нашли нужную улицу. Чуть не заблудились. Хорошо всё же, что карты накупили, пригодились. Так что, загнав гестаповскую машину в гараж, я приказал спустить обоих немцев в погреб, он пустой был, хозяева в подвале дома, и подготовить их к допросу, у меня много вопросов к ним было. Особенно кто ещё знает о том, что мы за ними следили, и быстро ли вычислят по номеру машины, где наша база. Пироги я передал Фомину, бойцов успокоил, те встревожились из-за нашего долгого отсутствия. После этого приказал подготовить советскую форму и оружие, также на всякий случай приказал усилить посты. Мало ли нашу базу уже вычислили. Кстати, Ватутин доложил, что полицейского так и не было.

Ну, а дальше, попив чаю с пирогом, я отправился в гараж, где по очереди допрашивал гитлеровцев. Ватутин помогал в этом деле. Почти до полуночи время тянулось. Хм, между прочим, в тот ресторанчик они поужинать заехали, им его посоветовали местные коллеги. А так те из Мюнхена были, по своим делам, командировочные. Особо о местных делах те ничего не знали, своя задача у них, но о параде много информации выдали, они, скажем так, участвовали в подготовительных мероприятиях. А именно обеспечивали для зрителей показуху. Из Мюнхена был доставлен советский танк КВ-2, якобы захваченный эсэсовским подразделением, и Гиммлер хотел показать, насколько его люди хороши, что берут штурмом таких монстров. Он проедет по той улице, где будет проходить парад,

находясь во второй очереди. Я в шоке, это не удача, это просто что-то запредельное. Если сменить экипаж на свой, то... Блин, да мне представить страшно, что может получиться. Это не легендарный рейд Т-28 по улицам Минска, это будет легендарный рейд КВ-2 по улицам Берлина. Вот это местные жители точно запомнят, не то что подрывы машин рядом с марширующими эсэсовцами и расстрелом тех из пулемётов из прилегающих к месту парада домов, как я планировал ранее. Вот это вообще жесть. Хотя если совместить, тогда получится очень любопытная акция, что может войти в анналы истории. Советского Союза точно, другие государства не особо любят афишировать достижения советских людей, особенно их победы. Если только завоюют о страшной акции с многочисленными жертвами мирного населения, это они могут. Надеюсь, всё получится.

Вот так мысленно прикинув, возможно ли участие в нашей акции советского танка, который собираются выставить как трофей, я решил, что возможно. Так что я стал и дальше опрашивать обоих гитлеровцев. Те, кстати, сразу сломались и, особо не запираясь, активно выкладывали всё, что знали. Танк на ходу, и это хорошо, его подшаманили, двигатель перебрали – в общем, привели в порядок. Это хорошие новости. Из плохих: снарядов нет, прицел с пушки снят. Да и кто его с боеприпасом допустит в святая святых? А вот все пулемёты стояли на месте, чтобы их видно было. Правда, боеприпаса к ним тоже не было, как и снаряды оставили на месте хранения в Мюнхене. Ха, а у нас в одном из грузовиков два ящика с цинками, и один из них как раз для пулемётов. Отлично. Пусть снарядов нет, не громыхнёт пушка танка, но поработать из пулемётов удастся. Сомневаюсь я, что у немцев что-то найдётся, чем остановить этого стального монстра. Зенитки на окраинах, так мы туда не пойдём. Разве что бутылками с бензином закидают, когда оправятся. Или мину на машинное отделение забросят, но до этого момента я планировал сделать всё, чтобы этот мой танковой рейд запомнили. Танкисты у меня есть, хотя они эту машину и не знают, я сам умею виртуозно управлять подобной техникой – в общем, все шансы. Пару лётчиков можно в экипаж взять, на пулемёты поставим. Тот же Берёзов пусть на месте командира сидит и цели указывает. Надо это всё прикинуть, ну и остальной план операции накидать, так как как устроить пулемётные засады и подрывы марширующих эсэсовцев я не передумал.

Закончив с гитлеровцами, я ещё часа два просидел в кабинете хозяина дома, прикрыв окно, в городе была наведена светомаскировка, бывали уже налёты советской авиации. Только потом я отправился спать, перед этим

отдав несколько распоряжений часовому на утро, тот передаст Бабочкину или Берёзову, они встанут раньше меня, себе я дал возможность выспаться, два дополнительных часа выделил. Не думайте, что это я что-то расслабился или обнаглел перед такой акцией, но завтра мне нужна чистая и свежая голова, которую может обеспечить только полноценный сон.

Разбудил меня Бабочкин, тряхнув за плечо. Спал я на хозяйствской кровати.

— Командир, всё готово, котёл местный мы раскочегарили, можете ванну принять. Вода горячая. Наши уже все побрились, привели внешний вид в порядок.

— Это вовремя, — кивнул я, сядь и сонно проводя левой ладонью по уже появившейся щетине. — Заодно и побреюсь.

После душа, бритья и завтрака я собрал в общем зале дома всех своих бойцов, даже часовых и наблюдателей вызвал, полчаса ничего не решат, а поставить их в известность о моих планах и о самой акции нужно обязательно, чтобы каждый сверчок знал свой шесток. Это обычно и обеспечивало благополучное выполнение всех операций, проведённых мной, — то, что бойцы знали свои действия от и до. Пока бойцы слушали, что я им говорю, Бабочкин, который основные черты плана знал, встал за наблюдателя у окна, поглядывал на двор и ворота, но тоже внимательно слушал меня, как и все. А я на развёрнутой карте Берлина показывал, где нужно занять позиции трём пулемётчикам, использовать мы будем два ДП и МГ, где будут стоять оба грузовика для эвакуации пулемётчиков. Те будут находиться с разных сторон улицы, так что машины нужно будет тоже две. Я строго-настрого приказал выпустить по одному диску или ленте и сразу уходить, а иначе шансов потом отойти у них не будет, а я не хотел нести потери. Тем более дальше уже мы будем действовать на танке. Ватутин и второй боец, знатоки немецкого, переодевшись под гестаповцев, с их документами, обеспечивают проведение этой операции. Они проведут пулемётчиков на места огневых точек, те уже сами отойдут во дворы, а где грузовики будут ждать, им заранее покажут, чтобы не заблудились. Дальше наши «гитлеровцы» подгонят машины, две легковушки, начинённые противотанковыми минами, к местам, где будет проходить парад. Желательно куда будут выходить эсэсовцы после парада и где те скучкуются в больших количествах. Нам это выяснить сразу не удалось, надеюсь, Ватутин на месте узнает. А так как водить они не умеют, оба наших водителя всё и сделают, а потом те их проводят к грузовикам, чтобы ожидать появления отстрелявшихся пулемётчиков. А сами вернутся к

машинам и в нужный момент подожгут бикфордовы шнуры. Время их горения по минуте. Дальше те возвращаются к грузовикам и эвакуируются вместе со всеми. К этому моменту и пулемётчики должны подбежать.

Думаете, это всё? Нет, все пулемётчики, занимая позиции у окон, должны переодеться под советских бойцов, Бабочкин так под сержанта госбезопасности, и Ватутин, обойдя все места засад, сфотографирует их. Причём так, чтобы на заднем фоне были видны стоящие на сошках пулемёты, флаги и зеваки с цветами за окном. То есть было видно, что акция проведена нами. Бойцы будут отступать к машинам также в нашей форме, чтобы побольше народу их рассмотрело. Форму немецкую нести им не придётся. Только оружие. Мешки с формой отнесут к грузовикам наши «гестаповцы», как только завершат фотосессию. Правда, фотоаппарат у них будет один на двоих, но ничего, времени должно хватить, успеют всё сделать и передать друг другу. Второй я забирал с собой, будем вести фоторепортаж нашего рейда по улицам Берлина. Конечно, не хотелось бы, чтобы были жертвы среди мирянка, но видимо, всё же они будут. Война такое дело.

Пока я ставил задачи, лица бойцов и командиров вытягивались от удивления. Нет, они, конечно, понимали, что акции я собираюсь устраивать громкие, чтобы те прогремели на весь мир, но чтобы такие?!. Вроде уже должны были привыкнуть к тому, что я имею привычку делать нестандартные ходы и устраивать громкие акции, однако всё равно были ошарашены. Но ничего, постепенно смогли оправиться, и всё равно слушали внимательно, особенно когда я начал ставить задачу каждому бойцу, трижды предупредив пулемётчиков, чтобы по Гитлеру не стреляли, он нам мёртвым не выгоден, а вот снайперу нашему поручил подстрелить его в плечо. Тот будет вторым номером у Бабочкина за МГ, я егоставил на самое ответственное место, он и подстрахует, и проследит. СВТ у того была.

Дальше, пока Бабаев минировал обе легковые машины, там двое бойцов ему помогали, мы с Ватутиным и вторым бойцом писали листовки и воззвания к правительству Германии. Что-то оставят на месте пулемётных точек бойцы, что-то раскидаем по улицам, когда будут отходить. Кстати, нас они дожидаться не должны. Покинут город, пользуясь общей суматохой и тем, что на улицах бесчинствует советский танк. Местом встречи я назначил ту рощу, где мы оставили десять ящиков с минами. Как сами будем выбираться из города, это будут наши проблемы. Главное, чтобы пулемётчики смогли без потерь эвакуироваться и дождаться нас.

Когда подошло время операции, мы успели понаписать немало листовок и возваний, хотя всё и от руки делали. К сожалению, в доме инженера печатной машинки не было. С ошибками, конечно, писали, да и часть листовок были на русском языке. Не особо скрываясь, в листовках сообщали, что группа майора Корнева решила ответить на агрессию Гитлера, на попытку убийства Сталина, и провела ответную акцию. Ну, и всё такое. То есть что это частная инициатива группы бойцов и командиров. Наверняка ведь будут выть о невинно убиенных пятьсот миллионов детей и женщин на параде, так что государство наше обвинить будет в этой акции очень сложно.

Собравшись, мы покинули эту усадьбу. Уже навсегда. Уехали на четырех машинах, лишь за гаражом остался стоять штабель пустых ящиков от мин. Ну, и пара от советских винтовочных и пулемётных патронов, мы лишь цинки забрали. Хозяев дома и прислугу оставили в живых, даже обращались нормально, кормили и водили в туалет, ну а гестаповцев прирезали. Уж этих оставлять в живых ни в коем случае нельзя. Дальше доехали до места проведения парада, обе легковушки были перегружены, и было такое, что цепляли днищем выступы дороги, однако ничего, добрались. Дальше, показав, где ставить грузовики и где легковушки, я приметил, как невысокий мужичок, в униформе гестаповца, интересуется нашими машинами. Тот и вякнуть не успел, как его втянули в машину, а документы и жетон остались мне. Точнее, я взял себе одного из командировочных из Мюнхена, а этот ушёл Ватутину. Потом я угнал развозной фургончик, в который и перебрались мои бойцы и летуны, так сказать экипаж, четыре человека в закрытый фургон и один со мной в кабину. Он в немецкой военной форме был. Цинки с патронами также были в кузове, не забыли и прихватить максимальное количество гранат, они тоже использоваться будут. В том числе и пулемётчиками. Их вторые номера, пока первые будут вести огонь, станут выбрасывать в окна гранаты одну за другой, так что панику они должны навести серьёзную, а уж мы поддержим и усилим.

Там мы докатились до складских пакгаузов железнодорожной станции, где шесть немцев в комбинезонах танкистов наводили последний блеск на танк. Да уж, наша «двойка» впечатляла, сила и мощь во всём её виде. Не стоит думать, что можно было вот так подъехать, взять танкистов в ножи и, спокойно загрузившись, поехать к месту парада. Кстати, скоро танку выдвигаться, как я понял со слов зевак, ждали машину, что будет сопровождать танк к месту, показывая удобную дорогу. Народу тут хватало, зевак, корреспондентов, ну и солдат тоже. Так что, не останавливаясь, мы

проехали мимо оцепления и, завернув за угол, встали у здания какой-то двухэтажной конторы. Людей тут на улице не было, все у танка собирались, мы с бойцом прошли в здание, тут две машинистки были. Контора какая-то по железнодорожным перевозкам. Так что, связав их и вставив кляпсы, спрятали в соседнем помещении, а сами, отслеживая окрестности, позволили двум летунам, а те были в своей форме, и двум бойцам-танкистам пройти в здание.

После этого, проверив свой костюм и плащ, я поправил шляпу и уверенным шагом направился к танку. Унтеру из оцепления предъявил жетон и документы сотрудника гестапо, солдаты местные были, и командировочных из Мюнхена не знали, а танкистам, подойдя, я приказал проследовать за мной в соседнее здание, где им будут даны последние инструкции. Дело-то серьёзное, сам фюрер будет на параде. Те поморщились, видимо подобными инструкциями и подписками их уже достали, но прошли следом за мной в здание. Где парни и взяли их на прицел. Двоих сразу в ножи взяли – дёрнулись к оружию, а вот остальные остались в живых. Мы их раздели по очереди и, связав, оставили на месте. Когда мы их ещё брали на прицел автоматов, я дал им слово офицера, что оставлю их в живых, если они не будут сопротивляться, и выполнил своё обещание. Те, кто не дёрнулись, остались в живых. Связали крепко, не развязаться и других не развязать, а перед уходом просто вырубили, крепко, пару часов точно не очнутся. Дверь мы, уходя, заперли. Так что необходимое время для проведения операции у нас было. Мы же, переодевшись под танкистов, также в чёрных пилотках и комбинезонах, с пистолетами на поясах – они у всех были, экипаж оказался полностью офицерским, из СС, – загрузились вещами и направились к танку. Охрана пропустила нас без вопросов. У них приказ охранять танк от зевак, а не проверять, что там носят. Это мне ещё гестаповцы сообщили, во время допроса в гараже инженера-коммунальщика. Мы бы не смогли ничего пронести, если бы гестаповцы охраняли машину, но их тела остывали в погребе инженера, поэтому контроль и ослаб.

Едва мы успели загрузиться и подать все вещи внутрь танка – а цинки и гранаты были завёрнуты в материю и брезент, непонятно, что несём, – как прибыл проводник. Так что пока бойцы набивали диски, я запустил двигатель и, стронув машину с места, направился следом за пикапом, под крики одобрения зевак. Я даже рукой им из люка помахал и с достоинством посмотрел в объектив, когда фотограф сделал снимок со мной вместе. Чёрт, тут я прошёлкал, не успел отвернуться, и меня поймали в кадр. И сделать ничего нельзя. Хотя... Да пусть будет. Берёзов и ещё один боец сидели на

башне, старлей спустил ноги в открытый верхний люк. И тоже, улыбаясь, махали руками. Наши наушники уже были подключены к разъёмам внутренней связи, так что я слышал в динамиках, как старлей, улыбаясь, сквозь зубы прошипел:

– Я вам покажу, уроды, как радоваться трофею.

– Ты ещё будёновку надень! – рявкнул я ему в микрофон под хмыканье остального экипажа. – Не привлекай внимания. Улыбаемся и машем.

Нормально пока шли. Танк шлётапал гусеницами, где по брускатке, а где и по асфальтовому покрытию, следом за проводником, мощный движок ревел, выбрасывая в воздух сизые клубы не прогоревшей солярки. Движок холодный был, но прогреется, нормально будет. Баки полные, как я видел, датчики показывали это, а в остальном норма. Кроме одного. Всё же одна, скажем так, неприятность присутствовала. О ней мы узнали только когда оказались внутри танка. Гестаповцы об этом не сообщили, возможно не знали, а я тут промашку допустил, не догадался спросить. С пулемётами действительно всё в порядке было, затворы на месте, бойки тоже, парни проверили, вхолостую пощёлкав ими, однако ко всем трём пулемётам имелось всего три диска. Да те, что на них стоят для виду, и всё. Ниши для боеприпаса были пусты, запасных дисков не имелось. Вот и пришлось парням снять все три диска, сидеть и набивать их. Это и может создать некоторые проблемы при постоянном ведении огня. Быстрой замены не будет, нужно сначала снять, на ходу, в трясущейся машине снарядить патронами, и снова поставить. Времени много. Так что, подумав, я решил курсовой пулемёт стрелка исключить из боя, он будет сидеть и снаряжать пустой диск, когда расстреляет кто-то из двух других, и передавать тому, кто первым успеет протянуть руку, ну и начнёт снаряжать следующий, пустой. Так что пулемёты будут действовать в башне, один тот, что кормовой, ну и спаренный с пушкой. А сначала да, работать начнут все три, это уже потом перейдут на двухпулемётную основу. Да и вообще посмотрим по ходу дела.

Тут я заметил, что проводник притормаживает. Похоже, мы подкатили к месту, парад уже шёл, минут пятнадцать, если по часам судить, так что я остановил танк, но двигатель не глушил. Ещё чего. А если потом не запустится? Конечно, по словам механика-водителя, которого я успел допросить, баллоны заправлены и аккумулятор целый, но всё равно рисковать я не стал. Из пикапа вышел молодой офицер, тоже СС, и, отправив машину в сторону, в боковую уличку, направился к нам. Сообразив, что тот может обратиться к Берёзову, имевшему знаки различия, соответствующие армейскому капитану, да ещё два креста, я

потеснил стрелка, приподнялся, выбирайсь в наш общий люк по пояс, и махнул рукой, привлекая внимание офицера. А Берёзов, делая вид, как будто это его не касается, отвернулся, вроде как ему и дела нет. Мы так с ним договорились. Если будут что кричать, улыбайся и маши, дурачкам всё прощают. Офицер, приметив меня, подошёл и прокричал, хотя слышимость и так приличная была:

– Ваша очередь за этой ротой. Как начнёт движение, регулировщик махнёт флагжком, и двигаетесь вы. Скорость вы знаете, репетицию проводили.

Молча кивнув, я проводил отошедшего офицера взглядом и покосился на строй эсэсовцев метрах в двадцати перед собой. Те готовились, ожидали, когда их очередь промаршировать будет. Задние ряды, пользуясь тем, что к ним внимание унтеров ослаблено, оборачивались, поглядывая на наш танк. У некоторых в глазах мелькал страх, видимо доводилось им встречаться с подобной боевой техникой. Я же прислушался, из-за порыкиваний движка слышно было плохо, но похоже, там хорошо поставленным голосом диктор сообщал, какое подразделение и какой части марширует, даже вроде марш играл. А может, и оркестр. Постепенно очередь двигалась, так что я подал вперёд, но проехал метров двадцать, как регулировщик остановил нас, подняв красный флагжок. Я уже поглядывал с нетерпением на время. Пулемётчики открывают огонь в двух случаях, если увидят мой танк, появившийся в зоне прямой видимости, сигнал открытия огня – очередь того расчёта, что меня увидел, или когда время подойдёт к полчетвёртому. В общем, мы выехать не успели, а до начала операции часы у всех участников операции были сверены и показывали одно время – значит, через полминуты начнут. Поэтому, спускаясь на место механика-водителя, я скомандовал в микрофон:

– В машину, закрыть люки. К бою!

Не трогая пока свой люк, я слышал, как Берёзов ругается, не смог сразу убрать стопор с люка, хорошо боец из танкистов помог, и всё, мы оказались заперты внутри этой тяжёлой боевой железной рычащей коробки. «Реснички» были подняты, перископ в порядке, так что я видел в мутноватое стекло, как солдаты роты, продолжавшие оборачиваться, удивлённо глядят на наши манипуляции. Бойцы уже прижимали приклады пулемётов к плечам и готовились открыть огонь, выбирая, кого сбить с ног первой очередью. Если ранее затворы взведены не были, была опаска случайного выстрела при тряске, то сейчас взвели. Один держал на прицеле роту, стоявшую за нашей кормой, а стрелки спаренного и курсового пулемётов – тех, что стояли перед нами.

Я специально не велел стрелку закрывать люк, чтобы услышать момент открытия огня, и когда раздалась первая очередь – её сразу поддержали ещё два пулемёта, – то скомандовал, жестом приказав закрыть люк:

– Огонь!

Тут же заработали пулемёты, я же врубил сразу вторую скорость и, наподдав газу, рванул вперёд. Первые ряды с нашей стороны отскочить успели, те, кто не упал, сражённый очередями двух пулемётов. Остальные нет. Вы видели когда-нибудь, как бульдозер, опустив ковш, поднимает перед собой вал земли? Тут было схоже, только вал из людей, но вот он подался вниз, нос танка начал задираться – это сколько же немцев под гусеницами оказалось, что тот так забуксовал, задирая в небо пушку? Гусеницы начали проскальзывать. Однако ничего, под жуткий хруст и крики, что были слышны даже через рёв двигателя и толстые стенки брони, тот подмял этот вал и, рыча, последовал дальше. Солдаты уже бросились во все стороны, спасаясь от губительного огня пулемётов с разных сторон и разрывов гранат, для нас они звучали как негромкие, но многочисленные хлопки, бойцы все гранаты РГД-33 разобрали, всё, что было, и, видимо, использовали их полностью. Так вот, многие немцы бросились к стенам домов, чтобы скрыться от огня пулемётов, хотя гранаты их и тут доставали. Вот я и свернулся на тротуар, зрителей тут было меньше, и в основном это были сановники, чиновники и офицерская элита, и стал давить их, двигаясь по тротуару. Пару раз даже задевал левой гусеницей стены домов, но шансов уйти у тех не было. Если только снова броситься на проезжую часть. Некоторые опытные солдаты так и делали. Хрустели под гусеницами брошенные инструменты военного оркестра, я сносил каменные крыльца входов многих зданий, и давил, давил. Пулемёты уже молчали, бойцы, матерясь, старались быстро снаряdzić снятые диски, те ещё и горячими были. А я занимался тем, для чего и созданы танки, – уничтожением живой силы противника, пусть снарядов для уничтожения дотов и бетонных укреплений нет, но мы всё равно сможем показать, на что способны советские танки и советские танкисты.

Выжимая максимальную скорость, что могла выдать «двойка», мы гнали перед собой огромную толпу солдат в чёрной форме, со светлыми пятнами костюмов чиновников.

– Получайте, суки! Это вам не брошенные танки на дорогах собирать, выдавая их за взятые в бою! А-а-а!.. – заорал я от переизбытка чувств, снова врезаясь в толпу.

Тут образовалась пробка, обожаю узкие улочки, да ещё заставленные

машинами, и передние не успели проскочить, а задние напирали, и вот во всём это я и врезался. Сюда же уходили те роты, что успели промаршировать по улице, получив свою порцию внимания фюрера. А когда стрельба началась, те ничего не понимали. Видели, что толпа на них несётся, им бы податься в сторону, но приказа не последовало, вот в них бегущие и врезались, сбивая с ног, сами падали и образовывали кучу, которую следующие за ними преодолеть не смогли, а следом за ними неслось огромное зелёное чудовище с красными звёздами на башнях. А я давил и давил. Но давил не всех, те, что подавались в сторону, всё же улица была, три моих танка в ряд пройдут, выживали. Танк качался, как будто подо мной не живые люди, а кочки, рытвины и ямы. Башня раскачивалась в разные стороны вместе корпусом. Стоял не крик, вой. Сам я этого не видел. Берёзов срывающимся от волнения голосом описывал, ему там сверху видно всё.

Снова заработали пулемёты, причём снова все три, набивая свинцом тех, кто ещё оставался впереди, и мы их гнали, и тех, кто пережил нашу погоню и атаку. Они ещё не знали, что их ждёт. Мы же выскочили на другую улицу, тут тоже проезжая часть была свободная, а тротуар занят зевками, многие держали в руках цветы. Ну правильно, мы тут, цветы заслужили. А вот толпа солдат, в основном были они, сразу бросилась в разные стороны. Пулемёты снова стихли, и бойцы снаряжали их. А я, выжав педаль и потянув на себя рычаг, заставил танк развернуться, после чего, рыкнув мотором, снова набрал скорость. По словам Берёзова, жители Берлина, что это всё видели, в шоке наблюдали за нами, как заляпанный кровью сверху донизу огромный танк Советов, развернувшись, удаляется. Берёзов это видел, когда я крутился на одной гусенице, а он открывал люк и выбрасывал тонкую пачку листовок. По плану, тот трижды сделать это должен, значит, осталось на два раза.

А вот я возвращался туда же, где шёл парад, решив повторить загон барабанов на бойню. А бойня натуральная была, вон как Берёзов сдавленно ругался, он же всё видел. Вот пулемётчики работали хоть остервенело, но спокойнее. У них задание – расстреливать всех, кто носит чёрную форму СС, ну и тех, кто в любой форме попадётся на прицел. Так что те особо внимания не обращали на творившееся снаружи. Хотя вроде тоже бледные сидели. А вот те, кто выжил и собирались в толпу, спотыкаясь о раздавленные тела, видя наше возвращение, рванули обратно, но мы были быстрее. Я смог раскочегарить движок аж до сорока километров час, так что нагоняли. Да и скорость те не могли увеличить, кровавых останков много было, ноги разъезжались во всём этом месиве. Кто-то, запрыгивая,

залазил в окна, кто-то в подъезды зданий, там образовывались пробки, крайние давили тех, что уже были внутри, я один раз такую группу снял, подмяв, но могу сказать уверенно, в этот раз урожай я снял меньше. Мне кажется, пулемётчики, что перезарядились в третий раз, больше настреляли.

– Командир! – рявкнул в наушниках Берёзов. – Ты предупреждай, когда технику давишь, кадр смазанным получился.

– Давлю, – спокойно сообщил я и стал подминать под танк второй опелевский грузовик, припаркованный у тротуара.

Их тут с десяток было, водители, как и те роты СС, что стояли позади нас, уже разбежались, оставив трупы подстреленных товарищей, а я поставил себе задачу нанести как можно больший урон в людях, технике и производстве. Это тоже в планах. Уходить ночью будем, да и когда топливо закончится. Думаю, с теми гонками, что нам ещё предстоят, расход большой будет. Нам бы полдня простоять и вечер продержаться. Бойцы перезарядились, но стрелять уже было не в кого. По нам тоже стреляли, из лёгкого стрелкового оружия, пули лишь бессильно бились о броню. Закончив давить военную технику, тут и два «ганомага» было, я развернулся и, неторопливо шлёпая гусеницами, двинул обратно. Ну вот, только подавленные на площади остались да многие раненые, вокруг которых сутились медики. И откуда только взялись? Один офицер, по эмблемам врач, помахал белым платком, двигаясь нам навстречу.

– Не стрелять! – скомандовал я бойцам, пулемёты уже были перезаряжены, потом добавил, обращаясь к Берёзову: – Старлей, я сейчас встану, отличная возможность будет снять всё, что вокруг происходит. Только не высовывайся, стрелков тут хватает, так же через оптику снимай, мутно, но хоть что-то.

Оставив танк метрах в десяти от бледного на вид военного врача, тот явно был в ужасе от надвигавшегося на него кровавого монстра, всего в брызгах крови, обрывках формы и кусках фарша, но в сторону не отступил, посади него было двое раненых, которых пыталась оттащить женщина в костюме медсестры. Танк заурчал на малых оборотах, а я, приказав бойцу рядом открыть люк стрелка, высунул руку и махнул врачу, чтобы подошёл. Едва успел отдернуть её обратно, как по крышке звонко ударила пуля.

– Вот скотина, – ругнулся боец.

– Засёк, где он?

– Да, вон у угла, нога торчит, перезаряжается, видно, командир, доверни, угла обстрела не хватает.

Я чуть повернулся, и почти сразу прогрохотала очередь. Что он попал, я

видел, на брускатку упал солдат, держась за ногу, а второй очередью стрелок его добил. Тут ещё кормовой пулемёт заработал, там тоже приметили движение, нас окружали. Немцы начали приходить в себя от шока, и стоило ждать противодействия. Врач, который остановился, когда неожиданно заработал пулемёт, явно оглушив его, после моего повторного знака подошёл, и когда я в третий раз махнул рукой, не показывая брезгливости, пачкая форму, забрался на нос танка и заглянул в люк.

— Офицер танковых войск майор Корнев, — чётко козырнув, представился я. — Если я вам неизвестен, уточните у солдат, что воюют в Белоруссии, я там уничтожил немецкий штаб корпуса и фронтовой аэродром, да и вообще хорошо повоевал. То, что сегодня произошло, это мой личный ответ на ваши действия по решению и попытке выполнения ликвидации правителя нашей страны, товарища Сталина. Покушение провалилось, тоже благодаря мне. Ответ мой вы видите, и это я отдал приказ моему снайперу стрелять в плечо, а не в голову вашему фюреру. Вот эта листовка, тут всё написано. Моё правительство и моё начальство не в курсе этой акции, это моя личная инициатива. А теперь прошу освободить путь, мы покидаем эти улицы. Кстати, как вас зовут?

Узнав, как зовут офицера, я прямо при нём, воспользовавшись ручкой-непроливайкой — в кармане ношу, забрал из кабинета инженера, — на карте Берлина, которую достал из планшетки, написал на двух языках:

«Обер-лейтенанту медицинской службы Гюнтеру Вайсу от майора танковых войск РККА Корнева, Андрея Ивановича. На добрую память».

После чего протянул тому карту, сказав:

— Подарок. На память.

Тот сразу окинул автограф взглядом и покрылся красными пятнами, разобрав тонкую издёвку, но выкидывать не стал, а убрал с листовкой в свободную левую руку и, отойдя, обернулся и махнул правой рукой. Можно было ехать, обоих раненых убрали.

— Закончил снимать? — спросил я у Берёзова.

— Да, две плёнки извлёл. Командир, а что ты немцу говорил, да и вообще кто это?

— Это военный врач, бросился вперёд, чтобы спасти тех раненых, кого ещё можно, и привлёк персонал ближайшей больницы. Смелый человек. Я ему карту Берлина подарил, с автографом, и надписью — на добрую память.

Дальше, стронувшись, мы ехали под ржач шести глоток. Только на ту улицу, где лежали другие подавленные и где уже работали медики, нас не пустили, женщины в медицинской форме встали стеной, пришлось свернуть и, повалив кованый забор, проехать дальше, валя яблоневые

деревья какого-то сада, при этом чуть не нырнули в пруд, но вовремя свернули, где повалили такой же забор, но с другой стороны, и двинули дальше, набирая скорость хода. Народу разбегающегося тут хватало, но пулемёты работали редко и по определённым целям. Любой, кто носил форму, являлся их целью, и вот, если кого замечали, следовала очередь в два-три патрона.

Проехав пару улиц, остановились на крупном перекрёстке, позади осталось почти пять десятков подавленных легковых автомобилей, а мы давили всё что видели, даже велосипеды, театральные тумбы или газетные киски. Пусть всё это останется напоминанием о наших действиях. Улицы были странно пусты, хотя движение бойцы замечали, нас сопровождали в отдалении. Мотоциклисты мелькали. Изредка их отгоняли, а так пулемёты всегда были наготове. Я же, остановившись, доставал второй комплект берлинской карты, у меня их в планшетке ещё с пяток, остальные в моём сидоре в одном из грузовиков. Берёзов, не понимая причин остановки, тут же поинтересовался:

- Командир, что случилось?
- Дорогу смотрю, – пробормотал я в микрофон.

Для того чтобы в бою не говорить длинных фраз, я ещё в Москве приказал окликать меня командиром, так быстрее и проще, и все бойцы этим пользовались, в чём я никаких проблем не видел.

– Может, к Гитлеру поедем? – предложил тот, не зная точно о моих дальнейших планах, я его ставил в известность только о тех, что произошли на параде. А вот дальнейшее для экипажа танка было полной неизвестностью.

- Так, все меня слышат? – уточнил я, проверяя связь.
- Так точно, командир, – нестройно сообщили бойцы экипажа. Берёзов этому не очень радовался. Не любил он старорежимных словечек, но тоже подтвердил, что на связи.

– Ну что ж, дорогие мои товарищи и боевые друзья, с которыми я пока воюю немного, но прошёл через столько боевых приключений, что не на одну книгу мемуаров хватит. Первый этап нашей операции прошёл удачно, даже более чем. Парад СС сорван, но это ещё не всё, раз танк на ходу, осталась половина боекомплекта, то продолжим работу. Думаю, вы недоумеваете, что нам делать дальше, а я поясню. Пусть танк без снарядов, но он всё равно остаётся боевой единицей. Главное, что тяжёлой боевой единицей. В Берлине находится несколько важных промышленных производств. На артиллерийский завод мы не полезем, это опасно, но на тот же «Сименс» вполне. Он совсем рядом. Оптика, радиостанции,

электроприборы – всё изготавливается там, а для нашего танка ворваться в корпуса, сносить оборудование, давить и расстреливать всё, что увидим, вполне по силам. Подготовьте пулемёты. На заводе стрелять во всё, что движется и разбегается. Это высококлассный персонал, не стоит его оставлять немцам, чтобы те не возобновили производство. Дорога до завода займёт минут десять, готовьтесь, нам снова придётся повоевать.

Карту я уже изучил, путь запомнил, так что, выжав левый фрикцион и повернув танк влево, звеня гусеницами покатил дальше. Повернув на следующей улице, тут же сообщил:

- Внимание, в конце улицы баррикада.
- Вижу две противотанковые пушки, – добавил Берёзов.
- Серьёзные? – тут же забеспокоился я.
- Колотушки.

– Гусеницу тоже сбить могут. Уходим на другую улицу. Пушки давим, расчёты бьём.

Тут была длинная улица без возможности свернуть, никаких перекрёстков, уверен, сейчас и позади на руках выкатят пару пушек и засадят нам снаряды в корму. Стоит нам лишь сбить гусеницу, то всё, дальше агония. Этого стоит избежать. Сама улица пуста, когда мы обычно выкатываемся на улицу, то лишь замечаем последних разбегающихся, мелькающих в разных местах, а так там, где мы едем, город как будто вымирает. Нет, разную технику, брошенные вещи или велосипеды, с редкими мотоциклами, встречали, это моя законная добыча, но людей не было. Приметив слева большие стеклянные окна какого-то магазина, кажется итальянской обуви, где потолки были высокие, я скомандовал:

- Держитесь, идём сквозь здание.

Повернул, ревя мотором бронемашины. Пушки успели ударить вдали, и даже попали, но пробитий не было. Я снёс стекло и двинул по помещению к противоположной стене, а вот там стена полноценной была, но танк снёс её, как будто не заметив, вываливаясь на улицу. Почти сразу забили пулемёты танка. Тут были немцы, грузовики и солдаты, из двух те покинуть кузова ещё не успели, ну а я погнал дальше, давя грузовики один за другим, и, завернув за поворот, где расчёты почти успели развернуть обе пушки у баррикады, раздавил сначала одну, а потом и вторую. Расчёты выстрелить успели, один в рикошет, второе попадание, но пробития, даже в упор, не было. Хотя звона было достаточно. Однако немцы вояки всё же отличные, загрохотали по броне многочисленные гранаты, оглушая нас, заорал Берёзов, сообщая, что к нам бежит солдат с явно непустой канистрой, и сам же его срезал. Скинул заглушку для гранат и из немецкого

автомата подстрелил его. Если бы тот забросил канистру на моторное отделение, а другие, расстреляв, подожгли, нас бы заживо сожгли, так что Берёзова я поблагодарил искренне, спас, а сейчас мы уходили дальше в сторону завода. Воевать с солдатами можно, но не нужно, целей куда более жирных было навалом, вот к ближайшей мы и шли.

Парни молчали, быстро снаряжали диски, а Берёзов сообщал мне, где и сколько немцев, вот я и погнал дальше, давя всё, что можно, и всё, что вижу. В основном армейскую технику, но и гражданской не брезговал, пусть знают, как воевать с нами. Война – это где-то далеко... ага, как же, вот мы и показали, как она далеко. О, фонтан, тоже давим. Даже статуи снесли, мы их уже много подавили или сбросили с пьедестала.

– Командир, – окликнул меня Берёзов, пока мы шли на максимальной скорости по одной из улиц. Я уже убедился, что нужно двигаться резве, чтобы по пути нам не устроили ловушку или засаду.

– Слушаю.

– Я тут подумал, а если бы в том здании подвал глубокий был, а пол хлипкий?

Мне даже поплохело от такой мысли. Почему-то она мне в голову не пришла, даже мимо не пролетала. Так что, смущённо хмыкнув, я пояснил:

– Импровизировал, поддавшись мгновению и подсказке интуиции. Чуечка сработала. Но ты прав, риск был велик, могли провалиться или застрять, если бы башня достала до потолка. Заклинило бы нас, гусеницы бы скользили, но ни назад, ни вперёд. Постараемся впредь такого не допускать. Ты тоже поглядывай и, если что, предупреждай. Машина не особо устойчивая, и крутые склоны ей противопоказаны. Боковые.

– Понял.

Когда мы снесли ворота завода, врываясь на территорию, то увидели, что народу тут хватало, рабочий день ещё не закончен. Стрельбу тут, конечно, слышали, но мало ли что это может быть, поэтому появление огромного русского танка на территории завода вызвало не меньший шок, чем у тех зевак, что ожидали парада. Ну, те считали, что тот просто взбесился, а тут реально подумали, что русские танки в городе, несмотря на нелепость подобной мысли. Где наши войска сейчас и где Берлин.

За воротами находилась автостоянка, даже две, слева у склада служебная, и справа у явно административного здания, и у него же находились явно личные лакированные авто, даже вполне себе люксового класса, очень дорогие. Поэтому я и повернулся вправо, подменяя их. А потом рванул дальше к корпусам, по пути попалось два грузовичка, что примечательно, гружёных, врезался в них, подмял, так и погнал дальше.

Ворвался внутрь цеха я, проломив большие грузовые ворота. Сами цеха были из красного кирпича, снести я их снесу, но и танк может получить повреждения, при таких таранах есть свои нюансы, и я о них знал, если понадобится, применю, но если тут есть такие ворота, шикарный вход, чуть ли не приготовленный для нас, разве я это упущу? Так что ворота просто рухнули внутрь, частично завалившись на нас, но так как скорости движения мы не снижали, вскоре те сползли. Да и наводчик покрутил башню, пулемётчики просили, народу в цехе хватало.

Что фигово, на мои обзорные перископы упал какой-то мусор, и двигался я по цеху благодаря наводке Берёзова. Мало того что брызги крови были, так ещё тряпки какие-то. Ладно хоть под конец от очередной встряски этот мусор слетел. В общем, за пару минут мы снесли все станки со станин, и где подавили, а где просто собрали их в кучу у стен, остановились в центре цеха. Погибших среди работников хватало, но многие спаслись, выскочив наружу через выходы. Да через те же проломленные нами ворота.

— Так, бойцы, держите вход под прицелом, я выберусь, нужно гусеницы осмотреть. Мы столько ими поработали, что у меня есть серьёзные опасения, что дальнейших таранов они не выдержат.

Выбравшись в боевой отсек, я через дверцу в корме башни ступил на корму. Берёзов вышел следом, делая снимки остатков оборудования цеха, ну и я пару раз в кадр попал, пока изучал гусеницы. Тот ещё в сторону отбежал и сделал снимки нашего танка с нескольких ракурсов, тут я уже везде в кадре был, постукивал молотком по пальцам траков. Ещё и перископы свои почистил, оттерев от грязи и крови. Да и у остальных тоже почистил. Остальные нас прикрывали, включая наводчика, что вышел следом с автоматом, встав на корме и поглядывая по сторонам. Закончив, я вернулся на своё место и, подключив гарнитуру, сказал:

— Нормалёк, ещё на пару цехов и с десяток складов с готовой продукцией хватит. Поехали.

Разнеся ещё три цеха и раскатав два склада с готовой продукцией, мы повалили каменный забор и выехали не там, где нас ждали. Берёзов засёк, как немцы закатывают через ворота «ахт-ахт». Против этой зенитки наша броня не пляшет. Ведь прикатили откуда-то с окраин города. В принципе, времени было достаточно, так чего удивляться-то. Единственное, что немцам мешало, это тот самый забор, и вот толпа солдат вручную закатила зенитку через снесённые нами ворота. Катили стволом в нашу сторону, чтобы сразу навести и выстрелить. Парни развернули башню и, сметая солдат длинной очередью спаренного с пушкой пулемёта, изрядно

проредили этих буксировщиков, возможно кого-то и из расчёта проредили, благо у орудия не было щита. Поди пойми в суматохе, где там обычные солдаты, а где зенитчики. Выстрел грянул, но мы уже ушли за кирпичную стену одного из цехов, внутри которого не осталось ни одного целого оборудования. Снаряд лишь бессильно пробил дыру, окатив нас кирпичной крошкой, и ушёл в рикошет, зацепив слегка башню. Звон ещё тот стоял. А я, разгоняясь, рванул к забору. Хватит тут на заводе веселиться, вон, уже всех немцев вокруг собрали. Так что, притормозив у высокого забора из красного кирпича, всей массой завалил его от себя. На себя не стоит, так и стволы пулемётов погнуть можно, курсового точно, так что, покачиваясь на кирпичах и крупных обломках, мы выкатили на улицу, а тут снова рай для танкистов, техника и солдаты. Шустро разворачивались три из четырёх «колотушек», небольших противотанковых пушек, четвёртую отцепляли от машины, но было поздно, отбросив первый грузовик, мы раздавили первую пушку вместе с расчётом, две другие выстрелить успели, третья так даже дважды, но и их мы раздавили, а пулемётчики срезали всех солдат вокруг. Тех, кого успели достать, пока в очередной раз диски не опустели. У спаренного и так пустой был, сейчас снаряжался, там наводчик расстрелял всё по зенитчикам у ворот. Потом и четвёртую пушку раздавили. Вот грузовики я старался отбросить в сторону, те, что пушки доставили, чтобы повредить, но не давить. Да в них снаряды должны быть, не хватало ещё, чтобы они рванули, когда давить буду. Пару раз такие случаи зафиксированы были во время войны. Конечно, это мелкокалиберные снаряды, но и их детонация может повредить танк и нас сильно оглушить.

Дальше мы уже давили технику без разбора, а когда она закончилась, вылетели на параллельную улицу и, подмяв под себя брошенный вагончик трамвая, не помню по счёту какой, вроде двенадцатый уже, покатали дальше, и Берёзов сообщил мне:

– Командир, у нас патроны на исходе. Третий цинк к концу подошёл, последний, четвёртый вскрываем.

– Понял. Ещё немного покрутимся по улицам, и можно будет оставлять машину. Подожжём и оставим. Как памятник ответного рейда советских диверсантов по улицам Берлина. Понятно, что его постараются быстро эвакуировать, возможно даже разрезать на металл, но в первое время мозолить глаза берлинцам он будет, напоминая им о нашем рейде. Пусть в страхе вздрогивают... Сейчас готовьтесь, пострелять придётся. Следующая наша цель – это здание берлинского радиоцентра.

Когда мы подкатили к нужному месту, то лишь заметили разбегающихся людей. Проломив забор, мы лишь с тоской посмотрели на

радиобашню, сорвать её с постамента было нечём, снарядов тоже не было. А если таранить, то можно мотор сорвать со станины и разбить гусеницы. Даже башню сорвать с места. Да и сколько долбить придётся, пока та не зашатается, непонятно. А так мы, въехав во двор, стали давить три легковых автомобиля с динамиками, установленными на крыше. После чего постреляли в разные стороны, оставляя на стенах зданий пулевые отметины, это была просто, скажем так, пиар-акция. Проломив забор с другой стороны, мы покатили дальше. А вот тут уже, при повороте на одну из берлинских улиц, лоб в лоб мы столкнулись с мотоцилистами, шесть «цундапов» неслись навстречу, и она была неожиданной для обеих сторон. Два увернуться не успели и только захрустели под гусеницами. Один, пытаясь уйти от столкновения, влип в стену дома, пулемётчик аж вылетел из коляски, четвёртый перевернулся, подмяв под себя пулемётчика и водителя, пассажир на заднем сиденье успел соскочить, но тут же упал, сражённый одним из моих пулемётчиков. Вот два водителя смогли удержать технику и проскользнули сбоку мимо нас. Стрелок кормового пулемёта только этого и ждал, матерясь в азарте, тут же открыл огонь по ним.

Бойцы, сидевшие за курсовым и спаренным пулемётами, были по той технике, что виднелась в колонне. Да, за мотоцилистами двигалась колонна техники, «кюбельваген» с офицерами, два бронетранспортёра, кстати, у переднего стояло безоткатное орудие, за ним «ганомаг» со спаренными зенитными пулемётами, и уже следом за ними грузовики, что буксировали зенитки «ахт-ахт». Ах как мы удачно повернули и случайно наткнулись на немцев! Те этого тоже совсем не ожидали, прошляпили наше тут появление. Я стал разгонять тяжело идущую бронемашину, левый фрикцион совсем плох был, скоро совсем откажет, но пока ещё машина была на ходу, поэтому, подмяв легковушку с пассажирами ибросив с дороги бронетранспортёр, отчего тот перевернулся, подмяли под себя второй и стали давить зенитки. Аккуратно, чтобы не зацепить грузовики со снарядами. Зенитчики разбегались, ища укрытия, на моих глаза один, проломив своим телом окно в полуподвальное помещение, скрылся там. Двое других, заметив это, нырнули следом за ним. Пулемётчики ничего сделать не могли, уже спешно перезаражались. Когда мы закончили с колонной, Берёзов, открыв верхний люк, стал бросать наружу одну за другой гранаты. Судя по хлопкам, пять бросил. Ну и последнюю пачку листовок выбросил. И тут как будто вулкан проснулся, что толкнул мощной рукой нас в корму, придав скорости.

– Это что было? – уточнил я, продолжая разгонять танк.

– Кажется, я гранатой в кузов одного из грузовиков со снарядами попал, – несколько растерянно ответил старлей, стараясь закрыть люк.

– Молодец.

Вот так разнеся эту колонну, мы и рванули дальше, продолжая давить и уничтожать всю военную и городскую инфраструктуру, что видели. Столбы валили, легковушки давили, развозные фургончики. Ничем не брезговали, даже велосипедами, как я уже говорил. Крутились по улицам только так, немцы пытались посыпать перед нами мотоциклистов, чтобы те предупреждали войска, что входят в город, чтобы остановить нас, но не получалось, я тормозил, и бойцы прицельными очередями выносили тех, если они появлялись на виду. Так что мы ещё две колонны принять успели. Чую, ходовой скоро конец, да мы одной военной техники подмять успели за две сотни, не считая завода, чудом ещё не разулись. Крепился танк, молодец.

– Всё, парни, топливо на нуле, да и патронов по диску осталось. Сам танк уже на ладан дышит, чую, встанем вот-вот. Будем уходить.

Посмотрев на карту, я довольно кивнул и сообщил:

– Значит, так, скоро мы выйдем к судоходному каналу, готовьтесь, будем десантироваться. Вещи забирайте, гранаты и патроны. Снимите все пулемёты, ещё пригодятся. Танк я покидаю последним. Тот сам двинет к каналу и рухнет вниз. Немцам придётся постараться, чтобы поднять его. Лично я, если доживу до конца войны, планирую, когда возьмём Берлин, поднять его со дна реки и поставить на пьедестал как символ Победы. Если я погибну, или ещё что, постараитесь выполнить это моё желание.

Бойцы глухо пообещали. Потом зашевелились, кто-то звенел ключом, снимая пулемёты, к счастью, инструмент имелся. Дальше те стали готовиться покинуть танк через кормовую дверцу. Через которую обычно загружали в танк боезапас, а я, когда увидел просвет и спуск к набережной, крикнул:

– Готовьтесь, немного оста... – договорить я не успел, как по нам что-то ударило. Да так, что никак звон в ушах не проходил.

При этом танк продолжал двигаться как ни в чём не бывало. Ругался Берёзов, бойцы ему вторили. Видимо, тоже досталось.

– Что это было? Кто нас?

– Зенитка! – тоже прокричал старлей, тот своего места командира не покинул и всё видел. – Мы переулок проезжали, мелькнули, но расчёту этого хватило. Непонятно, подбили нас или нет.

– Двигатель работает, гусеница не сбита, запаха гари нет – значит, ещё повоюем. До набережной сто метров. Давайте. Укрывайтесь у здания слева.

Лучше выбейте дверь и внутрь. Подстрахуйте меня из него.

– Понял, – прозвучало подтверждение от старлея.

Бойцы стали покидать танк, загруженные пулемётами и вещами. Одни выскакивали, другие передавали им вещи, последовав за ними, потом спрыгивали с кормы танка и бежали к ближайшему четырёхэтажному многоквартирному дому. Когда танк покинул последний боец, он перед этим подал сигнал, хлопнул меня по плечу, я прицелился на глазок, вытянул подсos, отчего танк даже прибавил скорости, и, направив бронемашину в сторону спуска к воде, там ступеньки были, перила по бокам, и, так же выскочив наружу, побежал к бойцам. Дверь открыта была, в окне ствол пулемёта торчал. Нормально, страхуют. И не зря, вывернувшись из-за угла мотоциклист-наблюдатель, на одиночке, упал, срезанный очередью. Бойцу неудобно стрелять было, сошек к пулемёту не имелось, ствол по раме елозил, но ничего, не промахнулся. Я же влетел в здание, в косяк врезалось несколько запоздалых пуль, на что наш пулемётчик ответил неизвестному стрелку двумя очередями, сразу стал отдавать приказы:

– Подготовиться к отходу через окна с противоположной стены здания. Нужно уйти как можно дальше, пока нас не зажали и не окружили. В Берлин столько войск нагнали помимо того, что уже было, что отловить нас не составит труда. Ты остаёшься пока здесь, прикроешь нас из пулемёта, вы трое ищите путь к окнам с другой стороны. И осмотритесь там, есть ли возможность уйти.

Тут сверху крикнул мне Берёзов:

– Командир, сюда. Танк к набережной подходит.

Рванув по лестнице на площадку третьего этажа, откуда было хорошо видно танк, я застал старлея за тем, что тот, непрерывно щёлкая затвором фотоаппарата, снимал наш танк. Только тут я рассмотрел попадания, танк весь был испещрён мелкими следами от пуль и попаданий снарядов, а вот прицельный снаряд разворотил правое крыло, то задралось рваными краями вверх и, видимо, повредило, но не порвало гусеницу. Танк был на ходу. Мы оба наблюдали, как он подошёл к краю спуска и, качнувшись, покатил вниз, набирая скорость. Вот врезался в воду, и волны от него разошлись в разные стороны. Вместе с пенистыми усами. Сначала скрылся корпус, только над тем местом, где выхлопные трубы движка выходили, виднелся бурун. А потом и башня, создав водоворот, скрылась из виду. Судя по тому, что река не успокоилась, мелкие воронки продолжали крутиться, танк ещё двигался некоторое время под водой. Всё это Берёзов и заснял.

– Уходим, – хлопнул я его по плечу и, отбежав от окна, мы рванули

вниз. Там прихватили пулемётчика и побежали в открытую дверь квартиры, где нас уже ждал проводник.

Тот отвел нас к противоположной стене дома. Окно тут уже было открыто, и виднелся внутренний дворик. Именно через него мы и покинули дом, и побежали дальше. Из других окон нет-нет да выглядывали любопытные лица жителей, но мы по ним не стреляли. Что мы – звери? Это же гражданские. Тем более мы были в немецкой военной форме и нас принимали за своих. Даже пару раз предлагали из окон укрыться у них от «бешеного русского танка», на что я всегда вежливо отказывался и просил укрыться, мол, случайная пуля и всё такое. Меня некоторые даже за это благодарили.

Бегать в немецкой военной форме, особенно танкистов, это опасно, так что, укрывшись в каком-то парке на полпути к той цели, куда я двигался, скинул комбинезон и пилотку. А достал из ранца то, что нёс сам, плащ и шляпу. Выправил её и надел. Ну, вот я и снова офицер гестапо, со всеми положенными документами в кармане. Автомат повесил на плечо, это был МП, забрал его у одного из бойцов, освободив того. А то мало того что ДТ нёс, так ещё ранец с патронами и гранатами. Осмотрев бойцов, я сказал:

– Значит, так, похоже, до ближайшего выхода берлинского метро мы дойти не успеем. Уж слышно, как сюда стягиваются войска. Перехватят. А мы в своих чёрных комбинезонах танкистов как красная тряпка для быка. Будем работать по прежней схеме. Нам нужны два мотоцикла и форма солдат комендатуры или тех частей, что ввели в связи с появлением в городе, как говорят местные жители, «бешеного русского танка». Тут столько войск нагнали, что мы затеряемся среди них без проблем. Более того, обрядим убитых мотоциклистов в нашу форму танкистов. Пусть думают, что после перестрелки с неизвестным подразделением русские все погибли. А солдаты этого подразделения, опасаясь быть отдаными под суд за стрельбу по своим, просто сбежали. Вполне рабочая версия, я её немцам подкину, если будет такая возможность. А сейчас готовьтесь. Я выйду на улицу и постараюсь остановить подходящую технику.

Тут один из бойцов, что сидел на каком-то канализационном люке, который непонятно какими судьбами оказался в центре парка, за густыми зарослями кустарника, где мы укрылись, вдруг спросил меня:

– Командир, а что это непонятное тут написано? Вроде метро?

Подскочив, я прочитал, что это за люк. А это шахта метро, и вела она к насосной станции, которая откачивала поступающие в туннели метро грунтовые воды. Встав в полный рост, я осмотрелся и приметил пару бетонных шляпок воздуховодов. Значит, под нами расположена одна из

веток метро. С радостью хлопнув бойца по плечу, я сказал:

– Молодца. Открываем люк и спускаемся под землю.

Люк, оказалось, открыть было достаточно сложно. Тут требовался специальный ключ, вроде тех, что открывали люки на советских танках. Однако, сломав трофейный штык, мы забили его в щель замка и смогли повернуть. Откинув люк, по очереди стали спускаться. Сперва спустились двое, мы им сбросили вещи, потом каждый, держа в одной руке по пулёмёту, спускался туда же. Берёзов последним был. Он и закрыл люк. Кстати, я там следы тоже присыпал средством от собак, так что надеюсь, если и найдут, куда мы ушли, то не сразу. Очень надеюсь.

Вышли мы в один из туннелей и, осмотревшись, побежали дальше. Судя по надписям на стенах, я подсвечивал их фонариком, до насосной станции осталось не так и много. Добежали нормально, и что удивительно, тут штатно дежурил местный сотрудник метрополитена, отслеживая показатели множества датчиков. После допроса, узнав, как тут примерно всё работает, быстро узнать всё не получалось, и руководствуясь той информацией, что уже получили, я включил насосы на полную, но не на откачку, а в обратку. Тут были предохранители, чтобы нельзя этого было сделать, но я их разбил и повернул. Насосы стали гнать воду из канала в туннели метрополитена, а мы, забросив в операторскую насосной станции пару гранат, расстреляли оборудование из автоматов и побежали дальше. Оператор остался там же, нашпигованный осколками и пулями.

– Быстрее, ребята, быстрее, – хрипел я, уже успев сбить дыхание. – Скоро тут вода будет, а нам нужно сухими вылезти наверх, чтобы подозрений не вызвать.

Почти сразу раздалось несколько криков:

– Командир, волна воды за нами идёт!

– Командир, тут шахта наверх! Отнорок и скобы наверх!

– Все туда, – приказал я, и мы так же толпой, выставив во все стороны стволы оружия, ушли в боковой отнорок.

Насчёт волны, что нас нагоняла, это бойцы погорячились, просто появилась вода на рельсах и шпалах, по щиколотку. Да и прибывала не так уж быстро. Видимо, насосы находились неподалёку, раз вода так быстро появилась. Я схему, что висела на стене, мельком глянул, её больше Берёзов изучал, фотографируя, где насосы, точно не скажу. Думаю, их быстро остановят, вряд ли вода успеет наделать дел, а если что и натворит, то не так и сильно, как хотелось бы. Просто мелкая пакость, чтобы поминали чаще.

Поднявшийся наверх боец аккуратно отжал язык замка, из шахты это

можно сделать просто пальцами, и, приподняв люк, выглянул. Осмотревшись, он щустро спустился и доложился:

– Немцы кругом. Там бульвар какой-то, и народу шастает порядочно.

– Военные?

– Военные тоже есть, но гражданских больше. Незаметно не выбраться.

– Ладно, идём дальше.

Вода уже поднялась выше щиколоток, но заметно было, что перестала подниматься, так что, стараясь не шуметь, не хлюпать водой, мы двинули дальше. У двоих бойцов были сапоги с довольно высокими голенищами, так что ноги они ещё не промочили, хотя стельки мокреть и начали, а остальные, включая меня, имели ботинки. У меня была обычная городская обувь, а у трёх бойцов – офицерские ботинки на высокой шнурковке. Такие ботинки были у тех шести танкистов, что мы раздели, но обувь подошла только троим, остальные ботинки оставили на месте захвата. Так что у нас мигом всё промокло, до колен точно, а водица холодная, несмотря на конец августа. Шли мы долго, пока не заметили впереди стоявшие вагоны электровоза. Там виднелись отсветы от фонаря, для фонарика свет слишком рассеянный, и голоса. Ещё металлический стук и другой шум, который напоминал шум мелкого ремонта.

Возможная задержка мне не нравилась, немцы уже должны знать, что мы находимся в метро, и в ближайшее время перекрыть все входы-выходы, поэтому нужно использовать то время, что у нас было, по максимуму. Видимо, везение нас ещё не оставил, так как шум работы стих, и было видно, как отсвет удаляется, всё это под шум нескольких людей, идущих в воде по колено. Видимо, закончив тот ремонт, что нужно, те уходили. Вот мы и последовали за ними, стараясь не споткнуться в темноте о шпалы или рельсы. Ха, а вода стала понемногу спадать, видимо немецкие инженеры нашли, как выключить насосы и без разбитого и расстрелянного оборудования. Шли недолго, впереди появился свет, и, стараясь не привлекать внимания к себе, то есть не баламутить воду и не гнать волну, мы подошли ближе и обнаружили одну из станций метро. Та была ярко освещена электрическим светом. Кстати, судя по множеству мусора, все корзины были забиты, да и на полу хватало, до недавнего времени тут находилось изрядно народу, и от кого они все прятались, я начинаю догадываться. Ещё бы, от кого ещё они могут прятаться, как не от «бешеного русского танка»?

– Ушли, – прислушавшись, тихо шепнул я. – Быстро поднимаемся на перрон и идём к лестнице. Дальше по обстоятельствам. Нужно слиться с

населением города. Иначе нас быстро обнаружат и уничтожат.

Мы так и сделали, поднялись там же, где это сделали ремонтники, и тоже оставляли свежие мокрые следы, и направились к одному из местных помещений, а так сама станция была совершенно пуста. Я скатал задранные штанины, это чтобы не замочить их, и оставил тут трёх бойцов. Двое, стянув комбинезоны танкистов, остались в мундирах солдат вермахта, вылили воду из ботинок и стали подниматься по лестнице следом за мной, офицером гестапо. Там наверху, покинув метро, мы осмотрелись от входа.

– Командир, мы же тут уже были, – тихо шепнул один из бойцов. – Вон и колонна, которую давили, лепёшки от грузовиков. Людей подавлено и постреляно много.

– Ага, – так же тихо шепнул я, мельком осмотревшись, чтобы нас никто не подслушал. – Не туда смотрите. Видите те грузовики, куда на носилках носят погибших? Это наш шанс покинуть город. Значит, так, вы двое спускаетесь, а я вызову пару солдат с носилками, якобы внизу в метро есть несколько погибших, убегали ранеными, а умерли там от потери крови. Вы их примите в ножи, трупы на рельсы сбросите, накинете также сверху эти замаранные кровью халаты, только оружие уберёте на носилки, сами видите, у них таких нет, дальше по одному перенесёте бойцов с вещами в один из грузовиков. Тот, что недавно подъехал. Завалим их трупами, так и выйдем из Берлина. Пока выхода, кроме этого, я не вижу, нам бы на просторы вырваться, там бы повеселились. Всё, работаем.

Бойцы спустились в метро, а я, перехватив очередную пару с носилками, показал жетон и приказал следовать за мной, описывая причину потребности в них, нажимал на то, что один из умерших внизу офицер гестапо. Нормально, сразу пошли, даже не возражали. Их приняли как надо, даже не обратили внимания на медицинские халаты, не до того сейчас. Избавились от тел, переоделись, после чего погрузили на носилки одного из бойцов, на нём тоже была форма солдата вермахта, накрыли простыней и понесли наверх. Тяжеловато приходилось, помимо бойца и пулемёта ДТ, на носилки те под окровавленную простыню сунули и свои автоматы. Я сопровождал носилки до одной из машин. Недавно две уехали, загрузили уже, и подошло ещё три свежих. Вот к одной из них мы и подошли, кузов пустой был, водитель, что выскочил из кабины, забрался в кузов и принял ручки носилок. Так в кузове он и остался, а наш боец, надев его кепи, стал принимать грузы и остальных бойцов, что приносили на носилках. Дальше, когда все оказались внутри, ах да, к нашей машине раз пять другие пары приносили грузы, и мы их принимали, поэтому, когда

машина оказалась полна, тела в кучи сваливали, требовалось очистить улицы как можно быстрее, мы погрузились и покатили к выезду, пристроившись следом за таким же грузовиком-катафалком. Кстати, уезжая, я рассмотрел, как на площадь к метро вылетают два грузовика и покинувшие их солдаты оцепляют спуск в метро. Дальше не видел, ушли в одну из улиц.

Сам я сидел в кабине, но уже не в форме сотрудника гестапо, а в форме солдата одной из местных частей. Бойцы успели раздеть водителя грузовика, благо тот был моей комплекции, я переоделся внизу в метро и, спокойно выбравшись наружу, старался не показывать, как мне велики сапоги – на четыре размера, – сел в кабину, два бойца устроились у заднего борта грузовика, и вот так мы покатили. Даже не остановили, наша колонна из трёх грузовиков проехала мимо аж пяти блокпостов на дорогах и направилась куда-то по одним немцам известному маршруту. Отстали мы просто, убедившись, что вокруг никого, я остановился на обочине и, выскочив из кабины, открыл капот и стал в нём копаться. Бойцы приготовились, если водители двух грузовиков, что следовали впереди, остановятся и сдадут назад, то мы их расстреляем и поедем дальше. Однако этого не произошло, и те скрылись вдали, видимо посчитав, что нас возьмут на буксир те, что едут следом. Куда они ехали, я уже разобрался. В нагрудном кармане кителя мной был обнаружен проездной лист, там же документы водителя. Тела вывозили в одну из местных воинских частей, видимо там всё подготавливается для погребения. Просто рядом с ней лесопилка, доски на гробы не нужно далеко возить.

Сами мы сразу же свернули на другую дорогу и покатили дальше. Я уже определился, где мы находимся. До места встречи, где, я надеюсь, нас будут ждать бойцы, выполнившие свою работу, оставалось километров двадцать, но даже на таком катафалке нам не проехать. Нужно менять технику и личности. Ничего, это дело привычное, особенно моим бойцам, летунам вот нет, для них это всё внове, но ничего, молодцы, учатся на ходу. Глупых вопросов уже не задают, делают всё, что велят.

Подъехав к краю крутого берега какой-то реки, даже скорее протоки, не глуша мотор, я вышел наружу, осмотрелся и, постучав по борту, приказал:

– Выгружаемся. Нужно от машины избавиться… И да, подберите мне обувь по размеру, эта совсем велика, как в отцовских валенках хожу.

Бойцы споро выгрузились, двое скинули с себя маскирующие окровавленные, некогда белые халаты, и я, включив скорость, выпрыгнул на ходу – правильно выпрыгнул, с перекатом – и отправил грузовик вниз.

Нормально булькнул, набранная скорость позволила ему удалиться от берега прилично, пока окончательно не встал. Вот только не утонул. Верх кабины торчал да тент кузова. Ладно хоть деревья там над водой нависали, частично прикрыли машину. Если с воздуха начнут вести разведку, а её будут вести, то заметить можно, если хорошенъко приглядеться. Одним словом, как повезёт, заметят или нет. А вот трупы погибших от наших же рук солдат, оставшиеся в кузове, течение не вытолкнет наружу и не потащит вниз, а мы, покидав всё барахло, что нам не нужно, завязали тент снаружи, так что кузов закрытым был. Ладно хоть обувь мне по размеру подобрали, пусть чуть больше, на размер, но не на четыре.

После этого, построившись в колонну и прикрываясь растущими у берега реки деревьями и кустарником, мы побежали дальше. Там впереди хутор будет, если карте верить, а потом дорога с неплохим перекрёстком, есть шанс тормознуть какую технику и с шиком доехать до места встречи. Всё же победители едут. Я, конечно, не знаю, как вторая группа выбралась из города и благополучно ли всё прошло, и это неведенье меня беспокоило, но чувствовал я себя действительно победителем. Показал берлинцам, что русские не такие и лопухи, как о них говорят по радио и пишут в газетах. Слушал одно и читал другое, так что знаю, о чём говорю. Остальные тоже чувствовали некоторый душевный подъём, показали немцам кузькину мать, пусть помнят нас. Вот так и бежали. Пусть немного на адреналине, который постепенно нас отпускал, но силы ещё были. А вот и дорога с перекрёстком. Посмотрим, какую мы технику сможем добыть. На меньшее, чем роскошный «мерседес»-кабриолет я не согласен. Заслужили.

Щёлкнув языком, я стегнул длинным хлыстом по бокам волов, что тянули огромную арбу с не менее огромным стогом, и присмотрелся к той рощице, к которой мы свернули от дороги. Там и было место встречи. Да уж, с транспортом нам не сказать что повезло. Почти сразу попался этот одногодий хоторянин, что вёз сено, вот и решили брать его, благо тот был один. Тот спокойно остановился по моему приказу, мы раздели его, прирезали, тело в кустах спрятали, дальше бойцы с вещами в сене укрылись, а я, изображая сельчанина, надел протез на колено, подогнув под себя ногу, и демонстративно выставил его, так и покатил к месту встречи. Вот только скорость у нашего транспорта была не ахти. Ладно хоть срезать удалось почти до десяти километров, проехав через брод. Я про него не знал, хоторянин рассказал, и тот действительно был. Немцы носились по дорогам как наскипидаренные, мотоциклисты, грузовики, изредка бронетранспортёры мелькали, но нас не останавливали. Хорошо ещё мне

одежда хуторянина подошла, и мой размер, и среди всех я один на немецком языке разговаривал. Видимо, протез помог, взгляды на меня бросали, но не останавливались, так и катил. Пока ехали, и поужинать успели. Когда стресс прошёл, адреналин схлынул, все почувствовали приступ голода. Бойцы, сделав пещерку в сене, выставили распорки, чтобы то не наваливалось на них во время движения, разделили те немногочисленные запасы, что при нас были, и вот так поели. Мне тоже дали. А что, волы, как их ни погоняй, идут неспешно, вполне можно так неторопливо поужинать. Нога только затекает постоянно, приходится протез нет-нет да на другую перекидывать, а так нормально.

– Хорошо замаскировались, – пробормотал я.

Если знать, что, где и как искать, то найти можно, так что я рассмотрел угловатый силуэт одного из грузовиков, довольно неплохо замаскированного ветвями. На дороге следов не было, лишь продольные следы, да и то редко, и листочки. Понятно. Наши, проезжая здесь, тянули за собой нарубленные ветви, что как метла заметали всё за собой. Оттого и автомобильных следов не видно было. Правильно всё сделали, молодцы. За нашим приближением наверняка наблюдают, так что, сняв с головы зелёную шляпу с небольшими полями, но длинным пером, я помахал ею над головой, привлекая к себе внимание. Этого достаточно, кто ещё будет махать, кроме своих?

– Грузовики вижу, точнее один, второй, возможно, за ним стоит. Замаскированы хорошо. Приготовьте оружие на всякий случай. Я вокруг видимых следов боя не вижу, если вдруг наших захватили, но всё равно перестрахуемся.

Парни под сеном зашевелились, я слышал шорох, но на виду не показались. А когда подъехали ближе, то я даже вздохнул с облегчением, нам навстречу вышли Бабочкин в своей форме рядового вермахта и Ватутин в форме офицера. Успокоив своих, бросил поводья, волы так и продолжили идти, я соскочил и, прихрамывая, направился к нашим, которые не могли без улыбки рассматривать меня. Ну да, штанишки эти зелёные коротковаты, как у ребёнка, но что поделать, традиция тут такая. Шучу, это комплект праздничной национальной одежды. Хуторянин австрийцем был, ногу в Польше потерял, носил её по простой причине – старая, уже купил новую, просто носил, чтобы добротную одежду не портить. Зато я в этом костюме не привлекал внимания. Да и везло с тем, что постов не встретилось, ехали-то всё полевыми дорогами. Хотя патрулей и тут хватало.

– Докладывайте, что у вас? – сразу велел я, бойцы скрыли улыбки и,

посерьёзнее, доложились.

В принципе, легко отделались, потерей одного грузовика и ранением нашего силача. Ранение не серьёзное, пуля бицепса задела, фельдшер наш уже рану обработал и зашил. В общем, всё прошло, как и было запланировано. Ватутин со вторым бойцом, знающим немецкий, под видом офицеров гестапо, в сопровождении солдат вермахта, стучались в двери квартир, брали хозяев в заложники и таким образом организовали три пулемётные точки. Точнее, это были две частные квартиры и один кабинет какого-то министерства, именно в нём и расположился Бабочкин со снайпером. Они и косили генералов и первых лиц государства, да и снайпер не сплоховал, пулю Гитлеру в плечо точно положил, а потом две обоймы по генералам расстрелял, старался наполовину, не мазать. Пройти в здание удалось легко, а всё равно все на улице были или у окон, так что заняли без проблем. Переоделись, фотосессию устроили, как я и просил, пока ещё шла подготовка к параду и видные члены правления СС ещё не прибыли. Дальше они отогнали машины куда нужно, и когда раздались первые пулемётные очереди, подожгли бикфордов шнур у одной из машин. У второй, где был Ватутин, тот не решился. Рядом на краю тротуара стояли дети с цветами, и он не стал поджигать, за что я его поблагодарил и похвалил. Правильно сделал. Значит, мне не показалось, что взрыв был один, думал, одновременно взорвались и звук наложился. При эвакуации, уже на выезде, те были остановлены постом, там было пять немцев и два мотоцикла. Пришлось расстрелять их. Ответным огнём был повреждена одна из машин, после чего бойцы пересели во второй грузовик, не забыв свежие трофеи и вещи из первой машины, после чего подожгли технику и покатали дальше. Мотоциклы не взяли, повреждены оба оказались, на линии стрельбы были. Вот так доехали до места и ждали нас. Теперь все высыпавшие к нам на опушку бойцы и командиры жаждали услышать наш рассказ, и это я поручил Берёзову. Тот сверху сидел, видел всё. Вот тот и рассказал. Конечно, многое бойцы и сами видели, например, расстреливая диски пулемётов, своими глазами видели, как мы проревели дизелем мимо них под окнами, гоня перед собой озверевшую от ужаса толпу, и время от времени наваливаясь на неё и давя. Жуткий вид, надо сказать. Впечатлены были все. Однако приключения на этом у нас не закончились, вот Берёзов и описывал, что было дальше и где мы оставили танк.

После того как Берёзов выложился в своём рассказе – молодец, отлично у него это вышло, с подробностями, – я раздал всем участникам операции листы из блокнотов и приказал всем написать рапорты на моё имя с описанием того, что они видели, ну и своё мнение. Сам же

переоделся в свою форму рядового, нацепил очки с простыми линзами – меня же сфотографировали в люке танка, не удивлюсь, если это фото появится во всех берлинских газетах на первых полосах, как-то нужно теперь маскироваться, – и сел за продумывание плана по дальнейшим нашим действиям. А из окрестностей Берлина нужно валить, это стало ясно как божий день. Пока войска, поднятые по тревоге, не успокоятся, нам тут делать нечего. Ничего, Германия страна большая, есть где повоевать и поустраивать диверсии. Так что, поработав с картой, я сам сел за рапорт и примерно за час, как раз темнеть начало, успел написать рапорт уже на имя главнокомандующего, с подробным описанием нашей операции в Берлине, трижды указав, что это чисто моя инициатива и бойцы лишь выполняли мой приказ. Если будут репрессии, мол, много гражданских погибло, а это было, глупо отрицать, чтобы их лишь краем коснулось, под пресс не попали. В общем, брал всё на себя. Это была простая перестраховка, мало ли что стрельнёт нашему Политуправлению.

Закончив, мы оставили телегу с волами на лугу рядом с рощей, после чего погрузились в машину, не забыв ящики с минами, они у нас заместо скамеек в кузове были, и покатали к дороге. Кстати, одну мину на дороге мы оставили. Привет местным. А вообще нужно найти местных сапёров, ну или инженерную часть и работать дальше под них, имея машины с их тактическими знаками. Причём на моей карте у одного местного городка было обозначение, что помимо разных частей, там дислоцировалась одна рота инженерного батальона. То, что нам нужно. А информацию я получил от того фельдфебеля, на одной из машин которого мы и передвигались. Кстати, от неё тоже нужно побыстрее избавиться. Мои парни молодцы, что второй грузовик сожгли, но по номерам двигателя узнать, какой части ранее та принадлежала, вполне возможно, значит, и остальные, что числятся потерянными, могут включить в розыск. Если раньше их считали потерянными на станции, то сейчас должны будут искать. Немцы землю должны рыть, чтобы найти тех, кто устроил акцию в Берлине.

В этот раз нам удачно попалась колонна, следующая в нужном направлении. Я думал проскочить ночью, благо уже стемнело, а так пристроились за замыкающей машиной в колонне и проехали все посты. Считай, свезло. У нужного городка, не доехая, я притормозил и, свернув к посадке, укрылся за ней. А тут кроме неё других укрытий просто нет. Бойцы замаскировали машину ветвями, были выставлены двое часовых, и мы расположились на ночь. В машине было тесно, глупо этого не осознавать, мало того, вещей до чёрта, так ещё вместе со мной пятнадцать лбов. Втиснулись, но надо ещё одну машину искать, причём срочно. Только

после проведённой операции в Берлине у нас пошёл упадок сил, слишком серьёзно мы там выложились, и я решил дать бойцам отдохнуть, а с утра я прогуляюсь с Ватутиным в городок, посмотрим и прикинем.

Мы спокойно прошли до окраины городка, название у него зубодробительное, даже пытаться не буду произнести его. Делали вид, что заняты делом. Например, я тащил на плече коробку, и не пустую, но нёс же. Значит, делом занимался. Тропинка вилась между полями к городку, вот по ней мы и шли. Ватутин, сорвав ветку и сделав из неё стек, шёл впереди, помахивая им, изредка постукивал по голенищу сапога. Ну, а я семенил следом, с коробкой лётных пайков на плече да карабином за спиной. Автомат у простого ординарца – это слишком, у Ватутина пистолет в кобуре, мне и карабина хватит, благо с того поста их три взяли вместе с подсумками и всем необходимым, включая цилиндрические футляры с противогазами. Так что постарались мы придать себе вид вполне справных солдат. А то, что это необходимо, было видно сразу. В небе постоянно висело несколько самолётов, что в разных районах нарезали круги. Видимо, согнали сюда всё, что могло летать, некоторые самолёты имели несколько не военную раскраску, один раз жёлтый видели, видимо частный, и дважды красные. Все три бипланы. В остальном, обычная техника люфтваффе, имевшая их обозначения. В общем, не менее трёх самолётов мы наблюдали с места нашего нахождения, в разных сторонах, да и над нами пролетало несколько. Не стоит думать, что нас не рассмотрели с воздуха. Так мы и не прятались, стоит грузовик, с немецкой основательностью организован лагерь, у котла возится повар, остальные работают на лесозаготовках. В общем, подразделение вермахта, проснувшись утром, собирается завтракать и готовится продолжить поиски тех, кто устроил шокировавшую всех диверсию в Берлине. Даже множество диверсий, причём используя трофейный же советский танк. Интересно, как нас называют? «Русские мясники»? А первые полосы газет? «Чудовищное по своей сути преступление русских диверсантов на параде СС»? «Подлое ранение фюрера»? Да уж, хотелось бы посмотреть на заголовки газет, жаль, в этом городке мы их вряд ли купим. Если и доставят свежую прессу из Берлина, тут всего километров двадцать до столицы Третьего рейха, то мы уже будем далеко. Я так думаю.

А сейчас у нас рекогносцировка, и лётные пайки для этого пригодятся. Вроде взятки. Да и мы не зря же были в форме лётного состава люфтваффе. Так что, поправив сползающие на нос очки, я продолжил идти следом за Ватутиным к крайним домам. Со стороны дороги за нами явно наблюдали,

там пост был организован, но пока никого навстречу не высыпали, ждали, когда сами подойдём. Тут к городку незаметно не подойти было. Можно, конечно, попытаться взять сильно правее, там неглубокий овражек имелся, скорее даже распадок, но идти всё время пригибаясь, да ещё с возможностью попасться на глаза местным жителям, это не совсем то, что бы хотелось.

Тут Ватутин захромал, и я сразу же зашептал ему в спину:

– Убедительнее, ногой для виду потряси на весу... О, молодец.

Мы продолжали играть офицера и его ординарца, нужно ясно было показать, что мы немцы, странные, откуда взялись, непонятно, но немцы. Так что, подбежав, я поставил коробку на попа, чтобы Ватутин на неё сел, и, по-холуйски пригибаясь, засуетился у сапога, стягивая его. Когда стянул, стал выбивать и сунул руку внутрь сапога, якобы искал камешек, что вроде как мешал идти начальству, после чего демонстративно потряс, голенищем вниз, и стал помогать надевать сапог обратно. Когда я закончил, то снова подхватил коробку и засеменил за своим бойцом. Изображал тот офицера вполне натурально, в последнее время с богатой практикой я всё меньше и меньше замечал косяков в его поведении.

Проверка была, у нас проверили документы, изумившись тому, откуда мы прибыли, с Восточного фронта, аж из самой Украины, вот Ватутин и осведомился:

– Нас даже в известность не поставили. Приказали собрать все «шторьхи» и перегнать их к Берлину. У нас на фронтовом аэродроме их три было, вот все с тремя посадками для дозаправки и перегнали. Всю ночь летели. Две машины ушли на тыловой аэродром, а у нас поломка случилась, на фермерское поле сели, там наш пилот ремонтируется. Говорит, вскоре справиться должен, к вечеру точно, а я решил своим ходом до тылового аэродрома добраться, где находятся остальные мои самолёты. Так что случилось, почему нас так спешно сорвали?

– Вы не в курсе? – даже округлил глаза в изумлении фельдфебель, что командовал на этом усиленном посту. Дорога тут была серьёзной, автострада, а не простая грунтовая.

– Куда там. Начальство перед вылетом не сообщило, а я весь полёт проспал. Мой командир, гауптман Хаффман, лишь сообщил, что в Берлине большая беда. Мы весь первый полёт гадали. Я ставил на то, что это была массовая высадка английских парашютистов. А пилот – на то, что англичане сбросили газовые бомбы и половина столицы потравлена.

– Да вы что, герр лейтенант, какие ужасы говорите. В Берлин ворвался советский танк и разгромил там всё. Сорвал парад СС, там огромное

количество погибших и раненых. Потом творил такое...

– О боже... – покачал головой Ватутин. – Откуда здесь русский танк?! Не хотите же вы мне сказать, что он незаметно смог проехать по всем территориям и ворваться в город? Уж извините, фельдфебель, но я не домработница, которая верит сказкам.

– Это мы его привезли.

– Это как?! – изумился Ватутин.

– Я точно не знаю, всё на уровне слухов, но вроде как танк должен был участвовать в параде, но русские диверсанты обезвредили экипаж, они сейчас в подвалах гестапо сидят, и под видом наших танкистов ворвались на парад и стали давить всё, что им попадётся на глаза. Уйма погибших, ну просто огромное количество. Ещё много раненых. Не знаем пока, сколько, ещё идёт подсчёт.

– Да-а-а... – протянул Ватутин, продолжая делать ошарашенный вид. – Теперь понятно, отчего нас так спешно сорвали. Значит, бандиты вырвались из города?

Фельдфебель не торопился отвечать, он обернулся на звук мотоциклетного мотора, тот вынырнул из переулка и покатил к нам, с офицером в коляске, обер-лейтенантом, но подумав, всё же ответил:

– Точно пока выясняется, но вроде как да, прорвались из города, нужно все окрестности осмотреть, все объекты. Всех подозрительных останавливать.

– Понятно, – кивнул Ватутин. – Но это ваши дела. Мне на аэродром нужно, буду участвовать в поисках в качестве наблюдателя.

Я продолжал стоять с коробкой на плече, тяжеловатая, пот уже по лицу тёк, но мне никто так и не отдавал приказа поставить её на землю, поэтому многие солдаты с поста поглядывали на меня сочувственно. Один даже воды предложил, и сразу возмутился, когда я её всю выхлебал, поблагодарив его. Обер-лейтенант, что подъехал, тоже проверил наши документы. Удивившись, откуда мы и почему полётный и командировочные листы оформлены так небрежно. А как ещё, если сорвали с места ночью, ничего не объяснили и отправили к Берлину. Сейчас-то знаем, для чего нас сюда перегнали, но тогда всё делалось в спешке. Тот покивал и предложил машину, чтобы доставить нас к аэродрому, на что Ватутин тут же ответил согласием. Правда, машина освободится только к обеду, но ничего, подождём. Мы на фронте с первого дня, кто же против пару часов провести в мирном германском городке? В пивную зайдём.

– Лейтенант, – обратился к Ватутину тот, что обер. – Мы тут с парнями

из окрестных частей пообщались, решили диверсантов в плен не брать, так что если увидите, обозначьте их местоположение ракетами. Дальше наша работа.

— Я согласен, у меня в Берлине брат учится, в университете. Опасаюсь, как бы тоже не пострадал. Сам-то я из Дрездена.

— Хорошо, — кивнул обер-лейтенант и повернулся к фельдфебелю, обратившись к нему явно как к старому приятелю: — Фриц, там за посадкой неизвестное подразделение при грузовике, авиаразведка сообщила. Из штаба поиска русских сообщили, что наших там не должно быть...

— Эти интенданты? — вмешался в разговор Ватутин, мы это тоже обговаривали, как и что говорить. — Были мы там, мимо проходили. Унтер злой как чёрт. Ему его начальство наблюдательную вышку приказало срубить. Вот он стволы и заготовливает. Не рубит деревья, а павшие собирает.

— А зачем там вышка? — не понял обер-лейтенант.

— Да не там, просто для вышки стволы нужны, он и подготавливает их. На грузовике вывезут и поставят. Наверное, где-то в другом месте нужна вышка.

— Проверить всё равно нужно, — пожал плечами обер-лейтенант. — Порядок есть порядок.

Фельдфебель кивнул и стал отбирать ещё пять солдат, с которыми лично решил проверить это неизвестное подразделение службы снабжения, что собирает стволы деревьев, а мы с Ватутиным направились в городок, так как обер-лейтенант сопроводить нас не мог, ему нужно было посетить второй блокпост, на противоположной окраине городка. Потому как наш грузовик с бойцами — это не единственное неизвестное подразделение, которое нужно проверить, с той стороны ещё два таких было обнаружено в разных местах. Требовалось выслать людей и проверить. В общем, служба. А информацию от немцев мы всё же интересную получили, стоит призадуматься.

— Смотри. С территории той воинской части машины выезжают, — шепнул я Ватутину.

— Это же химики, вон обозначения на машинах.

Два грузовика проплыли мимо нас, а мы направились дальше, ближе к воротам, из которых въезжал военный гусеничный транспортёр, между прочим специализированная машина для перевозки грузов и инженерно-сапёрных подразделений, на раме была у того установлена мощная лебёдка. За ним следовал грузовик, французский вездеход. Вот это уже наши, то, что нужно. На обеих машинах были тактические знаки подразделения, и они

совпадали с теми, что нам дал фельдфебель-интендан트. Это была техника инженерной роты, что была расквартирована тут.

– Шанс, тормози и набивайся в попутчики. Если возьмут, потом в пути тормозни их и предложи за твоими вещами заехать, к нашим, бойцы помогут взять их, – шепнул я и, после кивка Ватутина, поставил коробку на землю и бросился чуть ли не под гусеницы транспортёра, останавливая технику, и остановил.

Подошедший боец обратился к унтеру, который явно командовал этим подразделением. Договориться за пару пайков подбросить нас хотя бы до половины пути, удалось уговорить без проблем. А вообще эта техника была направлена в Берлин, их сорвали с ремонтно-восстановительных работ одного автомобильного моста, загрузили тут в части всем необходимым инструментом, и вот они выехали в Берлин. Про то, что там натворили эти звери русские, унтер тоже знал, даже кулаки сжимались, как им хотелось нас удавить. Мы им тоже посочувствовали, ишь гады какие, напали на тихий мирный город. Мне почему-то казалось, что немцы делали удивлённый вид, приговаривая: «А нас-то за что?» Вот, уже достоверно известно, что погибла почти половина жителей Берлина. На что мы тоже покивали, сами бы этих гадов прибили. А так всё правда, только не половина жителей столицы погибло, а чуть побольше. Почти все. Нам это известно из более достоверных источников. Хэх.

Дальше Ватутин сел в кабину грузовика, а куда ещё офицера сажать? Ну а я, забросив слегка опустевшую коробку в кузов того же грузовика, забрался следом. Тут всего два солдата сидели. А вообще немцев двенадцать было, включая обоих водителей и унтера. Инженерное подразделение, фактически отделение. А взять его удалось легко, можно сказать нахрапом. Блокпост на выезде мы проехали благополучно, после чего я открыл коробку и предложил обоим солдатам взять то, что они хотят, мол, герр лейтенант всё равно ничего не поймёт. Ну а когда те склонились над коробкой, я их и приголубил, одного по затылку рукояткой пистолета, другого рукояткой ножа. Вырубил качественно. Пока мы катили, я успел их полностью раздеть, даже при том, что мы остановились на минуту, Ватутин убеждал упирающегося унтера завернуть за его вещами, уговорил только ещё за четыре пайка, видимо на это тот и рассчитывал, но все-таки уговорил. Мы свернули на просёлочную дорогу и попытали к посадке.

А ведь там нас могли и пулемётным огнём встретить, всё же восемь «газонокосилок» теперь было, однако я, откинув тент, выглянул, так чтобы водитель меня не рассмотрел в зеркало заднего вида, и стал помахивать зажатым в пальцах платком, привлекая к себе внимание. Дорога, с которой

мы свернули, к счастью, всё равно пуста была. Нормально. Не знаю, приметили что парни или нет, но стрелять не стали, позволили подъехать вплотную, а дальше и Ватутина в кабине рассмотрели. О том, что мы за информацией в городок ушли, бойцы были в курсе, а что можем технику пригнать, это предполагалось, хотя на такую удачу мы и не рассчитывали. А она случилась. Дальше, пока Ватутин держал на прицеле своего водителя, я выскочил из кузова и нацелил на сидевших в транспортёре солдат ствол карабина. Два бойца, стоявшие за пулемётами – это были два МГ, – тоже направили свои стволы на солдат. А подбежавшие бойцы быстро их разоружили. Воспользовались мы внезапностью и неожиданностью, иначе если те придут в себя и начнут оказывать сопротивление, то нашумят, а нам этого не нужно. Хотя двое солдат пытались оказать сопротивление, одним из них был унтер, но и их скрутили, даже наш силач поспособствовал. Опустил кулак на голову, и всё, сомлел унтер. Когда всех взяли и по моему приказу стали раздевать, подбирая себе форму по размеру, я приказал:

– Доклад. К вам проверочная группа была отправлена, шесть человек. Дошла?

– Остывают в кустарнике, командир, мы их уже раздели и всё сняли, – сообщил Бабочкин. – Втихую взяли, они не ожидали от нас сопротивления.

– Это работа Ватутина, снял с вас подозрения, а так молодцы. Значит, слушаем приказ. Переодеваемся под сапёров, имея настоящие документы, технику и предписание к работам, мы сможем затеряться среди множества местных частей. Всех немцев одеваем в нашу старую форму и укладываем в кузов грузовика, как будто они в нём вели бой, главное, чтобы сгорели и их невозможно было опознать. А то ещё поймут, что это сапёры, искать будут. Патруль не трогайте, пусть в кустах лежит, для нашей задумки это нормально. Все ДТ внутрь кузова, чтобы их нашли и подумали, что это и есть группа диверсантов. Диски к пулемётам оставьте полными, не хочу оставлять оружие немцам боеспособным, а рвущиеся в огне патроны его изувечат. Главное, те поймут, что это за оружие, а большого и не нужно. Нам хватит пары дней, чтобы нас не искали, а дальше уже неважно будет. Для антуража пару мин бросьте рядом с машиной, как будто в неразберихе всё было. Части комплекта советской формы и оружие у машины разбросайте и в кузов уберите, чтобы по номерам оружия немцы поняли, что оно принадлежало уничтоженному вами пешему патрулю. Дальше мы грузимся на технику инженерной части и уходим. Все мины, кроме пары, в кузов грузовика сапёров, вещи тоже. Приступайте. На всё про всё у нас двадцать минут, после этого мы должны покинуть это место.

Бойцы и так знали, что делать, мы всё это совершали в степях Украины множество раз, натягивая на себя личины разных немецких подразделений, так что бойцы засуетились. Тут Бабочкин командовал, уже привыкнув к этому делу, освоился, и началась подготовка. А через двадцать минут мы действительно покинули место ночёвки, оставив у посадки начавший разгораться грузовик. Туда сразу метнулся один из ближайших самолётов-разведчиков и закружил над столбом дыма, а мы уже наматывали километр за километром по трассе в сторону Берлина. Я сидел за рулём полугусеничного транспортёра в кабине, а рядом Ватутин в форме унтера. Сложнее всего в этом было отобрать у одного из летунов его лётный шлем и зашвырнуть в кустарник. Найдут, точно убедятся, что тут были русские диверсанты. А так летуны с какой-то отчаянной решимостью сохраняли свою форму, как и мы свою. Так что отобранье шлема потребовало серьёзных усилий, даже на приказ те особо не обращали внимания, типа мы из разных родов войск. На что я сразу отреагировал. Раз из разных, то мы поехали, а вы самолёт себе ищите. Так что попытку бунта я пресёк на корню, сразу шлем отдали. Нормально.

Вот только отъехали мы не так и далеко. И пяти километров махнуть не успели, как нас остановили. И кто, я сам в шоке был, когда понял, кто вышел из вставшего на обочине легкового автомобиля, что ехал навстречу, и поднял руку, останавливая нас.

– Генерал, – удивлённо пробормотал Ватутин, слегка подаввшись вперёд, чтобы рассмотреть этого высокопоставленного офицера.

– Генерал, не сомневайся, – стараясь не шевелить губами, пробормотал я. – Я этого гада по всей Белоруссии ловил, а он, скотина, тут мне повстречался. Это Гудериан.

– Будем брать? – заметив, что я останавливаюсь по приказу генерала, уточнил Ватутин.

– Сперва узнай, что ему надо. Если он нас куда с собой прихватить хочет, не сопротивляйся, но проси письменный приказ-бегунок, мол, у тебя свой приказ имеется. Дальше по обстоятельствам. Шанс есть, охрана у генерала хиленькая.

– Понял.

Как только транспортёр замер, бойцы, сидевшие по бокам, закачались из-за несколько резкой остановки. Сиденья у них были установлены в центре сразу за кабиной, бойцы сидели спинами друг к другу, рассматривая обочины, позади на корме небольшой кузов. Между сиденьями и кузовом и была та рама с лебёдкой. В общем, когда транспортёр замер, то Ватутин открыл дверь и спрыгнул на пыльную обочину дороги, сама трасса

асфальтированная была, и, подбежав к генералу, стал молодцевато рапортовать. Всё согласно документам, что у него лежали в нагрудном кармане кителя и в планшетке. Пока мы ехали, до этой встречи, тот всё зачитывал и запоминал, чтобы не ошибиться. Кто же знал, что вот так быстро придётся экзамен сдавать. Я подслушивал через открытое окно, что надо генералу, оказалось, тот возглавлял поисковый штаб в Берлине и окрестностях, ловил диверсантов, и, увидев нас, решил направить на осмотр одной из дорог. Уже было зафиксировано два случая подрыва на минах. В первый раз взлетел на воздух бронетранспортёр дорожной охраны, есть погибшие. Машину только в утиль, во второй раз на мину наступил копытом вол одного из крестьян. Его ошмётки разбросало по всем окрестностям. Причём сам возница не пострадал. То есть пострадал, но получил бычьим членом по лбу, да так, что очнулся не сразу. И когда к нему подкатили на шум армейцы, очнувшись, тот злой ходил вокруг воронки и второго убитого вола и размахивал этим членом, ругая всех и вся.

Это уж не генерал рассказал, тот, поставив задачу на разминирование дорог, выделил сектор наших работ, писал новый приказ на капоте автомобиля, а его водитель, унтер из легковушки, всё и описал Ватутину, рассказывая в лицах, что увидели армейцы. Сразу взять генерала мы не смогли, снова пошли грузовики, то одиночки, то колоннами. Ждали. Да и гражданских стало хватать, двое на личных авто проехали. Брать генерала нужно сейчас, его сопровождал «ганомаг» и два мотоцикла с пулемётчиками. В принципе, при внезапном нападении, завалить всех без потерь была возможность. Расстрелять мотоциклистов, пару гранат в бронетранспортёр и взять на прицел генерала. Тот и не рыпнется. Правда, охрана у генерала была откровенно нелюдимая. Рыскали глазами по сторонам, насторожены и готовы к отражению нападения. Неприятные противники. Тут ещё адъютант закончил оформлять все документы, а генерал подписывал и поставил свою личную печать на приказы.

Видимо, поджог грузовика всколыхнул все части вокруг, вот те и рванули к месту происшествия. Гудериана тоже вызывали к радиостанции в бронетранспортёре, и тот, послушав сообщение, отдал неизвестному собеседнику несколько приказов, после чего махнул рукой, приказывая нам следовать за ним, и сел в машину. Когда Ватутин забрался в кабину, я развернул транспортёр и, ругаясь, стал нагонять колонну Гудериана.

— Взять не получается. Свидетелей вокруг полно, — сказал Ватутин, рассматривая приказы, подписанные генералом, после чего убрал их в планшетку. — Хорошие документы, с такой подписью мы везде можем

ездить. В зоне нарезанных задач, правда, а это довольно приличные территории.

– Мы к нашему же сгоревшему грузовику едем, а там половина солдат будет из городка, где мы позаимствовали эту технику. Не удивлюсь, что и сослуживцы сапёров обнаружатся.

– Да, туда нам совсем нельзя. Что делать будем?

– Что-что, импровизировать. Когда у нас по-другому было? Значит, так, прижимаемся к обочине и встаём, я сделаю вид, что у нас что-то с движком. Не думаю, что генерал будет останавливаться. Потом разворачиваемся и уходим.

– Жаль его упускать.

– Не сыпь мне соль на рану. Снова уходит. Надеюсь, он про нас не вспомнит. Дал задание и забыл. А нам уходить нужно. Ставим везде, где можно, мины, как видишь, на местных они отлично действуют, если генерал уже забеспокоился этим минированием, и двигаемся к точке эвакуации.

– А у нас такая есть?

– Есть. Спасибо гестаповцам из Мюнхена, подсказали один частный аэродром, где можно найти самолёт. И не охраняется. Принадлежит одной итальянской авиакомпании. Так что едем к нему, а дальше по ситуации. Кстати, сегодня как раз ночь вылета рейсового «юнкерса» на Украину, пристроимся за ним. Главное, чтобы на аэродроме был самолёт и он был таким же «юнкерсом». С этим могут быть проблемы.

– Какие?

– Гестаповцы на «дугласе» прилетели. Тоже рейсовая машина, но нам и она сгодится. Мы с задания полетим, а не на задание. Уже легче.

– Это точно.

– Покажи мне на карте обозначенную зону работы, попадает на него этот аэродром или нет... М-м-м, нет, не попадает. В двадцати километрах от границ нашей зоны. В общем, он вообще с другой стороны Берлина находится. Но двигаемся всё равно к нему, времени до наступления темноты порядочно. Весь день впереди. Установим все мины что есть, побезобразничаем на дорогах, по-тихому уничтожая посыльных, патрули и всё что встретится. Дальше аэродром, самолёт, и к нашему лесу в окрестностях Ровно возвращаемся. Все, покатили.

Мы покинули трассу и съехали на второстепенную дорогу. Дальше, построив бойцов и командиров, я поставил всем задачу по ближайшим нашим действиям, чтобы в курсе были моих планов. Показал Бабочкину и Берёзову на карте, где находится аэродром, дал его примерное внешнее

описание, всё со слов обоих гестаповцев. Ну, а дальше мы двинули. Ставили мины, пока те не закончились, и, работая под патруль, останавливали машины. Несмотря на то что мы сапёры, под эти патрули работали многие, хотя согласно докладу пленных, русских диверсантов вроде как обнаружили, но там много странностей. Вот так мы успели перехватить восемь посыльных на мотоциклах-одиночках, два патруля, тоже на мотоциклах, только тяжёлых с колясками и пулемётами. Бронетранспортёр был, причём французский, ну и шесть грузовиков общей численностью. Но не это главное. Приметив как-то грузовичок-полуфургон с надписью «Почта» на борту, я приказал его остановить. Водителя случайно зарезали, узнал меня гнида. С машиной я угадал, была там свежая пресса из Берлина и на разворотах всех газет моё фото на всю страницу. Я наполовину залез в танк и спокойно смотрел на камеру. Каждую чёрточку лица запечатлели. Точно пора валить, хватит, заигрался. Так что всю прессу бойцы разобрали на память. Я им её даже подписал, кому и за что, ставя автограф. Да и про карты Берлина не забыл, тоже надарил с автографами. Бойцы и лётчики в ответ на развороте моей газеты тоже расписались, с благодарностями.

И вот за два часа до наступления темноты, когда мы потрошили очередной оставленный грузовик, в нём снаряды были, хотели сделать мину-ловушку, чтобы рванул, когда будет проходить мимо какая техника, вдруг нас обстреляли из дальней рощи. Там мелькали фигурки солдат. Видимо, заметили, поняли, что делаем, ну и открыли огонь. Стрелков было несколько, судя по звуку, из карабинов били. Наши пулемётчики ответили из двух МГ. Пули, казалось, неопасно посвистывали вокруг, я сразу приказал грузиться, уезжаем, нашумели, нужно покинуть эту зону, но когда схватился за ручку двери транспортёра, открывая её, то почувствовал удар, пуля вошла в спину, в горле заклокотало, ноги начали ослабевать. И почему-то голове засела мысль, никак не могу слогнуть комок в горле. Ну вот не глотается, и всё тут. Всё на этом. Разве что помнится чей-то крик о том, что меня ранило, вот теперь точно – всё.

Дальше помню обрывками. Лица Бабочкина и Берёзова, что так странно покачиваются сверху... Меня куда-то несут. Всё время качает. Выстрелы, близко, отдают в левое ухо. Во время одного из просветлений повторил приказ фельдшеру Игнатову, что дежурил рядом со мной, что вместо меня командует Бабочкин. Да все это и так знали, я уже не раз говорил, война – всякое бывает. Потом, помню, очнулся от гула авиационных двигателей, меня укачивало во время полёта. Потом вроде лес был, и уже день, хотя до этого явно ночь, и немцы вокруг, ни одного

знакомого лица. Новое пробуждение, состояние между сном и явью, дорогу рассмотрел в окне машины и верхушки зданий. Потом операционная мелькнула, и яркий свет в лицо. Врачи были. Но наши или немцы, непонятно. Дальше отруб, и уже ничего не помню. Интересно, и где я очнусь?

Конец второй части